

№ 11
НОЯБРЬ 1991

уральский
СЛЕДОПЫТ

Оса НА КАМЕ

читайте на 6-й странице

Фото Олега Капорейко

Учредители —
 Союз писателей РСФСР,
 Ассоциация советских
 книгоиздателей,
 трудовой коллектив журнала
 Издатель —
 Средне-Уральское
 книжное издательство

8
СЕРЕБРЯНЫЙ СТАКАН
 Семейная реликвия, связанная с хра-
 мом Христа-спасителя.
 С. Шмерлинг

13
**ТОТ ПЕРВЫЙ ПОЛДЕНЬ В ДУШУ
 ПОСТУЧИТСЯ.** Стихи
 М. Найдич

14
КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА
 Большая подборка материалов, расска-
 зывающих о вятских мужиках, умевших
 варить суп из топора; о Л. Андрее, кото-
 рый был сфотографирован в костюме бо-
 сяка.

18
ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОГОРОДИЦЫ
 Продолжение рубрики «Христианские
 праздники».
 А. Медведев

20
БРИЛЛИАНТОВАЯ ЦЕПОЧКА. Рас-
 сказ
 Мир в семье — как сложно его сохра-
 нить и как легко разрушить.
 В. Кобылин

25
НИМФА И ЛЕЙТЕНАНТ. Фантасти-
 ческий рассказ
 С. Другаль

27
СФЕРА РАЗУМА. Фантастический
 роман. Продолжение
 С. Слепынин

53
ЗАЧНЫЙ КЛО
 57
ЗАТОР В ЗЛАТОМ УСТЬЕ. Очерк
 Сотрудники милиции, кооператоры, под-
 следственные, осужденные — все эти сло-
 ва относятся к хорошим парням, попы-
 тавшимся встать против Системы.
 Н. Широкова

66
ПОД ЗНАКОМ МАРСА
 История развития новой науки — радио-
 биологии.
 Ю. Алан

71
 СТИХИ
 Л. Смелков

72
ВИКИНГ. Рассказ
 В. Рысев

76
**ОГОРОД «УРАЛЬСКОГО СЛЕДО-
 ПЫТА»**
 Новые сведения о старых знакомцах.
 А. Семенов

77
КРАСНОГЛАЗЫЙ, ЛЕШИЙ, РУСАЛКИ
 Есть ли они на самом деле? Свидетель-
 ствуют очевидцы.
 М. Быкова

78
НАРОДНОЕ ПОГОДОВЕДЕНИЕ
 Продолжение наблюдений о погоде.
 Г. Рыженков

79
МИР НА ЛАДОНИ

80
**ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА ИЗ ТОРФЯ-
 НОГО БОЛОТА**
 Во что может превратиться корешок,
 если он попал в добрые и талантливые
 руки.
 Е. Девинов

2
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
 К 80-летию со дня рождения писателя
 В. С. Рябинина.
 С. Казанцев

3
ВЕКОВАЯ ВОДА. Рассказ-быль
 Б. Рябинин

6
ОСА НА КАМЕ
 Продолжение рубрики «Малые города
 России».
 Н. Светличный

Дорогие друзья!
 В редакцию поступило много писем, в которых выражается недо-
 умение по поводу изменения подписной цены на «УС».

Восьмой номер журнала, как и остальные, готовился к печати за
 четыре месяца до его выхода в свет. Таков технологический цикл.
 В апреле наши экономисты подсчитали — стоимость одного номера —
 1 руб. 20 коп. будет оптимальной при существующих расходах на его
 издание. Но в период заключения договоров с типографией и почтой
 эти ведомства продиктовали нам условия, при которых объявленная
 цена оказалась для нас просто разорительной. Чтобы не допустить
 закрытия журнала, мы были вынуждены увеличить его стоимость.

Приносим глубокие, хотя и запоздалые извинения за все Ваши вол-
 нения и дополнительные хлопоты. Благодарим Вас за жертвенность и
 постоянство.

Коллектив «Уральского следопыта»

уральский
 СЛЕДОПЫТ II
 НОЯБРЬ 1981

ЖИЗНЬ продолжается

Имя Бориса Степановича Рябинина связано с «Уральским следопытом» с 1935 года. Я не оговорился: в 1935 году вышли первые девять номеров нашего журнала. Молодой Борис Рябинин был его фотокорреспондентом. С «лейкой» и блокнотом разъезжал по Уралу; однажды прокаптался по будущим «бажовским местам» в одной телеге со своим другом Павлом Петровичем Бажовым. Через четыре года, в 39-м, их вместе приняли в Союз писателей.

В Москве, вспоминал Борис Степанович, председатель российского писательского союза С. В. Михалков спросил у Бажова: «Вы же не старый еще человек, зачем вам такая борода?» Павел Петрович ответил, прищурясь: «Сие, Сергей Владимыч, лучше женщинам известно: борода — дело шекотливое...»

Не из красноречия привел я этот эпизод. Пытаюсь понять: там, где начинается классик, — обязательно кончается человек? Если так, — не бывать Рябинину классиком: слишком он человечен, слишком не бронзово жив. Слишком свежи еще воспоминания о Борисе Степановиче-жизнелюбе, шутнике, озорном рассказчике, журналисте необычайной моторности, способном в 75 лет сорваться в командировку на край света, на Чукотку, куда только вертолетом... Как будто он летал отдельно от своих пролетающих лет. Какой-то год не долетел до нынешнего своего юбилея, рухнул, как аэроплан, подорванный террористами. Что ж, «террористов» в его жизни хватало вдосталь, еще и на после смерти осталось... Из Союза писателей его исключали: за связь с «троцкистами» — репрессированными литераторами; кромсала его статьи и книги цензура; и «Правда» браво давала крупнокалиберный отпор его критическим выступлениям против исторического беспамьяства местных властей... С ним невозможно было «договориться». Его невозможно было купить. И расстрелять его было поздно... На фронте не погиб. В 1944 году был командирован газетой «Известия» в Уральский добровольческий танковый корпус, и остался там на четыре месяца, прошел с танкистами несколько сот километров. Во все послевоенные годы по командировкам разных газет и журналов кидался, как в бой, на защиту Природы, на защиту Человека в любой, самый отдаленный, медвежий угол страны. Критикуя губителей природы и душ человеческих, не оставлял без внимания простых, настоящих, не «юбилейных» героев. Вот и рассказ, который мы публикуем в этом номере, повествует о реальном событии, происшедшем на североуральских бокситовых рудниках около полувека назад. Рассказ готовился для центральной печати, но тогда не увидел свет: ведь на советских шахтах аварий не бывает...

Имя Рябинина-публициста знали многие взрослые читатели. Но многократно больше знали «дедушку-писателя» дети — самые благодарные читатели его книг о собаках. Землеустроитель, топограф, инженер Уралмашзавода, писатель и журналист, Борис Рябинин стал еще профессиональным кинологом — собаководом. Благодаря его советам сколько выращено четвероногих друзей; а сколько подростков свернуло с преступной тропинки, обзаведясь по подсказке Бориса Степановича верным, благородным другом, — не зря в народе говорят: «Каков пес, таков и хозяин». Благодарственные письма, бывало, с адресом: «Свердловск, писателю Рябинину», получал он из разных стран (я сам видел однажды из заокеанской Колумбии). Более ста книг издано у него на многих языках. Это значит — в тысячах библиотек еще много лет будут брать с полок детские и взрослые руки частички его души; это значит — жизнь его продолжается.

Жизнь Бориса Степановича Рябинина продолжается и в самом названии нашего журнала. Не только потому, что был он настоящим уральским следопытом. По легенде, когда в 1958 году решили открыть в Свердловске детско-юношеский журнал и хотели назвать его именем выходявшего тогда альманаха «Боевые ребята», — Борис Рябинин предложил вспомнить год 1935-й... «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». «Следопыт» поплыл тем, прежним курсом путешествий, приключений и фантастики, родоначальника, исторической памяти. Давний сотрудник и автор ему помогал.

Спасибо, Борис Степанович!

Сергей КАЗАНЦЕВ

На снимке: Борис Рябинин в 1932 году. Снимок публикуется впервые.

Вековая вода

Рассказ-быль

Борис
ЯЗЫНИН

Это — далеко на севере Урала, в суровом и прекрасном краю, где слабый захнычет и сломится, а сильный станет еще сильнее.

Это — там, где против человека соединились все силы природы. Зимой — снежная вьюга, застилающая все вокруг колючей непроходимой пеленой, морозы до пятидесяти градусов да с ветром; летом — гнус, который даже великана сохатого-лося загоняет в воду, да непроходимые топи. Холодной непреступной красотой сверкает похожая на конус потухшего вулкана величавая Кумба, выше облаков вздымается плоская, напоминающая спину огромного окаменевшего богатыря громада Денежкина Камня — «кухни погоды», как прозвали его местные старожилы. И тайга, тайга без конца и без края!.

Непокорна, но сказочно богата эта земля. Здесь есть все, чтоб человеку жить безбедно. И среди многих сокровищ — драгоценный дар уральских недр, красная алюминиевая руда — боксит.

Но неохотно расстаются недра с накопленными богатствами. Много опасностей подстерегают горняка, спустившегося за добычей в забой. И самый коварный из всех его врагов — вода.

Глубоко под землей текут целые реки. Вода заполняет подземные пустоты. Эта вода никогда не видела дневного света. Миллионы лет она находится в земной толще, сдавленная напластованиями геологических эпох, готовая каждую минуту вырваться, обрушить свою ярость стихии, с ужасающей силой все сокрушая, сметая на своем пути... Страшный, неумолимый враг — вековая вода.

Много необыкновенных, но не выдуманных историй о горняцком труде можно услышать в этом краю. Вот одна из них.

...Случилось это под вечер, когда в окнах рудничного поселка уже начали зажигаться огни и люди, вернувшись с первой смены, подумывали о близком отдыхе и сне.

Долго тянулись прозрачные северные сумерки, незаметно переходящие в ночь, а затем, так же незаметно, в новый день, и в этих сумерках родилась вдруг тревожная весть: в шахте — несчастье.

Прорвалась вода. И где же? В самом опасном месте — в стволе шахты. Рядом со стволом оказалась большая пустота — карст, заполненный водой. Когда проводились разведки, геологам не удалось обнаружить ее из-за очень прихотливого сложения горных пород (не будешь шупать буром каждый квадратный метр!). До поры до времени вода ничем не проявляла себя, как будто ее и не было совсем. И вот сегодня она внезапно выбила стенку, сорвала сооружение и с грохотом горной лавины устремилась по стволу вниз — топить шахту.

А в шахте — люди, очередная смена, занятая добычей боксита. Около ста человек.

Острота положения усугублялась тем, что шахта не имела запасного выхода.

Обычно у каждой шахты кроме основного выхода, по которому производится спуск — подъем, есть запасной, и даже не один. Но эта шахта была недостроена: запасной выход пробрили снизу к поверхности, оставалось пройти «сбойку» в шесть-семь метров, это должны были сделать не сегодня завтра, и чтобы не ждать, шахту уже начали эксплуатировать. Страна нуждалась в алюминии.

Может быть, не всякий знает, что такое алюминий. А это не только взмывающие в поднебесье сереброкрылые машины-самолеты, это не только удобная, практичная посуда, не только блестящая фольга для заворачивания шоколадных конфет. Алюминий — это крепчайший сплав силумин, из которого делают ответственные части машин; порошком алюминия сваривают рельсы; незначительное количество алюминия, брошенного в ковш с расплавленной сталью, улучшает, очищает ее, превращая в высококачественную; из алюминия изготовляют провода, краски, различные приборы... Без алюминия в наши дни не может работать ни одна отрасль промышленности.

Только отчаянная нужда в алюминии могла заставить начать добычу боксита в недостроенной шахте. И не достроена-то она была самую-пресамую малость: каких-нибудь две-три смены хорошей работы — и резервный выход был бы готов. Но к моменту прорыва вековой воды его не оказалось, и именно это обстоятельство с самого начала придало всему событию трагический характер.

Людей нужно спасать, но как?

По первому сигналу тревоги на шахту прибыли горноспасатели, вооруженные респираторами, с помощью которых можно дышать даже в дыму, если в шахте пожар, в костюмах из водонепроницаемой и огнеупорной материи, в твердых защитных касках. Красная тяжелая машина горноспасателей с пронзительным ревом сирены промчалась по улицам поселка и замерла на рудничном дворе. Бойцы бегом бросились к выходу в шахту, но оказалось, что сегодня они бессильны, стихия сильнее их. Они не могли даже спуститься вниз, чтобы помочь погибающим шахтерам: вода не пустила их.

Заработали мощные водоотливные машины. Они извергали целые потоки воды, поднятой на поверхность, но не могло спасти и это. Вода в шахте прибывала неизмеримо быстрее.

Начальник шахты Илья Петрович Погадаев, пожилой, жилистый горняк, был чуть бледен, но сохранял полное самообладание. На шахту приехали начальник рудника, парторг, однако Погадаев твердо заявил: «Я отвечаю за шахту, я и буду спасать!» — и взял все в свои руки.

Со всех сторон к шахте бежали люди. Каждый хотел принять участие в скорейшей ликвидации аварии, пока она не переросла в катастрофу, но сейчас это могло не помочь, а даже повредить, создать сутолоку и панику, и потому первое, что сделали по распоряжению начальника шахты, — с помощью бойцов-горноспасателей и дежурного персонала наверху оценили шахту и никого лишнего не допускали.

Второе, что незамедлительно сделал начальник шахты: подсчитал, с какой скоростью поступает вода, сколько времени понадобится ей, чтобы заполнить все подземные выработки.

Получилось, что через три с небольшим часа вода сделает свое дело. В распоряжении спасателей было только три часа. Даже меньше.

На счету была каждая минута. Об этом напоминал грозный глухой гул, несшийся из шахты, — вода продолжала заливать выработку.

Что передумал в эти роковые мгновения старый, многоопытный шахтер Илья Петрович Погадаев, от распорядительности, знаний, дальновидности которого зависела сейчас жизнь ста человек? С двенадцати лет он на шахтах. Пришел мальчонкой, а теперь уж под шестьдесят. Покрылась инеем голова, седая щетина пробивалась на пер-

гаментно-желтых скуластых щеках. Он как раз садился бриться, когда ему позвонили с шахты, и он, оставив помазок в стаканчике с водой, стерев с лица мыльную пену полотенцем, торопливо бросив жене несколько успокоительных слов, чтоб не волновалась чрезмерно (только имеют ли в подобных случаях силу слова!), примчался на автомобиле сюда. Совершенно отчетливо он представлял, почти видел, что творится в эти минуты под землей.

Отступая перед водой, шахтеры стараются выбраться повыше. Он знал каждого из них в лицо, знал по имени-отчеству, знал, у кого какая семья. Ведь это люди его шахты, его товарищи. Они сидят как в ловушке. Сверху толща породы, снизу подступает холодная, черная, враждебная вода. Они поджимают ноги, пробуют вскарабкаться еще выше, а она все ближе, ближе, и некуда убежать от нее...

Что можно сделать за три часа?

Остановить воду — невозможно. Она будет литься, пока не иссякнет запас. Пройти за эти три часа оставшиеся семь метров сбойки, чтобы проделать второй выход, — тоже невозможно. Не успеть. Как ни кинь, всюду клин. И тогда в голове Погадаева возник отчаянно-смелый план: взорвать сбойку.

Только взрыв мог быстро проделать ту работу, на которую при обычных условиях потребовалось бы несколько полных смен. Это правильно, но с этим связан и большой риск.

Взвали взрывники.

План они одобрили. Тотчас, не мешкая, пробурили скважину, простреляли несколькими небольшими взрывами, чтобы расширить, а потом уже заложить крупный заряд взрывчатки, забить глиной и, воспламенив бикфордов шнур, поднять на воздух тонны породы, открыть шахтерам путь на поверхность.

Все, казалось, складывалось как надо.

Но тут возникло опасение, которое поставило под сомнение весь план. Как сообщить шахтерам, что будет взрыв? Спасаясь от воды, они, конечно, сидят в восстающих выработках, идущих снизу вверх, и в том числе, несомненно, в той восстающей, которая должна была стать запасным выходом. Произойдет взрыв — масса породы обрушится вниз; надо предупредить их об этом, чтобы на время они покинули выработку. А не предупредить — может убить. Не погибнут от воды — убьет взрывом...

А как предупредить, когда связь отсутствует? Вода поврала кабеля, провода. Молчит телефон.

Спасатели заколебались.

А время шло. Взошла луна, но свет ее, казалось, был совсем не нужен: светло и так — белая северная ночь. С болот поднялся туман. Седые волны его медленно наползали на рудник, как бы желая укрыть, превратить в тайну то, что тут происходило. Только небо оставалось прозрачным и чистым, и на светло-голубом фоне его четко рисовались хребты гор. Повеяло сыростью и холодом.

Текли драгоценные минуты, и текла вода... нет, не текла, а хлестала бешеным водопадом и вся проваливалась в черную глубину шахты. Сколько ее там? Может, остановится сама?..

Стали снова совещаться, мучительно спрашивая себя: нельзя ли найти другой способ спасения? И опять выходило — нет, нельзя.

Оставалось одно: послать вниз человека.

Это просто сказать, но не просто сделать. А если неудача? Прибавить к ста жертвам еще одну? И кого послать? Кто с безумной смелостью решится прыгнуть в эту грохочущую бездну, кто отважится предпринять попытку спуститься вниз, попытку, почти граничащую с самоубийством, ибо неизвестно, не убьет ли его вода раньше, чем он достигнет дна шахты? Кто?

И такой смельчак нашелся.

Он вызвался сам. Круглолицый, курносенький. Год назад, пришел на рудник из ремесленного училища. Звать —

Николай Перцевой, рабочая специальность — дежурный слесарь.

— Плавать я умею... — сказал он, чтобы хоть чем-то объяснить свой поступок, словно оправдаться за то, что вот так взял да и выскочил вперед других.

— Там много не наплаваешь! — возразил кто-то.

— Ну, все равно... раз надо...

Он был совершенно очевидно обеспокоен тем, что ему могут не разрешить, и приготовился отстаивать свое право испытать себя.

Взгляд Погадаева оценивающе скользнул по фигуре юноши. Должен выдохнуть. Было время, когда начальник пробирал Перцевого за мелкие упущения в работе, а сейчас хотел бы обнять и прижать к своей груди, как сына, как самого дорогого человека.

Вслух же начальник шахты сказал наставительно:

— Будь осмотрителен. Как действовать — знаешь сам.

А Перцевой, пожалуй, даже не очень раздумывал над тем, какой опасности подвергает свою жизнь. Пока производились необходимые приготовления к спуску, он мысленно набрасывал план действий.

Первое — благополучно «присесть». Затем надо быстро пробежать почти весь штрек, по пути заглядывая на всякий случай во все восстающие, нет ли кого в них; главное же — обследовать последнюю восстающую, которая немного не дошла до дневной поверхности, и передать приказ, чтобы все, кто там есть, немедленно спустились и укрылись в штреке, пока не прозвучит взрыв. Ну и, конечно, все... Штрек идет строго по горизонтали и не имеет понижений; это давало надежду, что ему не придется нырять. Впрочем, он был готов и к этому.

Что руководило им в его поступке?

Спроси его — он не сумел бы объяснить. Он знал, что товарищи внизу находятся в опасности, и этого было довольно. Кроме того, если допустить катастрофу, это отразится на добыче, шахта надолго выйдет из строя, а это тоже ни в коем случае не должно быть.

От старых горняков он слышал не раз, как начинали добычу боксита в здешних местах, каких это стоило усилий. Шахты закладывались в тайге, ни дорог, ни тропинок. Добирались, прыгая по болоту с кошки на кочку. В самой глухомани вбили кол и сказали: «Вот здесь».

В жестокие морозы люди кайлами долбили твердую, как камень, землю. Грелись у костров, жили в палатках. Не дожидаясь, пока придут передвижные электростанции, при свете факелов поднимали боксит бадейками и на лошадях везли на погрузочный пункт. Хоть тонну в день, но не останавливать добычу!

Впрочем, все это скорее подсознательно пронеслось в его мозгу. Вряд ли оставалось столько времени, чтобы все продумать, вспомнить, взвесить и решить хладнокровно. Он делал так, потому что так было надо. И вообще не думал о том, что совершает подвиг.

Его закрыли в скип — железный глухой ящик, в котором поднимают руду, — и бросили вниз. Бросили — ибо другое слово здесь не подходит. Шахта, как и большинство здешних шахт, была наклонной; существовала опасность, что вода может сбить скип с рельс (тогда пропало все, пропал Николай!), и потому спуск был настолько стремительным, насколько можно было допустить без опасения, что скип разобьется, ударившись о дно шахты.

Он слышал, как заскрипели тросы, как тронулся скип. Вслед за тем на какую-то долю секунды тело его почти оторвалось от пола — так стремительно было начавшееся движение. В уши вдруг ударил оглушительный шум и плеск падающей с высоты воды, вода брызнула во все щели скипа, и почти тотчас падение прекратилось. От резкого толчка подогнулись колени. Он был на дне шахты.

Значит, первое и самое опасное — спуск — удалось осуществить благополучно. Не мешкая — дальше!

Около минуты у него ушло на то, чтобы выбраться из доставившей его сюда железной коробки, так как скип, чтобы его не затопило сразу водой, был укрыт со всех

сторон. Николай шагнул из него и попал под водяной обвал. В одно мгновение его сбilo с ног, потащило, перекачавая, как деревянный обрубок. Он с трудом поднялся, упал, поднялся снова, цепляясь за перевернутую вагонетку.

Вода падала с такой силой, что в первый момент ему показалось, будто на него рушатся камни. Он шарахнулся под защиту кровли, отчаянным усилием вырвался и тут же, через два-три шага, вынужден был остановиться, чтобы набрать в легкие воздуха, отдышаться, весь дрожа от невероятного напряжения.

Он почти оглох от царившего грохота, все тело ныло, как избитое. Вода была холодна, как лед, и он сразу окоченел, а шахтерская одежда превратилась в негнущийся жестяной короб. Мелькнула мысль, что путь назад отрезан и что теперь, хочешь не хочешь, остается только одно — идти вперед до победы.

Шахта являла собой картину полного хаоса. Сгрудились в беспорядке сброшенные с рельсов и опрокинутые вагонетки, с рудой и пустые. Он осторожно пробрался между ними, хватаясь за их шершавые борта и стараясь не делать резких зигзагов, дабы не запутать и не повредить гибкий и прочный тросик, который волочил за собой. Этот тросик был теперь единственным, что связывало его с дневной поверхностью, с жизнью.

За вагонетками стоял полузатопленный электровоз. Еще дальше Николай заметил полупогруженную в воду лебедку. Люди ушли отсюда, и остановившиеся машины выглядели осиротевшими, беспомощными, хотя именно они давали силу людям.

В первых восстающих не было никого. Неожиданно дорогу преградил всплывший крепезный лес, он закупорил штрек. Вот уж совсем непредвиденное препятствие! Николай попытался растолкать бревна — тщетно, лишь больно прищемил палец. Тогда полез на них, но они, скользкие и верткие, внезапно расступились под его тяжестью, и он ухнул с головой в воду, а бревна тотчас сомкнулись над его головой.

В какие-нибудь полминуты он нахлебался воды до тошноты. Он старался выбиться из-под накрывшей его массы древесины, и она не пускала, топила всей тяжестью. Одно из бревен больно ударило в затылок. Хорошо, что каска защищала голову, иначе мог оказаться пробитым череп.

Наконец, полуголушенный, почти теряя сознание, отфыркиваясь и отплеываясь, он выбрался, к счастью, уже с другого конца этой плавучей западни, а то пришлось бы штурмовать ее еще раз.

Николай побежал, крича, чтобы привлечь к себе внимание.

Но испытания еще не кончились. Внезапно он почувствовал, что занесенная для шага нога не встречает твердой опоры, и поспешно отшатнулся назад, но было поздно...

Второпях он совершенно выпустил из внимания, что здесь, в одном из боковых углублений штрека, имелась яма-«помойница» для стока воды. Сейчас, когда штрек залило водой, она была невидима. Николай не заметил, как слегка отклонился от центральной оси выработки, сделав два-три неверных шага в сторону, и в тот же миг провалился, как в колодец. Всплеснула вода, и...

Наверху в это время с нетерпением ждали сигналов от Перцевого, прислушивались, не запищит ли зуммер, соединенный с тросиком, другой конец которого убежал в шахту. Зуммер молчал. Зато очень выразительно говорил тросик. Он почти непрерывно подергивался, как живой, и это подергивание точно воспроизводило все то, что происходило с парнем под землей. Когда Перцевого валяло, как бревно, тросик тоже мотался, как безумный, порой натягиваясь так, что, казалось, вот-вот лопнет; затем он успокоился, и это означало, что Николай отдыхает от полученной встряски, вцепившись посиневшими пальцами в холодные борта вагонеток. Равномерное подергивание возвестило, что он двинулся дальше.

Вот запищал зуммер. Раз... другой... третий... Сигнал! Перцевого извещал, что благополучно миновал опасную зону и идет по штреку. Вздох глубокого облегчения невольнично вырвался у тех, кто в эту минуту находился наверху, у спуска в шахту.

Затем общее внимание опять надолго приковалось к тросику. Тросик подергивался, но все слабее и слабее — Перцевого уходило все дальше; потом вдруг резко рванулся, ослаб и некоторое время словно находился в какой-то нерешительности (это когда Николай преодолевал преграду из бревен), и люди наверху понимали, что посланнику их встретилось какое-то препятствие. Потом — натянулся еще раз и больше с этого момента не проявлял никаких признаков жизни. Что происходило в шахте, никто не знал.

Безвестность ожидания была тягостнее всего. Погадаев, наружно почти ничем не выдавая своего волнения, поглядывал на часы: ему казалось, что стрелки бегут слишком быстро, хотя с момента спуска Перцевого прошло не так уж много времени.

Он, вероятно, даже не заметил бы, если б в эти томительно долгие минуты по соседству выстрелили из пушки; и разом встрепенулся, когда вновь раздалось комариное жужжание зуммера.

Вместе со всеми Илья Петрович нетерпеливо считал: раз... два... три... И после недолгой паузы — снова: раз... два... три... Как было условлено: два раза по три. Победа! Перцевого передал приказ шахтерам. Молодец парень!

И в самом деле, после невольного купания в «помойнице» Николай без дальнейших помех и промедлений добрался до намеченной цели и теперь стоял в окружении шахтеров, усталый до дрожи, но счастливый сознанием, что трудное и опасное задание выполнено с честью, он преодолел все препятствия. Не менее взволнованы были и шахтеры, обрадованные его неожиданным появлением, видя в лице Перцевого живое подтверждение тому, — хотя это знали всегда, — что о них не забыли, помощь близка. Спустившись по зову Перцевого в холодную, непрерывно прибывающую воду, они стояли на достаточном расстоянии от восстающей, чтобы не задело, когда сверху повалится порода, тесно один к другому, и ждали, переговариваясь негромко и одновременно прислушиваясь.

Теперь — взрывать!

Удастся ли взрыв? Принесет ли нужный эффект? Вот о чем спрашивал себя в эти последние минуты Илья Петрович Погадаев, хмурясь и настороженно-испытующим взглядом следя за приготовлениями взрывников. Последнее сомнение. От этого зависело все. Ведь один взрыв мог и не дать того, что от него ожидали, а времени на производство второго взрыва уже не оставалось.

А гул из шахты по-прежнему напоминал, что грозная опасность не миновала и стихия не побеждена.

Выдет ли взрыв? Не напрасны ли были все усилия Перцевого, риск, которому он подверг себя? Об этом думали сейчас все.

Но это были последние сомнения.

Взрывники действовали безукоризненно четко. Точен был их расчет. Включили запал, воспламенили взрывчатку, и в какую-нибудь долю секунды все семь метров сбойки оказались одним ударом пробиты насквозь, как выстрелом в упор.

И — в пору! Вода в шахте самым низкорослым уже доходила до горла. Но теперь она была не страшна.

Прозвучал взрыв, упали вниз обломки породы, вверху открылся выход на дневную поверхность, и все люди поднялись по нему наружу, а вместе с ними и герой дня — Николай Перцевого.

Шахта простояла всего тридцать шесть часов.

Помнят ли о его подвиге на шахте? Время идет быстро, наслаиваются события, каждый день случается что-то, может, уж забыли. А как бы хотелось, чтоб помнили...

Публикация Л. С. Рябиной

Оса на Каме

Николай
СВЕТЛИЧНЫЙ

Есть на уральской земле — километрах в ста с небольшим к югу от Перми — городок с экзотическим названием Оса. Недавно исполнилось 400 лет со дня его основания. Имя городка, как это случается со всякой стариной, обросло легендами. По одной из них произошло оно от всем известного насекомого, по другой — от прежнего названия обитавшей здесь некогда народностей севера — остяков, по третьей — связано с изобилием в здешних реках рыбы хариуса, которая на языке кочевавших здесь вогульских племен, нынешних манси, называется «ося».

Есть и еще одна версия, предложенная ростовским ученым И. Д. Дмитриевым-Кельды. Обозревая Каму от Булгар до Чердыни, нетрудно заметить, что Оса расположена как бы посередине ее протяженности. «Середина» по-арабски — осат или оссатун. Арабские купцы, проводя свои баржи с товарами вверх по Каме, проходили ежедневно 20—30 км. Так возникали названия ночевок арабских бурлаков: Камбарка, Саранцево, Дакша, Гольяны и т. д. — до Осы. Оса — это половина пути до Чердыни.

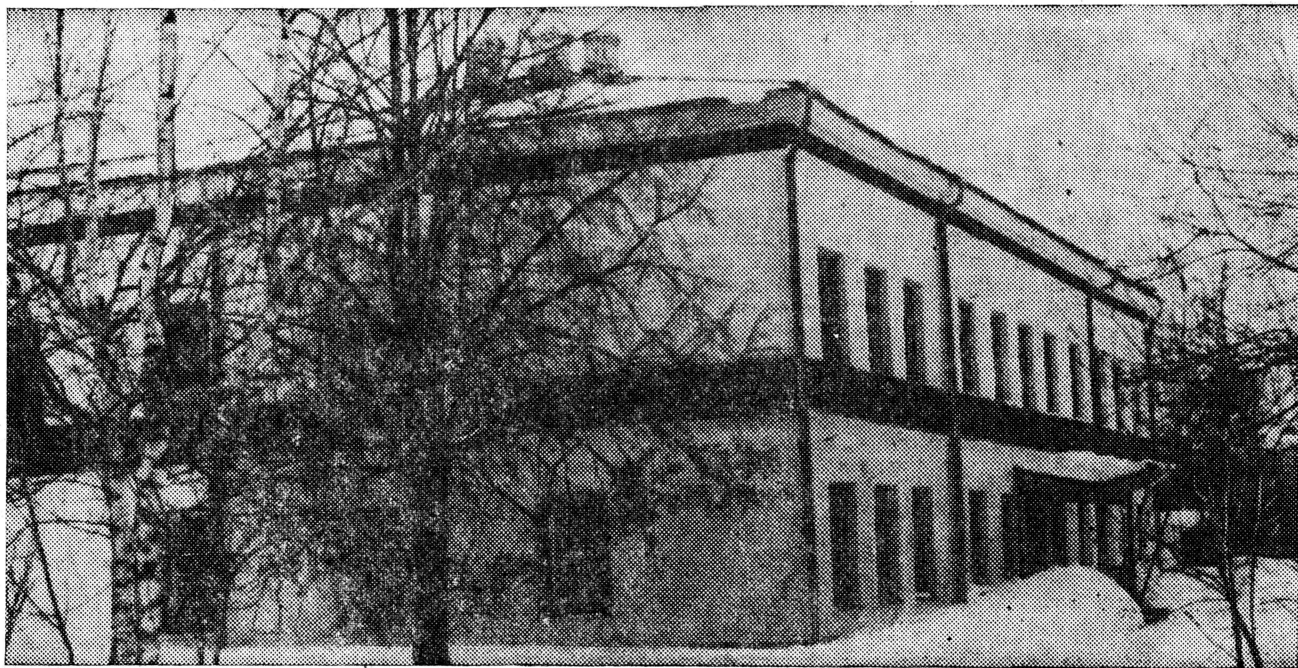
Немало повидал городок на своем веку. Берет он начало от Ново-Никольской слободы — одного из опорных пунктов для колонизации Прикамья. Первыми обосновались здесь в 1591 году Нечай и Филипп Калуженины, выехавшие из Калуги. Вслед за ними в слободу начали переселяться крестьяне, в основном из Чердынского и Вологодского краев.

Долгие годы поселение подвергалось нападению восставших башкир и татар. Особенно сильно пострадало оно в 1707 году. В 1719-м при Петре I Ново-Никольская слобода переименовалась в Осу. Со временем здесь возникает крепость. В 1737 году сюда назначается особый воевода, а сама слобода официально признается городом.

После очередного набега башкир крепость заново укрепили, гарнизон ее пополнился батальоном Троицкого полка и уральскими казаками. Ко второй половине XVIII столетия Осинская крепость представляла собой внушительное по тем временам сооружение. Со всех сторон обнесена высокими бревенчатыми стенами с четырьмя двухэтажными башнями по углам. Одна стена упиралась в край крутого лога, две других — в берега речки Осинки, перед четвертой был вырыт глубокий ров и насыпан земляной вал высотой шесть с половиной метров. На этой стороне между двумя угловыми башнями возвышалась пятая — самая большая башня с въездными воротами.

Наступил 1773 год с его грозными событиями, связанными с пугачевским восстанием. 18 декабря пугачевцы подошли к городку. Жители Осы признали власть «Петра III», и тогдашний воевода Пироговский был вынужден ехать с поклоном в с. Чесноковку к сподвижнику Е. И. Пугачева Зарубину. До апреля 1774 года местные повстанцы держали под своим контролем большую территорию. А 21 июня 1774 года после трехдневной осады и штурма крепость слалась подошедшему к городку с основными силами Е. И. Пугачеву. Гарнизон крепости перешел на сторону восставших. Через год, как известно, восстание крестьян было подавлено царскими войсками. Но еще не раз на осинской земле землепашцы поднимались против своих угнетателей. В 1865 году здесь произошли крупные волнения удельных крестьян, вызванные введением уставных грамот, отягощавших и без того нелегкое их положение. В 1905 году крестьяне восстали против помещика князя Голицына.

Бурно жила Оса в годы гражданской войны. Вскоре после революции в ней создается Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, руководство которым в результате упорной борьбы с меньшевиками и эсерами взяли в свои руки большевики. 28—30 января 1918 года состоялся первый съезд Советов. Он провозгласил в городке и уезде Советскую власть. Уездное земство ликвидируется. В марте приступил к работе Осинский уездный комитет РКП(б). Политическая борьба здесь была ожесточенной и сопровождалась немалыми жертвами. Однако власть Советов поначалу продержалась недолго. 7 марта 1919 года после полуторамесячной осады город был взят кол-

чаковцами. Окончательно Советская власть утвердилась 21 июня 1919 года — после успешного наступления 21-й стрелковой дивизии Красной Армии.

По переписи 1596 года в Ново-Никольской слободе насчитывалось всего 95 жителей. Около двух столетий Оса находилась в административном подчинении Казани. С образованием в 1781 году Пермского наместничества она получает статус уездного города, а через пятнадцать лет после преобразования наместничества в губернию — статус уездного города Пермской губернии. В это время в городке проживало 556 человек. Занимались они главным образом сельским хозяйством. Только к середины XIX столетия возникает кустарная промышленность, чему в немалой степени способствовало открытие в 1846 году регулярного пароходного движения по Каме. Теперь в городке уже работало четыре завода: два кожевенных, мыловаренный, салотопенный и две фабрики. Об одной из них — рогожной купца Бутакова — упоминается в работе В. И. Ленина «Кустарная перепись 1894-95 годов в Пермской губернии и общие вопросы кустарной промышленности».

Вообще Оса нередко привлекала внимание исследователей и писателей. В ней бывали выдающийся путешественник Витус Беринг и знаменитый историк Герард-Фридрих Миллер. О событиях в городке, связанных с крестьянским восстанием, писал в «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкин. Писали также В. Шишков и наш современник В. Пикуль в книгах «Емельян Пугачев» и «Фаворит». Описание Осы дано в «Древней российской вивлиофике» — уникальном сборнике письменных памятников по истории России, изданном известным просветителем XVIII века Н. И. Новиковым.

Вот как выглядел наш городок в конце XVIII века: «В нем строения следующие: одна церковь, одна богадельня, две лавки, домов обывательских 152, кои все деревянные и ветхие».

...А я хорошо помню его облик в тридцатые годы нашего столетия. Прямые улицы с дощатыми тротуарами. Почти у каждого дома палисадник с буйно цветущими черемухами весной и тяжелыми красными гроздьями рябин осенью. Большинство домов деревянные, многие украшены резными наличниками и карнизами. Лишь в центре городка — островок добротных кирпичных зданий. Здесь же, в центре, базар, на который в ярмарочные дни съезжалось множество крестьян. Неподалеку шумел листвою тополей бульвар — любимое место отдыха горожан. В конце бульвара стоял деревянный летний театр.

Каменные дома были и в других частях городка, правда, немного. В одном из них я учился. Здание это, несмотря на довольно солидные размеры, удивительно легкое с виду. Построено оно в начале века по проекту талантливого земского инженера Грюнфельда. До 1918 года в нем размещалось уездное земство. Потом работал Осинский ревком. В тридцатые годы здание передали средней школе. Здесь я впервые увидел своего любимого тогда писателя В. В. Бианки — на его встрече со школьниками и учителями. Виталий Валентинович жил в Осе в 1941—1943 годах, эвакуировавшись из Ленинграда.

Но более всего впечатляли в городке церкви. Одна, белоснежная, с колоннами — Успенский собор, — стояла за сквером у откоса, за которым протекала Осинка. Другая — стройная, из ярко-красного кирпича — возвышалась на кладбище среди тенистых аллей. Со стороны городка кладбище было обнесено красивой кирпичной стеной с деревянным ажурным верхом. Третья церковь — Троицкий собор, с огромным золоченым куполом — располагалась в центре городка.

Храмы постигла горькая участь. Радетели крутых мер снесли купола Успенского собора и превратили его в обычный дом с колоннами. Троицкий собор, рассказывают, хотели разобрать на кирпич, да, к счастью, не смогли: удивительной прочности оказалась кладка. Тогда его приспособили

под склад, затем после пожара отгородили в нем угол для автостанции

Церковь на кладбище рушили на моих глазах. Было мне в то время лет десять-одиннадцать, но помню все до мельчайших подробностей — детская память цепкая. Изумленно глядели мы, мальчишки, как из распахнутых дверей летели на паперть толстые, в кожаных переплетах церковные книги. Ветер разносил по ступенькам листы с крупным шрифтом. Книги свалили ворохом на телегу и увезли. Потом с глухим стуком упала на землю выточенная из дерева и раскрашенная в мягкие голубые тона небольшая головка ангела. Видно, там, на колокольне, шла нелегкая «работа». С крестами оказалось справиться труднее, чем с книгами. Чтобы срубить их, наняли за хорошие деньги самого отчаянного мужика (в городке называли его фамилию и сумму вознаграждения). Подрубленные кресты сдергивали веревками. Долго лежали они затем поржавевшие у церковных стен. Со временем исчезали с кладбища мраморные памятники, рушилась каменная стена...

В ту пору к окраинам городка почти вплотную подходили тучные луга с озерками, в которых гнездились пернатая живность. За лугами, вдали, на многие километры простирались густые нетронутые леса.

Теперь в Осе и ее окрестностях многое изменилось. Другими стали очертания самого городка. В 1964 году с возведением на Каме ГЭС воды Воткинского водохранилища затопили луга и нижнюю часть городка, ту самую, с которой четыре столетия назад начиналась его застройка. Часть строений с берегов Осинки перенесли на возвышенную местность, ближе к центру оказавшегося на полуострове городка.

С наступлением «оттепели» церковь на кладбище опять передали верующим. Ее реставрировали. Сейчас здесь идут богослужения. В бывшем Успенском соборе обосновался краеведческий музей. В нем немало ценных исторических экспонатов, уникальная диорама, выполненная народным художником РСФСР, художником студии имени Грекова, Е. И. Данилевским. Изображена Осинская крепость и сдающийся Пугачеву ее гарнизон. Недавно в музее создана вторая, не менее замечательная диорама «Природа» (художник Н. А. Зарубин, таксидермия М. А. Заславского). А как бы выиграл музей, находись он сейчас в не изуродованном, а в первоначальном белокаменном храме!

Растет число жителей в городке. Сегодня их насчитывается около 25 тысяч. Работает машиностроительный завод, предприятия местной промышленности, крупные автохозяйства. Построены авто- и речной вокзалы, Дворец культуры и кинотеатр, заасфальтированы многие улицы. В северной части города на берегу Камы выросли микрорайоны с современными жилыми домами. Но у каждой медали есть оборотная сторона. Тревожит осинцев экологическая обстановка. Из-за отсутствия очистки многочисленных котельные и промышленные предприятия интенсивно загрязняют воздух выбросами, содержащими в недопустимых концентрациях двуокись азота и сернистый ангидрид. Положительное усугубляют асфальто-бетонные заводы, также не оборудованные очистительными установками.

Все грязнее становится Кама. В районе города она зачастую превращается в свалку мусора. Местные промышленные предприятия и нефтегазодобывающее управление «Осинскнефть», в ведении которого находятся очистные сооружения, постоянно сбрасывают в реку сточные воды, содержащие нефтепродукты. Часто нефть плывет и по Осинке.

Беспоощадно вырубается леса в осинском крае, а потому высыхают речки, скудеют флора и фауна, меняется климат. Комитет по охране природы решительно настаивает на резком сокращении в районе лесозаготовительных работ.

Но несмотря ни на что, в этом году у осинцев праздник — родному городу 400 лет!

Фото Олега Капорейко (см. 1-ю и 2-ю стр. обложки)

СЕРЕБРЯНЫЙ СТАКАН

По следам
одной семейной хроники

В холостяцкой квартире моего старого приятеля Григория Михайловича Бакшеева, как всегда, сохранялся милый его сердцу уклад: в углу — горка радио- и теледеталей, последствие очередного эксперимента; пишущая машинка, прикрепленная к стене; хозяину, у которого война отняла руку и не пощадила глаз, так удобнее писать деловые бумаги и шуточные письма знакомым; на плите гигантский чайник, в полном соответствии с владельцем гвардейского роста. Приезжая в родной город Москву, я непременно наносу ему визит, и мы принимаемся готовить обед или ужин, обмениваясь мыслями о прошлом и настоящем. Дискутируем довольно бурно, пока не садимся за стол.

Бакшеев — молочный брат моего одноклассника, погибшего на фронте. Это нас и сблизило: друзья моих друзей — мои друзья. И вот с год тому назад, накануне праздника Победы, мы предавались воспоминаниям, поток которых неожиданно для меня приостановил один необычный предмет.

— Погляди-ка на этот стопарь, — сказал Гриша, доставая из шкафчика массивный металлический стакан. — Недавно я его отдраил, и он предстал во всей своей красе... Держи.

Стакан был увесистый, о таких украинцы говорят: берешь в руки — маешь вещь.

— Сей предмет серебряный, цилиндрической формы, — комментировал Бакшеев, человек сугубо технический. — Вес — 137 граммов. Диаметр снаружи — 65 миллиметров. Высота — 89 миллиметров. Емкость — четверть литра, а точнее — 260 кубических сантиметров...

— Погоди. Самое интересное — то, что изображено на его стенках.

— Не спорю. Определи — что именно.

— Та-ак... На одной стороне Кремлевская башня... с часами. Ясно какая — Спасская. А на другой церковь... Погоди, погоди... Четыре купола по углам, а в центре — самый высокий. Уж не Храм ли это Христа Спасителя?

— Угадал.

— Я успел его повидать, как говорится, вживе. А ты?

— Ваш покорный слуга тоже имел честь. Мы ведь од-ногодки.

...Да, такие впечатления, полученные даже шесть десятилетий назад, не забываются. Году в одна тысяча девятьсот двадцать восьмом или девятом тетя Женя, воспитательница детского садика, водила нас на прогулки. Самыми примечательными были две — в Нескучный сад и к Храму. Для нас, малолеток, то были большущие походы. В ту пору весенний Нескучный благоухал. Здравствовали еще вековые дубы, клены, липы и вязы. А над чистыми и тихими водами Москвы-реки невозбранно склонялись пла-кучие ивы.

Мы наслаждались свободой. После зажатых заборами, поросших гусиной травкой замоскворецких дворишков тут открывался простор. Разорвав строгие пары, мы носились не только по аллеям, но и по густой траве, играли в салочки, бегали наперегонки. А двоюродные братишки, прозванные из-за нежных, как бы воздушных кудрей Пушком и Дымком, непрестанно сражались — прутьями, палками, заменявшими им мечи и шпаги.

А когда через неделю, пересев на «букашке» — трам-вае «Б» Крымский мост, зашагали по Пречистенской на-бережной и подошли к Храму, то были молчаливы и сосре-доточены. Так потрясли нас его красота и величие. Да, они были выше нашего понимания, никто из нас не мог выразить свой восторг. Крепко держась за руки, мы мед-ленно обходили гигантское здание, тихо любуясь арками, колоннами, узорчатой резьбой огромных дверей. Загляды-вали вовнутрь — в светящуюся живыми красками, белым мрамором, заселенную не ведомыми нам фигурами тишину. Но дольше всего наши взгляды были прикованы к сияю-щим солнечным золотом куполам.

В наших головках золотая крыша запечатлелась на-

всегда, как образ этого сказочного здания. И по сю пору, услышав о Храме, я прежде всего представляю то блистающее чудо.

Если в Нескучном братики Дымок и Пушок носились как угорелые и мир их не брал, то здесь они не произносили ни слова и крепко держались за руки.

Не думаю, что добрая и смешливая тетя Женя была особо набожной. Вряд ли. Я не видел у нее крестика, она не поминала имя Божие. Скорее всего стремилась передать нам чувство красоты, которая, как известно, спасет мир. Мы сами стали напрашиваться на прогулки к Храму и побывали около него много раз, а когда времени не хватало, то спускались к водоотводному каналу, в просторечии именуемому Канавой, и любовались им с Якиманской набережной.

Обратили мы внимание и на такую отличку: все берега реки были земляными, заросшими травой-муравой, а участок перед Храмом был одет красивыми каменными плитами. Правда, ниже их, на песчаной отмели, сидели рыбаки...

Выслушав мой рассказ, Гриша улыбнулся:

— Видать, мы с тобой бывали там в одно время. В таком же наивном возрасте привез меня отец в столицу из нашей Теряевой Слободы, что под Волоколамском, и привел на Красную площадь, а оттуда к Храму. Впечатления наши совпадают вплоть до золотой кровли, но есть и разница. Отец мой, Михаил Иванович, был не только мельником высочайшего класса, но и редчайшим специалистом по строительству земляных плотин. Он отлично понимал и умело укрощал нравы малых российских рек. И меня к этому делу стремился приохотить. Вот и у Храма Христа Спасителя он обратил внимание, что это самое большое в Москве здание воздвигнуто на речном берегу. Сколько сметки, знания и умения надо было иметь, чтобы подчинить, обуздать десятки, если не сотни, подземных речек и ручьев, чтобы создать прочнейший фундамент для такого гигантского сооружения! Такие мысли он мне внушал... А рыбаков на отмели и я запомнил, и еще — лотки, лавочки, где продавали рыбацкие снасти. Мы с ребятами из Слободы потом сами приезжали на Пречистенку и Остоженку, обходили Храм... Да, а ты стакан-то толком не разглядел. Ну-ка поверни его доньшком. Возьми увеличительное стекло... Что видишь?

— Ага, проба — 84-я. Стало быть, серебро. Здесь и год обозначен — 1856-й. Это, конечно, дата изготовления. Ну, знаешь, мне никогда не доводилось держать в руках предмет полторасотлетней давности... Постой, как же сей серебряный стакан к тебе попал?

— По наследству... Однако это целая история моего рода...

2

Прадед Григория Михайловича по материнской линии Бобков Петр Афанасьевич, крестьянин, уроженец Верей, вскоре после войны 1812 года перебрался в Москву. Еще в деревне он преуспел в портновском деле и накопил некоторые средства. Впрочем, была и другая деревенская версия: якобы в юности, когда был пастухом, он нашел клад — зарытую отступающими французами кубышку с золотом. Так или иначе, он обосновался в Белокаменной у Таганской площади. Место выбрал обдуманно, вблизи рынков — Рогожского, Тетеринского, Крестьянского, да и знаменитый Хитров рынок находился неподалеку. Снял подвал и принялся портняжить сам и с наемными помощниками. Занялся перешивкой, перелицовкой и ремонтом пиджаков, брюк, чуек, шورتков. Дело пошло. Женился Петр Афанасьевич удачно — на московской мешанке с Гончарной улицы. А потом, выправив документы, даже вступил в альянс с другими портными и специализировался на изготовлении штатских шинелей и мундиров. Мастерская расширилась и вместе с квартирой хозяина расположилась на Большой Алексеевской улице — ныне Большой Ком-

мунистической; обзавелся и собственным магазином. Петр Афанасьевич возлагал большие надежды на единственного сына Павла, видел его продолжателем дела. Был Павел сметлив, расторопен и быстро схватывал капризные перемены моды, как говорили, умел держать линию. Отец воспитывал его в строгости, но знакомства с детьми именитых ремесленников и купцов поощрял: ежели ты пятак, то, коли потрешься о целковый, двугривенным станешь. И вот приблизительно на исходе 1856-го Павел потянулся с друзьями на приманчивый благотворительный вечер, который устраивали дамы княжеского звания и вроде бы даже царской фамилии. Бобков-младший дерзнул на этот шаг без благословения родителя.

Там из княжеских дамских ручек гости получали чашки чая — за немалую плату, конечно. Но в центре вечера был аукцион, на котором разыгрывались серебряные стаканы с изображением Спасской башни и Храма Христа Спасителя. Стоил каждый по 50 целковых — недешево, если учесть, что за эту сумму можно было купить десяток коров. Купеческие сынки наперебой покупали такие сувениры. А Павел маялся. Денег и на один стакан не хватало. Но все же решился — попросил у друга займа, обменял мятые рублевки на новенькую ассигнацию и получил из рук ласково улыбающейся дамы серебряный стакан.

Вернулся домой поздно. А наутро застал сердитого отца за чтением газет. Тот проворчал:

— Смотри, Пашка, как поступают деловые люди. Вот купили на аукционе сувениры, и, пожалуйста, их в газетах пропечатали. Слава в торговом мире. А ты, небось, на такой вечер и пойти не догадался.

— Да был я там, батюшка, и стакан серебряный купил...

— Где он?

Павел принес покупку.

— Видишь — только один. Вот нас в газетах и нет. Дурак. Взял бы лихача — да ко мне. Глядишь, и нам бы слава.

История этой покупки передавалась из поколения в поколение. Ее Григорий Михайлович Бакшеев слышал от матери и дядьев — Петра и Сергея Павловичей. От них же узнал, зачем и как были выпущены в середине века эти серебряные стаканы. Цель была такая: по мере возможностей содействовать возведению Храма Христа Спасителя. В ту пору была нужда в средствах на отделку и украшение здания. И вот нашелся предприимчивый человек — имя его рассказчиком неизвестно, — который скупил задешево лом серебра (ложки, вилки, ножи, посуду, утварь, пришедшие в негодность), переплавил и довел до кондиции, т. е. до 84-й пробы. А затем были изготовлены стаканы с изображениями Кремлевской башни и Храма. По рассказам родственников, пять или более тысяч таких сувениров продавались на аукционах в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Киеве и, возможно, в некоторых других городах. Значительная выручка помогла украшению Храма.

...Выслушав рассказ Григория Михайловича, я спросил:

— Почему же эта реликвия досталась именно тебе? Ведь у Павла Петровича Бобкова были и другие наследники.

— Видишь ли, Павел Петрович широко развернул дело отца и даже выкупил себе звание купца II-й гильдии, у него уже имелись две крупные мастерские и магазины. И он подумывал о наследниках. Была у него дочь и два сына, но надежды на них как на продолжателей дела не состоялись, да и времена изменились...

Если ты бывал на Большой Коммунистической улице, то, быть может, на одном из современных зданий неподалеку от Таганской площади заметил мемориальную доску. Здесь, конечно, еще в старом доме, где размещались мастерская и магазин купца Павла Петровича Бобкова, находился штаб Красной гвардии. А одним из руководителей его был мой дядя Сергей Павлович. Другой дядя

был офицером... Оба они в купеческие наследники не годились. Вот почему дед, долгожитель, мечтая все-таки о продолжателе дела, положил так: передать серебряный стакан первому внуку... Им я и оказался. А вручила мне семейную реликвию матушка уже после возвращения моего с фронта.

...Слушая рассказ Гриши, я все не выпускал из рук стакан, изготовленный полтора столетия тому назад. И нет-нет, поглядывая на дату изготовления — 1856-й, раздумывал. Вспомнилось, что строительство Храма завершено в начале восьмидесятих годов прошлого столетия. Могли ли его изобразить в полном виде в середине годов пятидесятых? Тут была загадка... Своим сомнением я поделился с владельцем реликвии.

— Что ж, действительно загадка. Вот и разгадай, если сможешь.

3

Подумавши, я решил, что ответ на наши с Бакшеевым сомнения я найду, скорее всего, в Музее истории Москвы, что располагается по адресу Новая площадь, 12. А направился туда пешком по знакомой дороге, той, по которой шесть десятков лет назад водила нас к Храму тетя Женя. Хотелось многое вспомнить. И так, я прошагал через Крымский мост и вступил на Остоженку, которая успела побывать Метростроевской, а недавно вернула свое прежнее название. Свернул на Пречистенскую набережную, тоже успевшую побывать Кропоткинской, и увидел то, что ожидал: пространство голубоватой, парящей воды. Плавательный бассейн «Москва», занявший место Храма.

Так уж вышло, что я мог наблюдать все превращения этого старинного уголка столицы. В раннем детстве это было местом прогулок, в первые школьные годы меня и моих друзей магнитом тянуло в сумрачный двор Дома Правительства, где стояли удивительные автомобили — «бьюики», «форды», «паккарды», «линкольны» и даже сказочная «испано-сюиза». Мой сосед по парте жил в одном из этих громадных зданий, похожих на серые утесы, и я мог обозревать с высоты седьмого этажа то, что происходило на месте Храма. В старших классах спешил на свидания с подружкой, жившей близ Кропоткинской. Занимаясь академической греблей, с быстрой «восьмерки» оглядывал москворецкие берега.

...Страшное впечатление осталось от развалин Храма. Стояло сказочно прекрасное здание с золотыми куполами — и нет его. В войну я повидал разбитые врагом Смоленск, Минск, Киев, Варшаву. Видел и берлинские руины... Но та первая картина разрушения незабываема. Из квартиры моего соседа по парте я видел, как долго убирали территорию, как раскрылся и заполнился водой обширный котлован, как трудно его осушали, клали фундамент нового здания... Так было до 1937 года, когда мой одноклассник остался без родителей и без квартиры, и я уже не видал строительный ландшафт с высоты. Но, как и все местные ребята, пристально следил за стройплощадкой на берегу Москвы-реки.

Я бы покривил душой, сказав, что потеря Храма принесла мне и моим друзьям неутешное горе. Сожаление, недоумение, жалость вскоре сменились надеждой и мечтой о новом чуде — Дворце Советов. Нас буквально окружали рисунки, чертежи, плакаты, посвященные этому сооружению. Они глядели на нас с уличных стендов, магазинных витрин. Не было журнала или газеты, где бы не печатались исполненные восхищения рассказы о будущем Дворце. Даже в детском журнале появился вдохновенный рассказ о нем. «В Москве, вблизи Кремля, на берегу Москвы-реки мы строим Дворец Советов», — писал в журнале «Мурзилка» (№ 1 за 1940 г.) известный в ту пору писатель Николай Атаров. — Это будет самое высокое здание на земле — высотой в 416 метров. За 40 километров от Москвы можно будет разглядеть статую Ильича, поднимающуюся над Дворцом. Снаружи дворец облицуют пре-

красным светлым гранитом, а статую соберут из тонких листов стали при помощи кранов. Высота статуи Ильича будет 100 метров. В указательном пальце вытянутой руки статуи — 6 метров. Голова — величиной в 4-этажный дом. Во всем мире нет таких статуй!

В большом зале Дворца на заседаниях и спектаклях поместится 21000 человек — население целого города. Во всем мире нет таких залов.

Советский народ хочет, чтобы памятник Ильичу стоял на земле тысячи лет и всегда оставался прекрасным.

Когда Дворец выстроят, мы сможем подняться высоко над Москвой к подножию статуи Ильича, на самую верхнюю площадку Дворца, туда, где гуляют тучи. В дни праздников, в дни съездов партии и сессий Верховного Совета москвичи понесут к Дворцу красные знамена. Краснокрылые самолеты станут реять вокруг Дворца, а внутри него, в большом зале, будут в это время работать, заседать лучшие люди нашей страны. И рука Ильича над зданием будет указывать им путь — всегда вперед».

Налицо были явные признаки великой стройки. На Кропоткинской набережной был построен завод, выпускающий бетон высочайшего качества марки «ДС» — «Дворец Съездов». Сооружался новый Крымский мост, висящий на гигантских цепях из особо прочной стали «ДС». Ближайшая к стройке станция метро именовалась «Дворец Советов», и даже стекла в новеньких вагонах подземки имели марку «ДС».

Мечта прочно овладела нами, искоренив сожаления об утраченном Храме. Почти... Кажется, в начале девятого класса мы совершили поездку в Можайск и поход по Бородинскому полю. Без устали шагали по священной земле, и воображение переносило в дни исторической битвы. Как военная музыка звучали названия здешних мест: Шевардинский редут, батарея Раевского, Багратионовы флеши... Старичок экскурсовод вдохновенно отвечал на наши вопросы. Был среди них и такой: где можно узнать имена героев Бородина? Гид ненадолго замаялся, но все же ответил: — Имена офицеров и генералов, прославивших себя в Отечественную войну, высечены на мраморных плитах... Они находились в Храме Христа Спасителя.

Вот оно как. Оказывается, Храм был и памятником подвигу, совершенному нашими соотечественниками в войне против иноземных захватчиков!

— Неужели эти плиты пропали?

— К счастью, — ответил экскурсовод, — некоторые удалось сберечь. По моим сведениям, они — в подворье бывшего Донского монастыря.

И все равно мы следили за стройкой Дворца. Над огромным бетонным фундаментом начали подниматься стальные конструкции, высоту которых удавалось измерять, используя знания геометрии. Последний раз мы приблизительно определили их высоту на второй день войны, когда несли патрульную службу на набережной Москвы-реки, пытаясь поймать шпионов. По сию пору помню: высота конструкций была сорок пять метров.

Когда вернулся с войны, то этого стального скелета не увидел. Мне рассказали, что металл пошел в переплавку на танки и орудия, а часть балок обратили в противотанковые ежи, прикрывавшие в сорок первом подступы к столице. В те дни я встретил одного из братишек, с которыми был в детском саду у тети Жени, а потом учился в одной школе. То был Пушок. Дымок погиб под Ельней. Война страшно поработала над моим приятелем, он стал инвалидом. Вдвоем мы прошагали по памятным местам детства. Побывали и там, куда водила нас детсадовская воспитательница. С горьким чувством постояли у одетой потрескавшимся бетоном огромной ямины, предполагавшегося фундамента Дворца. Она была затоплена водой, покрывавшаяся болотной ряской.

Строительство легендарного Дворца не возобновляли, о нем не говорили и не писали, постарались, видимо, забыть. Минули годы, и на месте Храма соорудили плавательный бассейн, большую круглую чашу, заполненную

густо хлорированной водой. Над бассейном стоит белесый туман, витают испарения, грозящие мировым шедеврам живописи, что хранятся неподалеку в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Такие превращения Храма я вспоминал, направляясь на Новую площадь, в Музей истории Москвы. И там сразу повезло: встретил знающего человека, должность которого звучала громко и ответственно: Главный хранитель! Павел Федорович Николаев выслушал рассказ о серебряном стакане, благотворительности и Храме Христа, ненадолго задумался и извлек из него два главных сомнения: о реальности появления сувенира и возможности изображения Храма в 1856 году.

Вместо ответа на первое он привел меня через ходы и переходы старинного здания в небольшое помещение, заполненное экспонатами. То были и сосуды различной формы, предназначенные для сбора денег или других ценностей.

нилище, где работают только сотрудники музея.

...И вот передо мной книга в плотном переплете. Я тщательно переписываю заглавие и выходные данные:

«Историческое описание Храма во имя Христа Спасителя в Москвѣ. Составил по поручению Высочайше утвержденной Комиссии для построения Храма, на основании имеющихся документов, правитель ея канцелярии М. Мостовский.

Москва. Типография С. Орлова, Большая Кисловка, д. Архипова. 1883».

— Надеюсь,— самоуверенно заявил я,— что сегодня же найду эту книгу в Ленинской библиотеке.

— Желаю удачи,— ответил Главный хранитель.

4

Увы, оказалось, что найти книгу М. Мостовского, издания 1883 года, даже в главной библиотеке страны не

— Вот недавно открытый зал благотворительности,— сказал Павел Федорович.— Осмотрите его, и вы поймете, что с давних времен на Руси люди собирали средства в помощь ближним, на дела святые, общенародные. А на стенах портреты людей, известных своей благотворительностью...

Я внимательно осмотрел зал. Долше всего простоял у недавно реставрированного портрета знаменитого булочника Ивана Филиппова, автора исторической булочки с изюмом, чей магазин на Тверской и поныне именуется «Филипповской булочной». В ней собираются создать уникальный музей Хлеба.

— Филиппов и его наследники щедро жертвовали средства на украшение столицы и, конечно, на Храм. То были явления довольно частые. Так что история с серебряным стаканом, факт предприимчивости, инициативы, конечно же, вполне реальны. И, полагаю, не единичны. Труднее ответить на второй вопрос — почему уже в 1856 году появилось полное изображение Храма. Могу предположить... Но лучше будет, если вы сами найдете ответ. Он содержится в одной редкой книге. Я вам покажу ее, но, уж простите, не могу дать прочесть, она в специальном хра-

так-то просто. Упоминания о ней не нашлось ни в одном из указателей. И даже опытный консультант не смог отыскать. Прямо беда. Я с горечью подумал о бедственном положении Ленинки, о том, что главный ее корпус — Дом Пашкова — ремонтируется который год и что вряд ли в книгохранилищах поддерживается должный порядок...

— Книга у нас есть,— сочувственно ободрила меня женщина-консультант.— Я это твердо знаю. И пошлю запрос без указаний шифра. Только придется подождать...

С неделю ответа не было. Потом сообщили, что хранилось два экземпляра книги. Один... бесследно исчез (даже в Ленинке, увы, такое бывает), другой находится в «рассыпанном состоянии».

— Можно и в рассыпанном,— с радостью согласился я.

Через несколько дней получил книгу, связанную бечевками, никем до этого не востребованную. Открыл ее — и увидел изумительной четкости фототравюру Храма, выполненную мастерами восьмидесятых годов прошлого века — «Шереръ, Небгольцъ и К^о въ Москвѣ». Долго не мог отвести от нее глаз, настолько ярко была прорисована в ней каждая деталь здания. Оказывается, память сохранила не только очертания Храма, но и такие детали, как

гранитные плиты на набережной и песчаная отмель за ними...

Когда вчитался, то подумал: прав был Константин Паустовский, когда считал изучение морских лодий не только полезным, но и увлекательным занятием. Книга М. Мостовского — по сути, скрупулезный отчет о произведенных работах — от земляных до художественных — с указанием подрядчиков, исполнителей, авторов скульптур и полотен живописи, а также денежных затрат — была поистине поэтической. Гармония поверялась алгеброй, а алгебра — гармонией.

В начале автор излагал цель сооружения Храма:

«...Исполненный безграничной благодарности к Промыслу Божию за спасение России от грозившей ей гибели и относю весь успех, всю славу Русского оружия этой беспримерной войны только особенной милости Всевышнего, государь дал обет воздвигнуть Спасителю Храм, который вечно напоминал бы отдаленному потомству о доблестных деяниях его предков... Вблизи священного Кремля, на берегу Москвы-реки... окончено многоценное сооружение благодарственного Храма, достойного внимания по своей архитектуре, скульптуре и живописи. Еще издали привлекает взоры этот величественный Храм — памятник своими золотоблещущими главами, вблизи же поражает громадностью своих размеров, в то же время чарует стройным огласием своих частей...»

Из подробнейшего описания я узнал, «что общий характер здания напоминает древние русские церкви. В его основании — равноконечный крест, в углах которого находятся четыре выступа. Фасад — одинаков со всех четырех сторон. Каждая лицевая сторона оконечности креста делится четырьмя столбами на три части, из которых средняя более крайних. Все здание увенчано пятью главами, из которых средняя более прочих. Она придает всему зданию единство и полноту».

Выписал также размеры Храма. От основания до вершины креста он простирался до 48 сажень (сажень — 2,1336 м), то есть более чем на 120 метров. Колокольня Ивана Великого вместе с крестом могла установиться под яблочно большого купола Храма. Во время богослужения в нем могли поместиться 7200 человек.

Читаю летопись строительства и узнаю: была первая попытка возвести Храм на Воробьевых горах еще при царе Александре Первом, но уже при Николае Первом это место было признано неудачным, и 10 апреля 1832 года утвержден проект архитектора К. Тона, по которому строительство развернулось в 1839 году и окончилось, как сообщает М. Мостовский, в 1881 году.

Автор излагает все работы, начиная с исследований грунта, при котором на глубине 14 аршин открылся хрящ с булыжным камнем (что и определило надежность фундамента), до производства художественной росписи, в которой безвозмездно участвовали такие известные русские художники, как К. Маковский, В. Суриков, В. Верещагин. Точные описания работ сопровождаются их оценкой. Вот характерный пример: «За исполнение всех 48 наружных горельефов Храма художникам Логановскому, Рамазанову и барону Клодту заплачено 713 тысяч рублей серебром, не считая работ по установке горельефов на места — 60674 р. 66 коп». Исполнение этих горельефов продолжалось 17 лет.

Примечательно, что создатели Храма, говоря современным языком, боролись за качество и экономию, включали механизм конкуренции. При производстве мраморных работ, например, используя «переторжку», значительно понизили цены на подряды и затратили вместо 804949 р. 48 коп. — 585 400 рублей. Что и говорить, солидную сумму сэкономил Санкт-петербургский купец, скульптурных и мраморных дел мастер Белужкин.

В книге проименованы все исполнители работ — от земляных, бетонных, кирпичной кладки до художников, скульпторов и даже изготовителей церковной утвари. Так, сказано, что украшения стоимостью 90 рублей поставил ку-

пец Чуманов. Дорого ценилось чувство причастности к всенародному делу. Очевидно, что концентрация внимания к священному памятнику Отечественной войны вызывала и массовый приток пожертвований. Я сделал лишь несколько выписок из отчета. Капитан Д. С. Суровщиков пожертвовал 3000 рублей. Профессор Сорокин подарил образ святого благоверного князя Александра Невского. Мастером Дмитриевым по рисунку крестьянина Злобина были изготовлены хоругви и пожертвованы от имени Общества хоругвеносцев, в память Отечественной войны 1812 года. Рабочие фабрики Саввы Морозова собрали 424 р. 73 коп. и приобрели серебряные лампы в дар Храму. Немалые суммы внес на создание Храма известный промышленник, строитель ряда железных дорог, таких, как Уральская и Горнозаводская, Петр Иванович Губонин.

...Читая книгу М. Мостовского, я, разумеется, искал и ответ на главный вопрос: как могло появиться изображение Храма Христа Спасителя в 1856 году, если строительство было завершено в начале 80-х годов? Нашел даже два ответа. Первый — к 1854 году комиссией во главе с генерал-адъютантом графом Закревским были приняты работы по сооружению позолоченных глав и установки крестов. Стало быть, здание уже существовало от фундамента до крыши.

Любопытен и второй ответ: «Для наглядного представления о будущей облицовке Храма, — сказано на стр. 65 книги, — исполнена была в 1854 г. столяром Степановым деревянная модель Храма со всеми предположительными украшениями. Все, что оказалось неудобным изготовить из дерева, приготовлено из алебаstra. Упомянутая модель расписана академиком Колумбом масляными красками, не только под колер различных мраморов, но и мозаики, которые употреблялись в облицовке».

Конечно же, в 1856 году имелась полнейшая возможность воспроизвести контуры величественного здания на серебряном стакане, ставшем реликвией семьи моего старшего товарища.

Летопись строительства имеет и приложение: «Храм как исторический памятник». В нем рассказано, что во впадинах стен нижнего коридора «помещено 177 мраморных плит, на которых изложены в хронологическом порядке описания сражений, бывших в пределах России и вне нашего Отечества, время и место, главноначальствующие, перечень войск и орудий, имена убитых и раненых в том сражении офицеров, общее число выбывших из строя нижних чинов и имена отличившихся, то есть получивших высшие награды».

Да, это была настоящая каменная книга — памятник событиям и героям 1812—1814 годов! К счастью, некоторые мраморные плиты действительно сохранились и находятся в Донском монастыре, в филиале архитектурного музея им. Щусева.

Уже заканчивая этот очерк, я прочитал в московской «Вечерке» заключение группы ученых, что на фундаменте Дворца Советов вполне возможно возвести Храм Христа, а в декабре 1990 года рядом с тем местом, где находился Храм, установлен памятный знак с высеченной надписью: «Закладной камень часовни во имя Державной Божией Матери Предтечи Храма Христа Спасителя, который будет восстановлен на этом святом месте». Существует и фонд восстановления Храма, в него стекаются пожертвования.

Быть может, действительно, когда-нибудь тут возродится великое здание-памятник?

Я бы очень хотел, чтобы внуки мои увидели его...

ОТ РЕДАКЦИИ: гонорар за очерк автор попросил перечислить в фонд восстановления Храма Христа Спасителя на счет № 100700939 Дзержинского отделения жилищно-коммунального банка города Москвы. Кто еще последует его примеру?

Тот первый полдень в душу постучится

* * * *
И слабаков,
и самых сильных —
судьба берет нас в оборот:
мы сыты от ее обильных,
нам достающихся
«щедрот».
И ждать чего?
Сникает свет,
и в душах наших запустенье.
А весь запас долготерпенья,
того гляди,
сойдет на нет...
И от сознания
того,
что нет надежды на подмогу,—
уже привычно и всерьез
мы отвечаем на вопрос:
«Что нового?»
«Да ничего...» —
И добавляем:
«Слава Богу!»

* * * *
Не думал, что мне в душу
постучится
тот давний полдень, синяя вода,
давно ведь перевернута страница —
как говорится, раз и навсегда.

Но трудно отрывать от сердца все же
тот августовский,
чуть заметный дым —
и дерево на диком бездорожье,
и женщину, стоявшую под ним.

* * * *
Какой-то печальный
и странный мотив
во мне возникает, за горло хватая,
когда рассыпается, ночь прочертив,
над рощей притихшей звезда золотая.

Давай помолчим!
Пусть пройдут поезда,
ничуть не тревожа пространство
степное.

Мне кажется,
с кем-то случилась беда:
а если — с тобою?
а если — со мною?..

Как мало мы знаем в трясине забот,
порой отдаваясь лишь этим
заботам,—
а что в этот час на пороге
нас ждет,
и кто караулит за поворотом?

Молчим и вздыхаем:
мол, так-то, старик,
срываются звезды,
судьбу подытожив.
И все же сдержки подступающий
крик —
один ты встревожен?..
Другие ведь — тоже.

Послушай, какая вокруг тишина,
юнец соловей просвистел неумело.
Звезда!..
Может, в пруд угодила она,
почудилось даже —
вода зашипела.

* * * *
Вот и снова луна!
Окатила все поле,
и заметнее стала на травах роса.
И оружие наше сверкает до боли,
поневоле зажмуришься —
режет глаза.
Эти марши в ночах,
бесконечно бессонных,
приучают работать во мгле и дыму.
И глядеть на луну
не глазами влюбленных,
а глазами разведчиков:
свет ни к чему.

* * * *
Пора без всяческих затей
понять, насколько степь устала
от сокрушительных дождей,
да и от скрежета металла.
Ты, ветер северный, не ной,
уймитесь вы, зигзаги молний.
Ну дайте ей побыть одной —
впитать осеннее безмолвье.
Чтоб посреди голубизны,
в широком зареве кровавом,
проститься тихо до весны
с последним птичьим караваном.

В феврале нынешнего года в городе Кирове прошли вторые Петряевские чтения. В стенах областной библиотеки им. А. И. Герцена они собрали краеведов, библиофилов, историков и литераторов, ибо все эти призвания были одинаково присущи человеку, который дал конференции свое имя, — писателю-краеведу Евгению Дмитриевичу Петряеву (1913—1987).

С сообщениями о новых разысканиях в истории и библиофильстве выступили не только земляки подвизника, но и гости из Москвы и Ленинграда, Воронежа и Новгород-Северского, Краснодара и Нижнего Новгорода, Свердловска и Перми, Глазова и Читы...

Украшением нынешних чтений и их новинкой стали «круглые столы» по проблемам библиофильства и краеведческой библиографии. Организатором первого был воронежский писатель, один из сопредседателей недавно созданной Всероссийской ассоциации библиофилов О. Г. Ласунский, а вторым руководил профессор Московского государственного института культуры Н. Н. Щерба.

Писатель-библиофил О. Г. Ласунский и организатор музея Вятского речного пароходства Е. В. Березин стали первыми лауреатами чтений. Им вручены премии и дипломы имени Е. Д. Петряева.

Предлагаем нашим читателям сюжеты из трех сообщений, сделанных участниками вторых Петряевских чтений.

Дело краеведов

Александр АКИНЬШИН,
педагог

В конце 1920-х годов резко изменилось отношение властей к старой русской интеллигенции. Начинаются «чистки» в столичных вузах и Академии наук. Историческая наука превратилась в арену идеологической борьбы. К руководству Центральным бюро краеведения пришли «краеведы-марксисты».

Воронеж тоже не отставал от столицы. В июне 1929 года, когда перед «широкими массами» отчитывались университетские ученые, жестокой проработке подверглись профессор педфака М. Н. Крашенинников и Г. А. Замятин. «Идеалисты и реакционеры» обвинялись в отсутствии марксистского подхода к изучению исторических явлений, неактуальности работ. Оба педагога были тотчас уволены из вуза.

Осенью кампания продолжилась. Местная газета «Коммуна» выступила против одного из руководителей воронежского краеведения С. Н. Введенского. Вскоре он тоже стал бывшим доцентом педфака ВГУ. А в январе 1930 года съезд краеведов Центрального Черноземья публично разоблачил «лжекраеведов».

Эти события подготовили почву для создания воронежского «дела» старой интеллигенции. Были арестованы С. Н. Введенский, А. М. Путинцев, В. В. Литвинов, Т. М. Олейников, А. Н. Аверин, Н. М. Беззубцев, Г. А. Замятин, М. Н. Крашенинников, которые якобы «организованными действиями готовили свержение Советской власти». Первые месяцы допросов особых лавров чекистам не принесли. Перелом произошел в конце января 1931 года. К этому времени арестованных в Москве и Ленинграде

академиков (Н. П. Лихачев, С. Ф. Ольденбург, Е. В. Тарле, Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров, М. К. Любавский, А. И. Яковлев, В. И. Пичета и др.) успели превратить в мифический «Союз борьбы за возрождение свободной России» во главе с С. Ф. Платоновым и М. М. Богословским (умер в апреле 1929 года). Академику Платонову в Ленинграде и краеведу Введенскому (они были знакомы) в Воронеже задают одинаковые вопросы, дабы «привязать» периферийных краеведов к столичным ученым. С. Н. Введенский на допросе показал: «Академик Платонов, имея данные о насыщенности краеведческих обществ в ЦЧО контрреволюционными элементами, через меня как руководителя филиала «Всенародного Союза» и Воронежского краеведческого общества проводил идеи Союза...» А семидесятилетний Сергей Федорович Платонов, не выдержав многомесячных допросов, назвал Введенского «представителем монархической организации в Воронеже».

Однако для крупной антисоветской организации десять человек было явно недостаточно. Поэтому в феврале — апреле 1931 года прошли дополнительные аресты в Воронеже, Тамбове, Орле, Курске, Липецке, Старом Осколе, Задонске, Ельце, Острогожске. Взяли 92 человека. Так родилась «Воронежская областная контрреволюционная монархическая организация «Краеведы». Из большинства арестованных выбрали нужные показания. Елецкий краевед Ф. Ф. Руднев в 1956 году писал прокурору, что оговорил себя под давлением следователя, который угрожал расстрелом ему и всей семье.

Любопытен протокол допроса тамбовского краеведа П. Н. Черменского. Здесь раскрыто содержание конкретной работы «контрреволюционной» организации: «Она ставила себе задачу направить деятельность Обл. бюро краеведения в антисоветскую сторону с тем, чтобы краеведческая работа не могла быть использована для социалистического строительства. С этой целью издавалась ненужная литература, проводились бесполезные экспедиции, нерационально расходовались средства, тормозилось создание периферийных организаций, особенно фабрично-заводских и колхозных...»

Дело завершилось в мае 1931 года. Обвинительное заключение сформулировано по нескольким пунктам печально памятной 58-й статьи: пропаганда монархических идей среди народа, создание контрреволюционных групп, использование научных учреждений как прикрытия для группировки контрреволюционных сил, захват в этих учреждениях руководящих постов с антисоветскими целями, связь со «Всенародным Союзом борьбы за возрождение свободной России». 5 июня 1931 года коллегия ОГПУ в Москве без вызова обвиняемых решила их судьбу. Пятеро были расстреляны, подавляющее большинство заключены в концлагерь сроком от 3 до 10 лет, несколько человек высланы на север, в Западную Сибирь, Казахстан. Неправый приговор был отменен решением Воронежского областного суда только в июле 1978 года, все 92 человека были реабилитированы.

Кто же был в числе безвинно репрессированных?

В Воронеже: Михаил Никитич Крашенинников (1865—?), один из крупнейших специалистов по древним языкам и античной литературе. Профессор Юрьевского, а с 1918-го Воронежского университета выслан на 5 лет в Казахстан, там и умер.

Алексей Михайлович Путинцев (1880—1937), крупный филолог, специалист по творчеству А. Кольцова и И. Никитина. Профессор Воронежского университета и директор дома-музея И. С. Никитина. Приговорен к 5 годам лагерей, умер после освобождения в Тамбове.

Сергей Николаевич Введенский (1867—?), сын священника, выпускник духовной академии. С 1919 года — доцент Воронежского университета, историк, один из руководителей краеведческой организации. Приговорен к 5 годам лагерей.

Герман Андреевич Замятин (1882—1953), специалист по истории России начала XVII века, профессор Воронеж-

ского университета. Приговорен к 5 годам лагерей, с 1938 года жил в Перми, работал в пединституте.

Тихон Митрофанович Олейников (1883—?), сын священника, выпускник духовной академии. До революции — преподаватель духовной семинарии в Воронеже, председатель церковного историко-археологического комитета, редактор «Воронежской старины». В советское время — научный сотрудник музея и архива. Приговорен к 5 годам лагерей.

Федор Иванович Поликарпов (1882—1931), офицер царской армии. До 1929 года заведовал этнографическим отделом Воронежского краеведческого музея, затем священник в с. Кирсановке Средневожского края. Автор работ по этнографии и заселению края. Приговорен к расстрелу.

В Тамбове: Петр Николаевич Черменский (1884—1973), автор многих работ по истории Тамбовского края. До революции преподавал в гимназии, в советское время — в пединституте, был бессменным научным секретарем краеведческого общества. Приговорен к 10 годам лагерей. В 1950-е годы вернулся в Тамбов.

Василий Федорович Силин (1866—?), после революции — инспектор по охране памятников искусства и старины. В 1920-е годы — директор Тамбовского губернского и научно-художественного музеев. Приговорен к 5 годам лагерей.

Сергей Иванович Соколов (1874—?), до революции преподаватель реального училища, в 1920-е годы — научный сотрудник архива, подготовил ряд публикаций документов. Приговорен к 3 годам лагерей.

Владимир Павлович Субботин (1885—?), научный сотрудник краеведческого музея. Приговорен к 3 годам лагерей.

В Орле: Иван Иванович Лебедев (1882—1937), научный сотрудник губернского архивного бюро, секретарь краеведческого общества. Приговорен к 10 годам лагерей, в 1937 году в лагере расстрелян.

Петр Васильевич Малащенко (1873—?), до революции — офицер царской армии. В 1920-е годы — заведующий отделом музея, один из организаторов краеведческого общества. Приговорен к 5 годам лагерей.

Владимир Васильевич Петиков (1898—1931), ученый секретарь губернского бюро краеведения. Приговорен к расстрелу.

Петр Сергеевич Ткачевский (1880 — конец 1950-х гг.), художник и краевед, автор нескольких книг по истории Орла. В 1920-е годы — директор музея. Выслан на 3 года на север.

В Курске: Георгий Ильич Булгаков (1883—1945), до революции — преподаватель духовной семинарии и заведующий музеем епархиального историко-археологического общества. В 1920-е годы один из руководителей краеведческого общества, историк и этнограф. Приговорен к 5 годам лагерей.

Тихон Абрамович Горохов (1872 — начало 1950-х гг.), до революции работал в типографии, в 1920-е годы — нумизмат краеведческого музея. Приговорен к 3 годам лагерей.

В Липецке: Михаил Павлович Трунов (1877—1942), врач липецкого диспансера, председатель краеведческого общества. Выслан на 5 лет в Западную Сибирь. Умер в блокадном Ленинграде.

В Ельце: Федор Федорович Руднев (1892—1983), преподаватель педтехникума. Приговорен к 10 годам лагерей. В 50—70-е годы продолжал заниматься краеведением.

В Острогжске: Глеб Николаевич Яковлев (1876—1945), до революции — библиотекарь, один из организаторов картинной галереи памяти художника-земляка И. Н. Крамского. В 1920-е годы — директор музея и картинной галереи. Приговорен к 5 годам лагерей. В конце 1930-х годов вновь стал руководить музеем.

г. Воронеж

Леонид Андреев в костюме босяка

Тамара РЫЖОВА,
директор музея

Когда возникает необходимость представить, каким был «волжский босяк»; обитатель «дна», прибегают к этому изображению работы известного нижегородского фотографа М. П. Дмитриева. Надпись на ней гласит: «Барон Бухгольц — прототип Барона из пьесы А. М. Горького «На дне». 1900 г.»

Но возникает вопрос: почему фотография не вошла в знаменитый альбом «типов дна», который М. П. Дмитриев сделал для Московского художественного театра по просьбе А. М. Горького? Именно в этом альбоме хранится групповой снимок обитателей нижегородской Миллишки, на котором рукой Горького сделана надпись: «Барон Бухгольц, босяк. Грим и костюм для Барона». Бухгольц

писатель пометил крестиком, но этот человек даже отдаленно не напоминает того, кто запечатлен на нашем снимке.

Попытка точнее атрибутировать фотографию заставила проанализировать другие работы М. П. Дмитриева, хранящиеся в фондах Государственного музея А. М. Горького. Родилась догадка, которая потребовала специальной профессиональной экспертизы. Она проводилась в Центральной Горьковской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы научным сотрудником Геннадием Алексеевичем Григорьевым. Были представлены фотоснимок неизвестного мужчины и четыре снимка, на которых изображен писатель Л. Н. Андреев — один или вместе с А. М. Горьким. В заключении эксперта сказано: «Установленные совпадения в своей совокупности неповторимы и образуют комплекс признаков, достаточный для вывода о том, что на представленном снимке (№ 1) неизвестного «босняка» и фотоснимках № 2—4 изображено одно и то же лицо — Леонид Николаевич Андреев».

И когда «босьяк» оказался писателем Л. Н. Андреевым, возникли вопросы: зачем понадобилось писателю, одному из близких друзей А. М. Горького, предстать перед публикой в таком скандальном виде? При каких обстоятельствах, когда и где сделана эта фотография?

Павильон М. П. Дмитриева в Нижнем Новгороде в 900-е годы находился на Осыпной улице (ныне ул. Пискунова, 9). Фотограф принимал у себя ученых, писателей, художников, людей разных сословий. Их фотографии стали бесценным историческим материалом. Многолетние дружеские отношения связывали фотографа-художника с А. М. Горьким.

Л. Андреев же впервые приехал в Нижний Новгород по приглашению Горького в 1901 году. В одном из писем Алексей Максимович заметил: «...Бунин Иван был, был Андреев Леонид, Алексеевский Аркадий, и я два дня не видел себя...» Как прошел первый день, известно по воспоминаниям Алексеевского: был обед на квартире Горького в доме по улице Канатной, второй день не ясен, но среди фотографий Андреева, сделанных Дмитриевым, есть снимок, где писатель запечатлен таким, каким был в 1901 году. Может быть, именно в октябре 1901 года Андреев впервые побывал у Дмитриева?

В 1902—1903 годах писатель бывал здесь неоднократно. Доказательством могут служить многочисленные фотографии Андреева, которые были сделаны в 900-е годы. Молодого писателя привлекал в мастерскую Дмитриева интерес к фотоделу. А он высоко оценил работу Дмитриева: «Горький, автор пьесы, придает такое существенное значение правдивости бытовой стороны ее, что поручает нижегородскому фотографу-художнику М. П. Дмитриеву собрать целый ряд соответствующих фотографий, и М. П. Дмитриев с риском для себя собирает их на нижегородской Миллиошке, в ночлежных домах и всюду, где ютятся забытые богом и людьми герои Горького. Я видел у Горького эти художественные снимки и, поняв, какое важное и необходимое подспорье составляют они для театра, имеющего дело с совершенно новой и неисследованной областью жизни. Тем более важно непосредственное с ней знакомство».

Не в том ли 1902 году, поздней осенью или зимой (в декабре состоялась премьера «На дне» в МХТе), Андреев, в очередной раз придя к Дмитриеву, увидел там босьячью одежду и не удержался от соблазна «сыграть» перед фотокамерой горьковского героя из «неисследованной» области жизни?

Он надел на свою косоворотку (мы узнаем ее по другим снимкам Андреева) подобие ватника, картуз и босым встал на снег. Быть может, он представил себе горестную судьбу одного из тех босьяков, которых встречал в лохмотьях на берегу Волги.

Андреев, как известно, умел так искренне, глубоко

входить в образ, что перевоплощение его не оставалось только внешним, но переходило и во внутреннее состояние. Наверное, поэтому он в течение многих лет не был узнан на этом известном снимке.

О способности Л. Н. Андреева к перевоплощению рассказывали многие современники. Он мог жить в образе репортера, писателя или художника. Тогда на нем появлялась бархатная куртка, мягкий, небрежно повязанный галстук, небольшая вандейковская борода, львиная грива волос. Таким мы знаем его по некоторым фотографиям.

Особенно интересен тот период, когда писатель жил в доме на Черной речке, страстно увлекшись фотоискусством. Снимал уголки дома, родных, знакомых.

Дочь Л. Н. Андреева Вера Леонидовна вспоминала, что иногда Леонид Николаевич «не довольствовался обычным видом моделей и заставлял их надевать фантастические турбаны, какие-то греческие хитоны, в руки совал какую-нибудь палку в виде скипетра и ставил их в греческие позы».

Появление фотографии «босьяка» Андреева обясняется не только стремлением писателя почувствовать чью-то жизнь, но и особенностями его характера. В общении с друзьями и близкими Андреев был человеком жизнерадостным. Веселой выдумкой его было, например, водворение в городскую квартиру розового поросенка Аполлона, который вел в доме Андреевых «культурную жизнь», как собачка, прибежал на зов, сверкая белым бантом на шее.

Леонид Николаевич не раз разыгрывал свою маму, Анастасию Николаевну. Однажды нарисовал на стене, начиная с самого пола и по потолку, черные следы чьих-то огромных босых ног. Когда суеверная Анастасия Николаевна перекрестилась и зашептала: «С нами крестная сила!», он расхохотался, очень довольный своей проделкой.

Были выдумки и литературного характера. И. А. Белоусов в своих воспоминаниях рассказывал, что писатель любил посылать приятелям «фальшивки» — письма-розыгрыши. Однажды Белоусов получил письмо, в котором шла речь о его книге «Дорогие места». Подпись была сделана от руки почерком Горького. Стиль письма был действительно горьковский, а в конце тем же почерком было написано: «...Настоящее письмо без моего ведома и желания сочинил Леонид Андреев, даже подписал моим именем, что есть уже форменный подлог. Подлец! М. Горький».

На фотографии волжского «босьяка» Л. Н. Андреев прожил безмянным в течение восьмидесяти лет. В его сорокавосемилетней жизни этот (намеренный или невольный?) розыгрыш пока самый длинный. Может быть, талант и остроумие писателя заготовили нам неожиданности и на будущее?

г. Нижний Новгород

**Всесоюзное общество
инвалидов-эсперантистов,
редакция газеты «Граждане мира»
высылают наложенным платежом учебник и словарь на 24 тысячи слов международного языка эсперанто, а также комплект периодики на эсперанто и на русском языке (на сумму 23 рубля). Заказы направлять по адресу: 229910, Латвия, г. Вентспилс-6, «Граждане мира».**

Вятский— мужик хватский

Наталья ЧЕРНЫХ,
краевед

Имя уржумского крестьянина Макара Максимовых не раз встречается в вятских служебных бумагах М. Е. Салтыкова. Материалы музеев и архивные документы середины прошлого столетия помогли нам восстановить образ этого незаурядного человека, далеко выходящий за рамки привычных представлений о забитом, безответном и невежественном русском мужике.

Семья Макара Алексеевича была староверческой, и в доме по традиции существовал культ книги. Уважение и доверие к печатному слову помогли ему вырваться из-под груза отживающих представлений. Когда по Вятской губернии прокатилась волна картофельных бунтов и крестьяне категорически отказывались внедрять новую культуру, Макар Алексеевич решает все проверить собственным опытом. Эксперимент удался, и Максимовых решает поделиться своим опытом... со всеми крестьянами России. В «Журнале Министерства Государственных Имуществ» за 1842 год появляется его статья с примечаниями редактора. Она поражает логичностью, самостоятельностью мысли, практической сметкой: «...Для первого раза вздумал посеять картофель в трех местах: в одном месте распахал полосу черноземной нивы, в другом уваженную полосу конопляников, а в третьем песчаную залежь подле леса с края поля. Распахивал землю раз но и жалел трудов...»

Известно, что николаевская эпоха была знаменита особенно жесткими притеснениями старообрядцев, и исповедание Макара могло причинить ему немало неприятностей. Этот «острый угол» Макар Алексеевич умудряется обойти просто и без потерь. По ревизским сказкам 1850 года, его родной брат с сыновьями, а также жена, сыновья, дочери и внуки — старообрядцы, но сам Макар Алексеевич записан как единовец. История единовецкого движения показывает, что условное единение старообрядчества с православием возникло под давлением властей и вовсе не предполагало коренного изменения убеждений. Так и наш герой — из чисто тактических соображений становится одним из первых единоверцев в своем уезде.

Когда в 1842 году решался вопрос об устройстве первой в среде государственных крестьян Вятской губернии образцовой усадьбы, у начальства не было причин отклонить кандидатуру М. Максимовых. Вот тут-то в полной мере развернулись творческие способности вятского крестьянина. Представление о деятельности этого умного хозяина дает архивное дело «О ведении образцового хозяйства в усадьбе государственного крестьянина Вятской губернии Уржумского уезда Пилинской волости Макара Максимовых». Оно велось как раз в годы пребывания М. Е. Салтыкова в Вятке с декабря 1849 по январь 1854 года.

Помимо цифр здесь интересны примечания, которыми М. Максимовых сопровождает каждый свой отчет. Мы находим рассуждения о «растительной силе» в хлебных зернах и приметы, которыми пользовались земледельцы при ведении сельхозработ, заметки о состоянии природы, жизни животных, сведения о дикорастущих деревьях, ягодах, травах, грибах и таблицы с ежедневными отметками температуры воздуха.

Так, получив предписание начальства «удабривать сенокосную и пашенную земли золою», Макар Алексеевич после проведения опытов смеет утверждать: «Удобрение земли золой неудобно для крестьян Вятской губернии, потому что печная и овиная зола употребляется ими на белине крестьянского платья и холстов... Самым же выгодным для крестьян я почитаю вывозку на песчаные поля из болот кочкарной или иловой земли, на глинистые — обыкновенного навоза...»

Без тени робости и самоумаления он делится опытом разведения заграничных высокоурожайных сортов зерновых: «...Смышленный хозяин, получив, например, небольшое количество лучшей ржи, должен посеять его не в ржаном, а в яровом поле, или в другом отдаленном месте, чтобы получить чистой породы семена и избежать вредного оплодотворения от местной ржи...»

Судя по цифровым отчетам и нашим недавним идеологическим меркам, М. Максимовых самый настоящий кулак: на усадьбе у него работает семь человек вольнонаемных рабочих, к которым в сенокосное время присоединяется 10 человек поденщиков. В хозяйстве четыре лошади, 10 голов рогатого скота, куры. Есть своя мельница, фруктовый сад. И все-таки не укладывается Макар Алексеевич в штампованные рамки мираеда.

Имея собственный дом со службами и скотными дворами, он рядом с сельской управой на свои средства строит другой — на каменном фундаменте, чтобы продемонстрировать крестьянам во время сельских сходов культурные способы хозяйствования.

На образцовой усадьбе у него введена четырехпольная система, а у себя в пачинке он ведет хозяйство по старинке. Почему? Макар Алексеевич объясняет это вполне резонно: «Дабы можно было сподручнее следить за преимуществом одной системы над другой».

Когда вятское губернское начальство помогло образцовому хозяину приобрести саженцы из Саратовской губернии, то крестьяне отдают М. Максимовых часть общественной земли под образцовый огород, «чтобы он отводками фруктовых деревьев, овощными, огородными и травными семенами безвозмездно снабжал крестьян своего общества для разведения садоводства и огородничества при домах их».

В 1852 году в образцовую усадьбу был направлен с ревизией агроном Любанский. Воспользовавшись призывом специалиста, Макар Максимовых просит его показать способ мочения льна. «Этот опыт был произведен при соседственных крестьянах, которые, не быв ознакомлены с мочением льна, смотрели на это, по обыкновенно своему, с недоверчивостью и даже между собой смеялись и шутили, что лен пропадет, но когда через несколько дней увидели хорошие последствия, то крайне этому удивились, вдруг бросились к производству опытов и начали у себя мочить лен...»

На вятской сельскохозяйственной выставке 1850 года Макар Максимовых получил большую золотую медаль. Объявляя о награждении уржумского крестьянина, организатор выставки и автор статьи-отчета о ней М. Е. Салтыков сделал очень существенную оговорку: «Комитет, имея в виду, что заведенная им усадьба... служит прекрасным примером для крестьян и что на этой ферме образовалось уже несколько весьма хороших хозяйств... присудил ему высшую награду».

С развитием земства просветительство станет ведущим направлением в общественном движении России, и для нас, вятчан, особенно примечательно, что ростки этого нового движения М. Е. Салтыков подметил и высоко оценил в деятельности простого вятского мужика

г. Киров

«Богов иных

померкнут лики...»

к 95-летию со дня рождения

поэта Н. Тихонова

Равиль ЕНАКАЕВ,
краевед

Я жил тогда в небольшой деревеньке и учился в восьмилетней школе. Ходить в школу и библиотеку, расположенные в нескольких километрах от родного дома, было для меня счастьем. В избе-читальне, как называли библиотеку, можно было потрогать и подлистать любую книгу, прочитать ее там или взять с собой. Наша учительница была по-настоящему влюблена в литературу, но сильнее всего мне запомнились уроки, посвященные творчеству поэта Н. С. Тихонова. Они остались в памяти светлыми и праздничными. А однажды весной в день рождения мне подарили поэтический сборник Тихонова. Так его стихи стали моими любимыми.

Как-то в семидесятые годы случайно попала мне в руки фотография. На ней было запечатлено несколько человек, среди них нашел и Николая Семеновича Тихонова. Захотелось узнать и соседей поэта, а также где и когда они сфотографировались. Не без колебаний решил отправить фотографию самому Тихонову и попросил ответить на мои вопросы.

В бандероли, которую вскоре получил, кроме фотографии оказались письмо и «Книга пути» с авторской надписью. Николай Семенович писал мне:

«Вы прислали фотографию, на которой изображена советская делегация на конгрессе писателей в Берлине: на снимке сидят слева направо — грузинский поэт Гогла Леонидзе, писатели из Москвы Петр Павленко, Константин Федин и Николай Тихонов. Был еще один участник этого конгресса — Александр Твардовский, но его на снимке нет.

Заседания проходили в 1950 году в Берлине в помещении того спортзала, где во времена гитлеризма с речами выступали Геббельс и Геринг...

С уважением Н. Тихонов»

В двадцатые и тридцатые годы Николай Тихонов много путешествовал по республикам Средней Азии и Закавказья. В результате появились книги «Юрга», «Стихи о Кахетии», «Кочевники», «Клинки и тачанки», «Вечный транзит» и другие.

Говоря словами В. В. Маяковского, Николай Семенович писал «всей своей жизнью». Читая сегодня его стихи, видишь, что поэт предчувствовал благотворные перемены в нашем обществе.

В одном его стихотворении есть такие строки:

Наш век пройдет.

Откроются архивы,

И все, что было скрыто

до сих пор,

Все тайные истории

извивы

Покажут миру славу

и позор.

Богов иных тогда

померкнут лики,

И обнажится всякая беда,

Но то, что было

истинно великим,

Останется великим

навсегда.

с. Илек Оренбургской обл.

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОГОРОДИЦЫ

Александр
МЕДВЕДЕВ

У русского поэта М. Кузмина есть стихотворение «Введение»:

Вводится девица в храм по ступеням,
Сверстницы-девушки идут за Ней.
Зыблется свет от лампадных огней.
Вводится девица в храм по ступеням.
В митре рогатой седой иерей
Деву встречает, подняв свои руки,
Бренный свидетель нетленной поруки,
В митре рогатой седой иерей...

Современникам поэта все в этом стихотворении было ясно. Нынешнему же читателю многое может показаться непонятным, и прежде всего, как тайна, будет ускользать событие, которому оно посвящено.

Введение во храм Богородицы — это второй по порядку праздник церковного православного календаря, посвященный деве Марии. Канонические евангелия, составляющие ядро Нового завета, ничего не сообщают о характере и смысле праздника. Событие, что легло в его основу, излагается в неканоническом Протоевангелии Иоакова.

После долгого ожидания у Иоакима и Анны родилась дочь, названная Марией. Когда ей исполнилось два года, Иоаким сказал: «Отведем ее во храм Господен, чтобы исполнить обет». И сказала Анна: «Дождемся третьего года ее». В настольной книге для церковнослужителей С. В. Булгакова говорится: «В сопровождении своих сродников и знакомых, с веселием торжественно ввели Пречистую Дщерь свою во храм Иерусалимский воспитатися божественною благодатию пред господом. Хотя Пресвятая Дева трилетствовала телом, она уже многолетствовала духом, была совершенна душою. Она вошла в храм торжествующей и радующейся, так как смотрела на храм как на райскую обитель, как на вожденнейшее место. Первосвященник Захария встретил Деву и ввел ее в Святая святых, куда имел право входить только он сам, да и то лишь раз в году».

Святая Отроковица, поселившись в храме, все время проводила в молитвах, чтении слова божия и богомыслии. Занималась она и свойственным ее полу рукоделием, особенно любила шить священные одежды. Служила нищим, отдавала им свою пищу. Воспитала в себе живую и крепкую веру, любовь к Господу и ближним, глубочайшее смирение и кротость, терпение и послушание Богу.

Введение занимало важное место среди двенадцатых праздников. В нем была важна идея посвящения будущей богородицы Богу. Воспитание Девы в храме должно было свидетельствовать о спасительной роли церкви в жизни верующего. Ведь именно благодаря пребыванию в храме дева Мария смогла стать матерью Христа. Праздник говорит о необходимости с раннего возраста приобщаться к вере. Наконец, он является своеобразной прелюдией к двум следующим — Рождеству Христову и Крещению.

Празднуется Введение во храм Богородицы 21 ноября по старому стилю, 4 декабря по новому.

Народное сознание связывало этот праздник не только с его религиозным смыслом. Само название «Введение» было переосмыслено в начало наступления зимы. Поговорки и пословицы зафиксировали переплетение факта церковной жизни с событиями быта: «Введение пришло — зиму в хату привело». С этим днем связывали приметы: «До Введения если снег выпадет, то растает», «После Введения если снег пойдет, то зима ляжет».

Дни все короче, ночи все длиннее. Давно убраны хлеба и скот поставлен на зимнее кормление, до нового сезона работ еще далеко. Заканчивает свой очередной оборот крестьянский год. Зимняя пора — время относительного отдыха крестьянина. С начала зимы, когда выпадет снег, делали пробные выезды на саях.

Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...

Это было красочное зрелище. Сани расписывались, украшались лентами, люди наряжались в праздничные одежды. Во многих местах 7 декабря устраивались гонки — Екатеринбургские гулянья, на которых оценивалось все: и сани, и лошади, и убранство, и удаль молодецкая.

Накануне же, 6 декабря, отмечался Никола Зимний, Никола почитался в России вторым после Бога заступником и покровителем земледелия и скотоводства. Почитался он и как хозяин земных вод, как заступник от всех бед и несчастий. Этот праздник носил семейный характер. Варили николевское пиво. Главными участниками были домохозяева и старики. Велась разговоры о хозяйстве, об урожае, вспоминали умерших родственников, благославляли новобрачных...

Зима — это пора ярмарок и торгов. Посещение торгового места считалось обязательным. На городскую (уездную, губернскую) ярмарку жители ближайших селений приезжали на несколько дней, нередко целыми семьями, сидели у родных, знакомых. Относительно свободная от забот зимняя пора предоставляла возможность встреч и общения.

Среди забав у наших предков важное место в эту пору занимали посиделки. Они начинались с 4—6 декабря и продолжались до Рождества. Эти праздники заканчивали старый год и были прелюдией к грядущему Новому году.

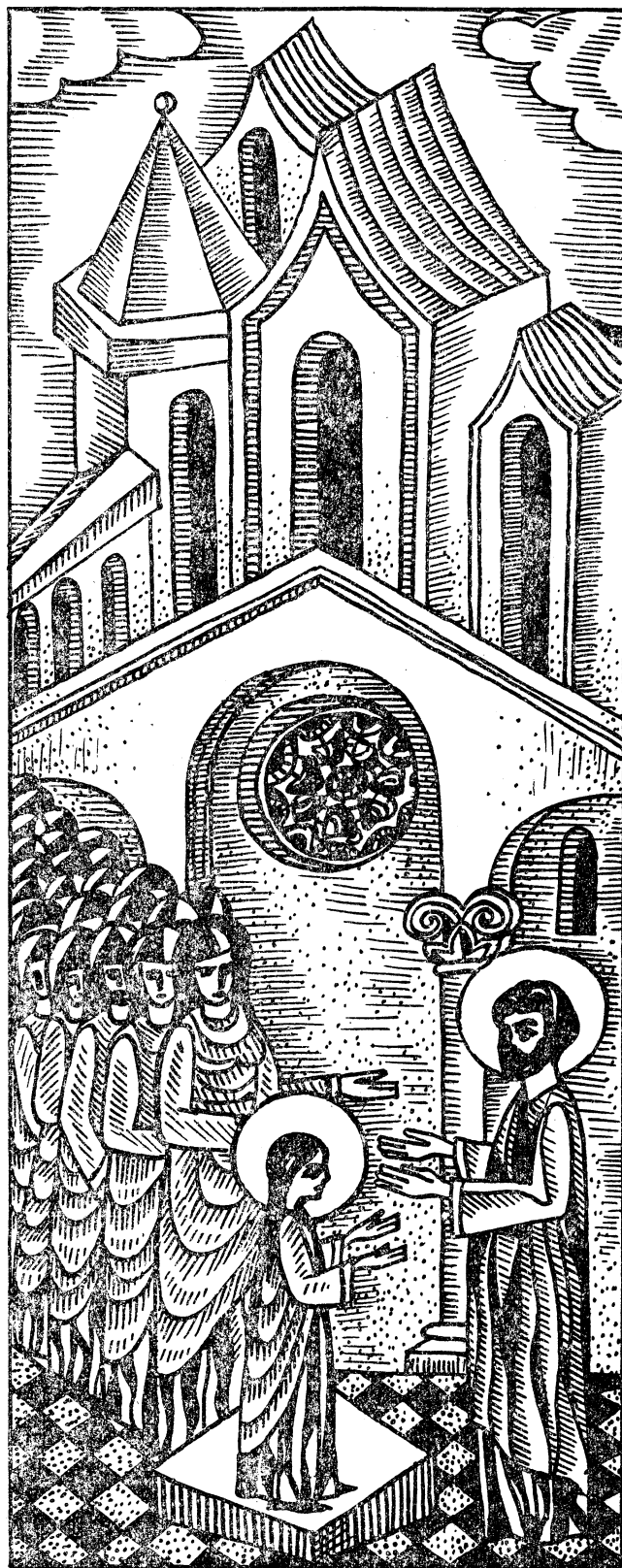

Рисунок
Алексея Лебедева

Валерий
КОБЫЛИН

Рисунки
Алексея Лебедева

Бриллиантовая цепочка

Рассказ

1

Ромка писал сочинение, а на кухне вяло переругивались отец и мать. «Не выспались, наверно...» — подумал Ромка.

Он разложил тетради не на столе, а на широком подоконнике. С утра эта сторона несолнечная, но один крайний лучик, преломившись где-то в вершинах сосен и елей на дальней горе Мяндухе и отразившись в большой зеркальной луже перед домом, подрагивающим светлым пятном стлался по подоконнику.

— Не чай, а болотная водица, — ворчит отец.

— Сам себе заваривай, — ответно ворчит мать. — Все дымит, дымит. Иди на улицу и дыми...

На летние каникулы будущим четвероклассникам учительница Анна Ивановна дала задание написать сочинение «Человек, с которого я хочу брать пример». Ромка и не вспомнил бы об этом до начала занятий, а тут Мишка похвалился: написал, мол, про своего отца — и великодушно разрешил Ромке попользоваться своим творением. Ромка к процедуре списывания подошел творчески.

«Мой папа очень хороший человек», — написано у Мишки. Ромка подумал и «очень» убрал.

«Он работает в лесу бригадиром, пилит деревья бензопилой...»

«Он работает в лесоцехе, пилит доски», — здесь Ромка не стал врать про своего отца.

Дальше у Мишки было: «Он смелый, сильный и добрый. У него много грамот с портретом Ленина. Папу все уважают. А кто работает плохо или берет чужое, тем он спуска не дает, потому что его выбрали народным контролером...»

Ромка подумал, что к его отцу это приложимо

только чуть-чуть, но, ничего не придумав, аккуратно переписал весь абзац, правда, лишив отца звания народного контролера.

«Мой папа веселый, любит шутить...» Ромка подредактировал: «но не любит шутить». И задумался над фразой: «Мы все живем дружно. Папа меня и маму никогда не ругает. Если что не так, он просто объяснит, и станет все понятно...» Потом написал: «Мы живем дружно, никто не ругается, потому что папа больше не пьет, не то что некоторые». Это была ложь. Но Ромка не испытал угрызений совести. Мишка в сочинении похвалялся все больше: «Портрет папы висит в клубе на Доске почета...»

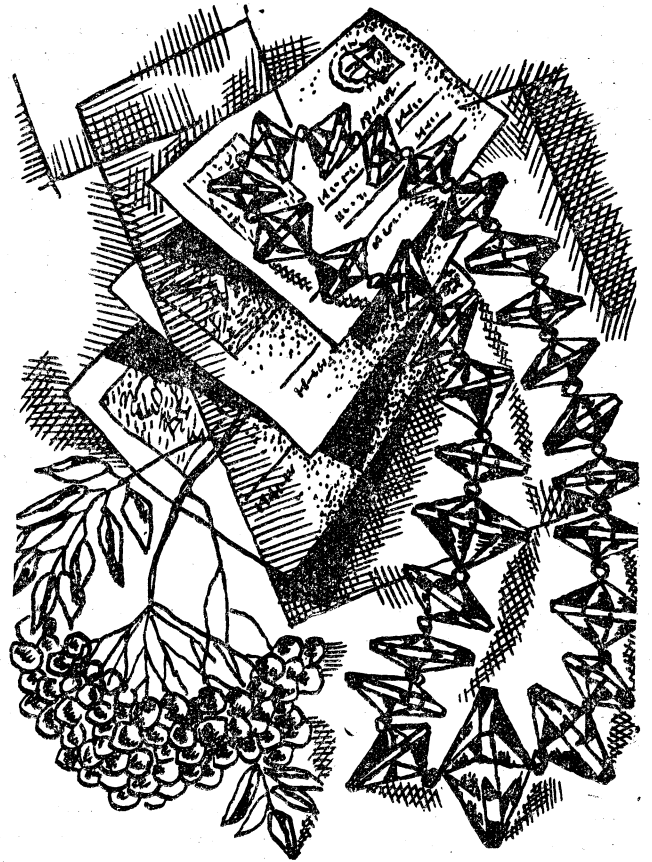
«Грамотей тоже мне, — обрадовался Ромка, — птерочник, а доску с заглавной буквы пишет».

«Мой папа висел раньше на почетной доске, теперь пока не висит», — написал Ромка и вспомнил, что зимой отцовский портрет, выполненный местным карикатуристом в сатирическом листке, висел на дверях столовой. Ромка тогда порвал позорный листок с паукообразным существом, обнимающим бутылку.

— Мать мне, дура, сто раз говорила: за кого, Верка, выходишь. одумайся, пока не поздно... — набирал силу и крепость мамин голос в кухне. — Не одумалась, теперь вот мучаюсь, не живу, а существую!

— За Пряхина надо было выходить. Пряхин сейчас фигура в районе, — подхватывал отец. — Чего тебя Пряхин-то не взял?

В кухне что-то грохнуло и послышался иронический отцовский смешок. Минут через десять они порознь ушли на работу. Мать работала там же, где и отец, в лесоцехе.

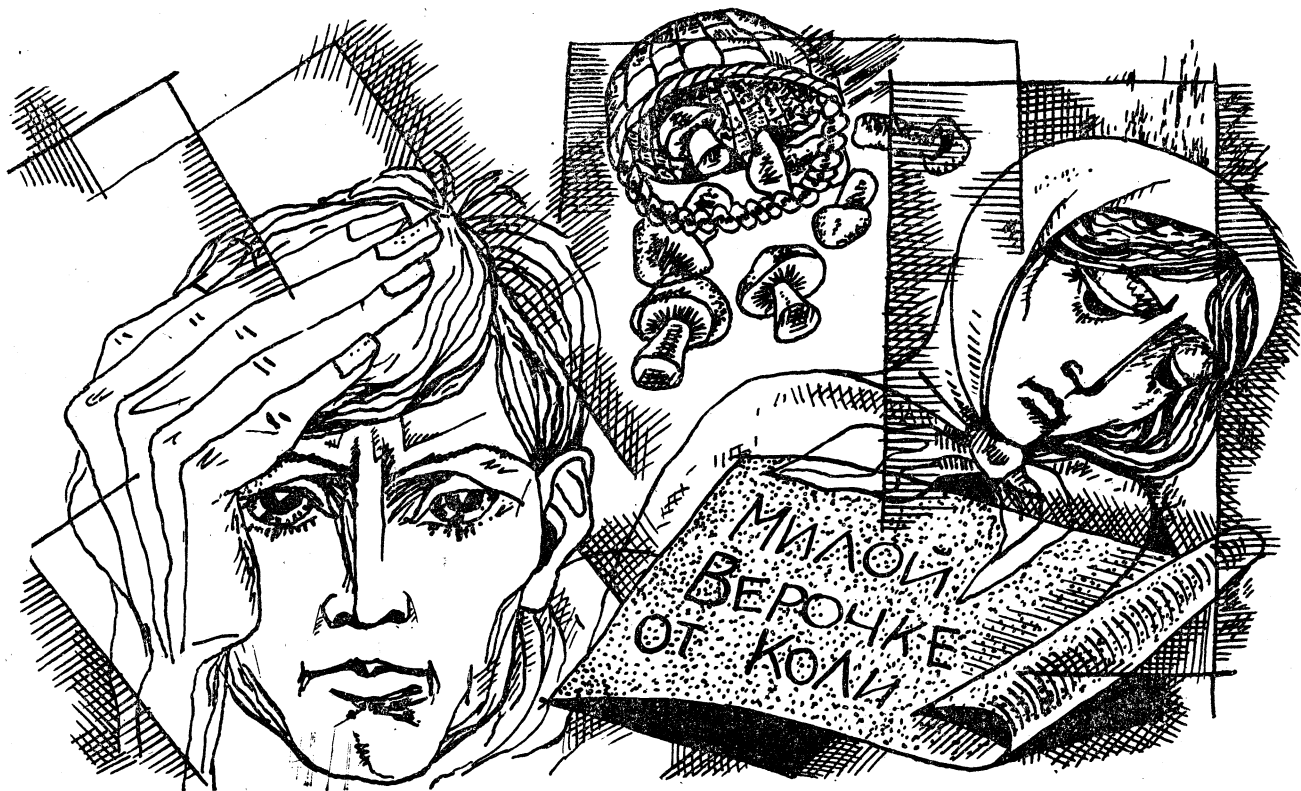
нимают грибы и ягоды... Набрать красноголовиков, сдать, вот и денюжки на цепочку! Да, с Мишкой не пропадешь. Ноги у Ромки сразу заприплясывали, и он, как нористый конь, рванулся вперед, к красноголовикам.

Когда разрезанный человеческой рукой перелесок из кустов маличника, шиповника и мелкой березы с затанувшей снизу крапивой, тоскующей по голым ногам, остался позади и вдоль просеки стали выстраиваться взрослые осины и березы попеременно с осанистыми соснами, а на обочину выскочил молодой задиристый ельник, они свернули с просеки: Ром-

бят. Вот он! И еще два! Да их тут целая россыпь, шесть штук. Один большой, шляпа с загнутыми вверх краями, как сковорода, на подлинявшей шляпе слизняк сидит, а снизу грибница червячками подточена. Выбрасывать жалко, и Ромка кладет великана в корзину.

— У меня уже десять! — кричит он. Мишка молчит. Значит, ему похвалиться нечем. «Я грибник опытный, — думает Ромка. — Мишка тоже не промах, но со мной ему трудно тягаться».

Идут вдоль просеки, грибам кланяются: не поклонись — не порадуешься. Ромка через просветы

ка влево, Мишка вправо, чтобы друг у друга из-под носа грибы не воровать.

Вон он, субчик-голубчик! Как будто ждал Ромку, словно не Ромка его, а он Ромку выглядел. Буряя фасонистая шляпка задорно приподнята и с ножки пузатенькой лукаво на грибника поглядывает. Аккуратно ножичком под корень р-раз — по срезу синь пошла, значит — красный; прыгай, дружок, в корзину. А вот рядышком твой братец на стройной ножке, как бравый солдат из книжки про суворовские походы, этот не лукавит, и шляпка у него откровенно красная.

— У меня уже два! — кричит Ромка.

— И у меня! — отзывается Мишка.

Умеет Ромка собирать грибы. Торопиться не надо, вглубь не заскакивать, там сплошной обобраный черничник, красноголовики туда заглядывать не лю-

жду деревьями иногда видит Мишку. «Ничего, ничего, ничего, — напевает Ромка, — мы тебя все равно победим».

— Четырнадцать!

— Шестнадцать!

Ромка по-прежнему впереди. Красноголовки сегодня сами в руки идут. И молоденькие буроватые подберезовики, или, как их иногда зовут, обабки, разве обойдешь стороной? А вот разноцветным сырешкам в корзине места нет: хрупкие, ломкие, да их, наверно, и не принимают...

— Мишка, у меня полная!

— А у меня давно!

«Ну и врать, давно у него...» Вышел Ромка на просеку, а Мишка сидит на пенке, рядом корзина полная, с румяным бугорком. Ромка даже заволновался. Вывалили грибы на траву, добросовестно, с

жесткой доглядкой пересчитали: у Ромки на один гриб оказалось больше. Ромка облегченно передохнул. Сложили обратно, пройдясь по корешкам ножичками, грибы в корзинах бугриться перестали.

— На семь рублей будет? — спросил Ромка, взвешивая на руке корзину.

— Должно бы, — сказал Мишка, — если твой большой гриб возьмут, тогда должно бы.

Они двинулись в обратный путь и вскоре услышали впереди девчоночьи голоса. Переглянувшись, метнулись в сторону, затаились в придорожном ельнике, который стоял такой плотной боевой стенкой, что с трудом сыщешь щель для наблюдения.

По просеке с корзинками шли четыре девочки. Среди них Танька Капустина. Они шли и пели что-то невразумительное, глупое, ужасно девчоночье. И белобрысая Танька орала всех громче, и корзина у нее была самая большая. Ромка, поколебавшись, взял лежащий сверху гриб-сковороду, привстал и, когда девочки оказались напротив засады, как диск, двумя руками поверх ельника метнул его и попал в Танькину корзину. Мишка швырнул свой подберезовик еще удачнее: прямо Таньке в спину.

Девчонки дружно взвизгнули, остановились.

— Ромка и Мишка, это вы, мы знаем! — крикнула Танька.

— Не-ет! Это не мы-ы! — утробным голосом отозвался Мишка и закашлялся, видимо, надорвав от чрезмерных усилий голосовые связки. Девчонки проскандировали «Ду-рач-ки!» и двинулись дальше...

3

Столовая не работала, они зашли с черного хода, тут двери были гостеприимно распахнуты настежь, откуда аппетитно пахнуло наваристыми щами. Румяная тетенька в белом, одновременно похожая и на легкую снегурочку, и на солидную снежную бабу, встретила их ворчанием, мол, ходят, от дела отрывают, несут по крохам, нет чтоб сразу бочку затарить.

— Куда вам деньги-то? — спросила она.

— А это большой секрет! — ответил Мишка.

Поверив, что «большой секрет» не касается табачных изделий, и узнав, чей Мишка сын, она подобрела, проворно высыпала грибы из обеих корзин на клеенку, разрисованную под зеленый лужок, и велела отделить красные грибы от подберезовиков, потому что одни идут по цене рубль двадцать копеек, а другие по семьдесят копеек за килограмм.

Мишка открыл было рот, чтобы сказать, что грибы сдает только Ромка, но не успел, грибы оказались на весах. Пришлось отмахнуться от чувства собственника...

— Я завтра тебе наберу... — начал было Ромка.

— Да мы грибами уже объелись. У нас и маринованные, и сушеные... Куда их.. солить, что ли?! — заторопился Мишка, прислушиваясь к праздничному ощущению внутри себя.

Семь рублей девянсто копеек! Таких денег у Ромки на руках не бывало. А Мишка — настоящий друг, выручил, тем более что подберезовик и два красноголовика были забракованы, и наблюдательный Ромка не без огорчения смог убедиться, что брак объявился из его корзины...

— Нам вот эту, бриллиантовую, — сказал Ромка в магазине. Желтые, зеленые, красные и серебристые продолговатые трубочки, нанизанные на леску, понравились Ромке, напомнили о новогодней елке. Ромка заподозрил, что купил бусы, а не цепочку, но уточнять не захотел.

На оставшиеся деньги друзья купили десяток мелких крючков, два легких поплавка на перышках, свинцовое грузило для донки — и вышли из магазина. Мишка взял инициативу в свои руки:

— Цепочку вложим в конверт. Есть конверт? Порядок. Мать почерк отца, конечно, знает — это очень плохо. А может, не знает? Может, забыла... А! Печатными буквами напишем!

— Маме от папы... — подсказал Ромка.

— Балда! Ты чего, с ума сошел?! Как тетю Веру зовут — Вера? А дядю Колю — Коля? Значит, надо так...

— Вере от Коли, — снова встрял Ромка.

— Милой Верочке от Коли, — торжественно поправил Мишка, — и придумай так, чтобы конверт с цепочкой сразу тете Вере в руки попал. Понял?

— Знаю. Не учи ученого, — сказал Ромка, несколько подавленный бурной Мишкиной инициативой.

Дома Ромка достал спрятанное в книгу про Тома Сойера давнее материнское письмо к отцу и вышел в коридор. В ящике уже лежали газеты. Он затолкал письмо внутрь газетных полос. Если вдруг не отец, а мать достанет почту, то разворачивать газеты она не будет, ее всегда интересовал только журнал «Работница». А как быть с подарком для матери... Можно сунуть конверт под подушку. Но вдруг отец первым пойдет спать, сам начнет разбирать кровать, чтобы постелить себе на диване... Поразмыслив, Ромка положил конверт с цепочкой в глубокий карман синего халата. Этот халат мать сшила сама и всегда надевает его, вернувшись с работы.

Оставалось ждать. Ромка понимал, что его проделке с письмом и цепочкой не суждено быть хитрой загадкой для отца и матери, и надежды не шли дальше малого: «Заулыбаются, а может, и засмеются». Большую надежду Ромка от себя гнал; он поболтался по квартире, покормил кошку и, когда до прихода родителей осталось меньше часа, ушел к Мишке. В гостях Ромка с аппетитом съел тарелку окуневой ухи, навернул огромный кусок домашнего пирога с черникой и яблоками, досыта напился сладко-кислого холодного морсу из красной смородины. Потом Мишкин отец взял гитару и с тетей Светой, Мишкиной мамой, они спели на два голоса про бумажный кораблик. Красиво спели. А потом еще пели, и Ромка с Мишкой им подпевали. Мишка, конечно, петь не умел и только все портил, но ничего, весело было...

...Ящик для газет и писем был пуст. Отец и мать (мать была в синем халате) сидели на диване, правда, по разным концам, и смотрели телевизор. Когда Ромка вошел, они дружно повернули к нему головы и так же дружно снова обратились к телевизору. По телевизору показывали балет, который ни отец, ни мать — это Ромка отлично знал — не переваривали, а сейчас спокойнехонько сидели и смотрели, словно это был не балет, а передача «В мире животных», единственная передача, которую одинаково уважали отец и мать.

Ромка протяжно зевнул: «спать как хочется» — и юркнул на балкон. Там стояла раскладушка, на которой Ромка спал теплыми летними ночами. Комары, как всегда, надсадно и тонко загудели над ним, словно заработала малюсенькая пилорама, и он нырнул с головой под одеяло. В комнате выключили телевизор, и оттуда надвинулась на Ромку тишина.

Проснулся Ромка от разговора родителей.

— Мужик-то наш растет, — говорит мать.

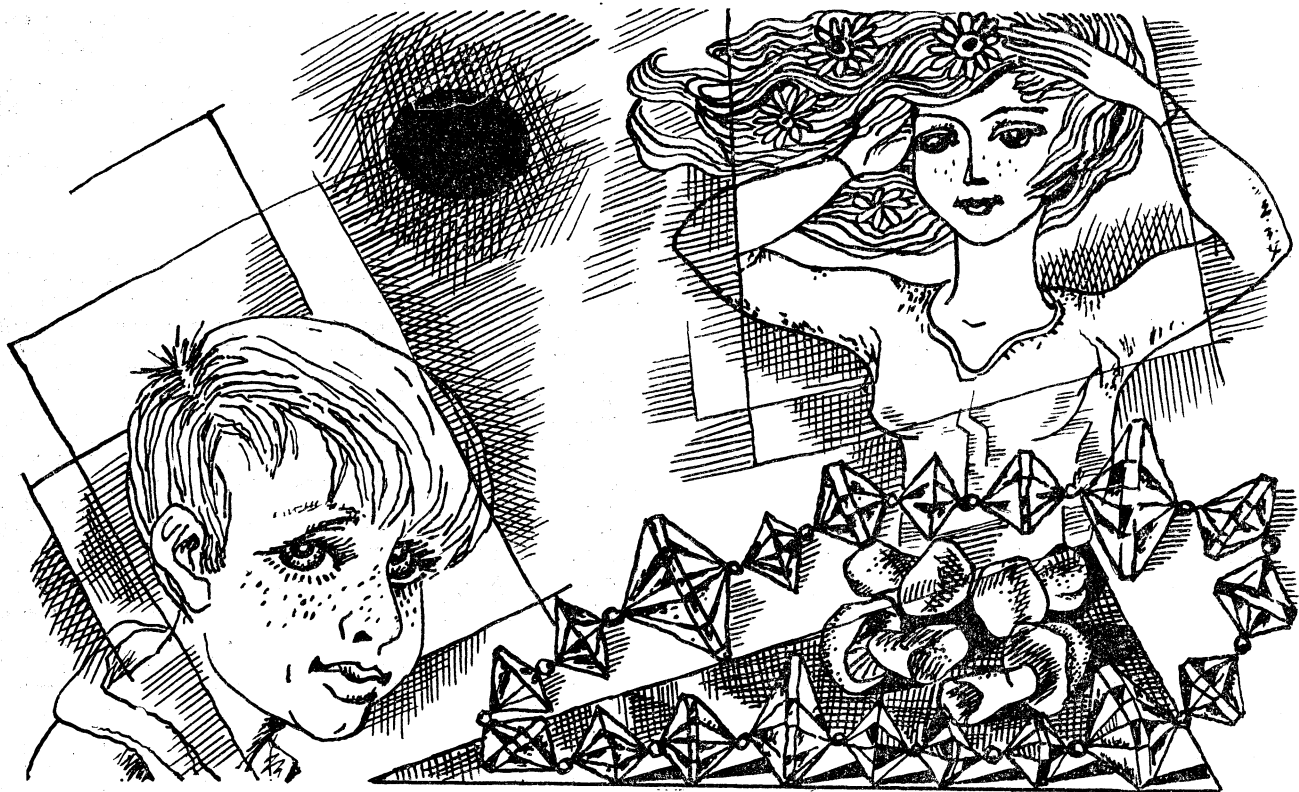
— Хитрый, чертенок, — добродушно ворчит отец.

ни и еще не знает, что скоро у него случится большая неприятность. Вечером мать с улыбкой подает ему бумажный треугольник, разрисованный ромашками. Ромка, холодеет от недоброго предчувствия, развернет его и прочитает:

— А ты, Рома, Ромочка,

Похож на поросеночка...

Ромка бросится к дому Ганьки Капустиной, но вредную стихоплетку там не обнаружит и будет носиться по поселку, хищно высматривая девчонок, при-

— Умный, — ласково вздыхает мать. — Из ума сшит.

Мать стоит на балконе, над самой головой, а отец в ногах, на пороге балкона.

— Из ума, да не из твоего, — говорит отец.

— В тебя, весь в тебя, Николай-свет-Ильич, — усмешливо соглашается мать.

В их воркотне Ромка не слышит взаимной нервозности, заряженности на столкновение. И Ромка доволен. У него начинают подергиваться веки, и он не в состоянии больше изображать безмятежный глубокий сон. Ромка сладко зевает, переворачивается на бок.

— Пусть поспит, — говорит мать, и они уходят на работу. Уходят не порознь, а впервые за много лет вместе. Ромке хорошо. Ромка думает, что взрослые иногда бывают ничуть не умней детей, ни на каплюшек.

Лежит Ромка, размышляет о превратностях жиз-

слушиваясь к голосам. Успокоится, когда встретит Мишку и узнает от него, что в железнодорожный тупик, который выходит к лесной просеке и упирается в песчаный завал, буйно заросший шиповником, загнали старый списанный тепловоз.

ALANITA

11'91

Рисунок Евгении Стерлиговой

Сергей ДРУГАЛЬ

НИМФА И ЛЕЙТЕНАНТ

Если пить из ручья, опустив в прозрачную воду лицо и не закрывая глаз, то видны на дне прозрачные тени и сердоликовая разноцветная галька... Лейтенант лег на бок, перевел дыхание. Начало ручью давал родничок, с трех сторон обложенный низким срубом, — его темная древесина, бархатистая на ощупь, матово светилась. Можно стать на колени, и тогда в месте рождения родника будет видна сплошная чернота, словно нет там дна и появляется он из непостижимой глубины, сперва неслышно втекая в свое каменистое ложе и тихо журча потом, чуть подалее от истока. А над срубом, над самым бочажком возросла ракета с изогнутым раздвоенным стволом, ее зеленые ветви спускались к воде. Здесь было прохладно, в этом пологом овражке, единственно уцелевшем среди голой пустыни полигона. Здесь было хорошо лежать и ни о чем не думать.

— Завтра снова придешь?

В развилке ракиты проявилась нимфа в платье из солнечных бликов, темных и светлых зеленых теней. Лейтенант рассмеялся.

— Наконец-то я увидел тебя! Приду, конечно, куда я от тебя денусь. У нас в лагере многие говорят, что на ручье живет нимфа, но никто не видел. Почему ты явилась мне?

— Ты пьешь, опустив лицо в ручей.

— Так слаще.

— Тебе это понятно, другим нет. Они берут воду и уходят равнодушные, не понимая, что это уже не та вода.

— Не та?

— Ну, отделенная от себя самой, как... как ветка, отломленная от дерева. Тебе понятно?

— Кажется, да.

...С этих пор лейтенант всегда после свидания с нимфой возвращался в странном настроении, в состоянии приглушенной радости. Незамечаемые ранее мелочи приобретали значимость и украсили жизнь: цветная галька, которую надо рассматривать мокрой, какая-то синяя птичка, которая с лета ныряла в ручей и вылетала из него, блестя, словно бисером, каплями на манишке. Или вот эта собачка, беспородная и бесхозная, такие по недосмотру командования обитают возле армейских кухонь.

— О, какая хорошая, — сказал лейтенант, пропуская собачку. — Какая красивая!

Он уже забыл о встрече, когда сзади послышалось тяканье. Собачка догоняла его. Лейтенант наклонился:

— В чем дело, маленькая?

Собачка подпрыгнула, лизнула его в нос и снова побежала по своим делам. Лейтенант потрогал нос, засмеялся.

...Потом нимфа перестала являться. Целую нескончаемую неделю лейтенант приходил к роднику, пил воду, умывал лицо и без мыслей лежал на крошечном пляжике, прислушиваясь к журчанию. Одиночество нарушали солдаты со своими гулками канистрами. Тогда синяя птица пряталась, и становился неслышным голос ручья.

Нимфа возникла неожиданно, когда лейтенант уже перестал ждать и все, что было, стало казаться сном, легким и мимолетным.

— Где ты была?

— Тсс, — она приложила палец к губам. — Не разбуди ее.

На ее коленях, свесив лапу с маленькими перепонками, спала выдра. Нимфа разгладила ей завернувшиеся усинки. Выдра пробормотала что-то, на миг взглянула на лейтенанта сонным глазом и повернулась на другой бок.

— Ей спокойно. Она верит, что в случае опасности я успею предупредить ее.

— Такое бывает? — прошептал лейтенант.

— Сюда многие ходят... из вашего лагеря. Кто упустит случай обидеть зверя?

— Ты не ответила: где ты была? Может ли нимфа отлучаться от своего ручья?

— Там, внизу. — Нимфа поболтала ногой в бочажке. — Если хочешь, чтобы в ручье всегда была живая вода, — надо следить за порядком в подземных струях.

— У каждого ручья своя нимфа?

— Нет, конечно, нет. Но чтобы вода была живая, должна быть нимфа...

...День прошел, и настал день. Лейтенант лежал, заложив руки под голову. В голубой вышине медленно перемещались кучевые облака. Слышалось недалекое рычание танков. Полигон жил своей жизнью, в которой ручью, и нимфе, и выдре места не было.

— Мое место — в сердце твоём... — угадала нимфа.

— Нимфа. Богиня.

Ветви качнулись:

— Маленькая богиня. Как этот родник.

— Целительница...

— Для тех, кто пьет из ручья. Но это надо самому понять.

— Живая вода...

— Вы, люди, знаете о ней.

— Да, из сказок...

— Сказка — тоже источник.

Беседа их прерывалась паузами, легкими и значительными, слова только связывали минуты взаимного молчания, и не было необходимости кончать фразу.

— Древние говорили... «Все имена их назвать никому из людей не под силу. Знает название потока лишь тот, кто вблизи обитает». Солдаты называют твой ручей Чистым, Прозрачным. У тебя много имен?

— Одно. Вита.

— Живая. Нимфа Вита. Твой ручей один на всю округу. Ученья. Маневры...

— Да. Мои сестры умерли. И люди отсюда ушли, некому сруб подправить. А я не умею. Боги способны на то лишь, что им люди припишут. Ты веришь, что я могу починить сруб? — Она коротко засмеялась.

— Где уж тебе. За ним я буду смотреть.

— Да, пока...

Солнце придвинуло тень ракиты к самому лицу. Лейтенант встал.

— Я должен идти, Вита. Меня ждут дела.

— Дела? От тебя тоже кто-то зависит? Может быть, животное? Или дерево? Ведь от каждого кто-то зависит...

Лейтенант вспомнил собачку, вздохнул.

— Ну, не так, как ручей от тебя или ты от ракиты... или...

— Договаривай, Деметр! Не молчи... Ты хотел сказать, как ты от меня...

А дела были чисто человеческие, и нимфа понять их не могла. И лейтенант, зная свое дело, не мог понять смысл его и не думал над ним, он был занят с утра до ночи: в полк прибыли новые танки. Стойные смертоносные чудовища — собственный реактор, слоистая броня, все виды защиты от всех видов оружия. Лейтенант примерял на себя эти доспехи Люцифера, и мысли о ручье Чистом казались пришедшими из детства, мимолетными, исчезающими; в суматохе летели дни, и не было минуты для нимфы Виты. На экранах кругового обзора полигон казался пустыней с пологими холмами, склоны которых были перепаяны снарядами и сглажены гусеницами. Овражек с одинокой ракитой и жилкой ручья не различался: крошечная морщинка на лице несчастной Земли. Тихая музыка больше не звучала в душе: к ночи лейтенант едва добирался до своего ложа и проваливался в сон без снов.

Но когда пришло время и был объявлен приказ на завтра, лейтенант не раздумывал. Для него все было решено еще раньше, еще тогда, когда однажды, опустив лицо в ручей, он ощутил, как что-то, видимо, галька, на мгновение коснулось его губ, и ему не хватило воздуха...

Ранним-рано, еще звезда не погасла в светлеющем небе, он пришел к ручью, сложил амуницию, сбросил с плеча вязанку вешек и сразу стал устанавливать их, двигаясь снизу навстречу течению ручья. Он обставлял вешками со светящимся знаком «Объезд» их ручей. Он ставил множество вешек, явно больше, чем следует, их нельзя было не заметить. Закончив работу, он увидел нимфу на ее привычном месте. Она молча разглядывала эту боевую экипировку — от башмаков до шлема с усиками антенн и выступами наушников. Потом она сказала:

— Ты не спал эту ночь, Деметр. Ты устал, и лицо твоё влажно.

— Здравствуй, нимфа Вита. У меня хватит сил...

— Может быть, не нужно... неизбежное свершится. Что можешь ты один.

— Я могу то, что могу. Не более. Но и не менее.

— Сними эти страшные башмаки, убери лишнее с головы и войди в ручей. Умойся. Я удвою твою решимость...

Когда погасла последняя звезда и от лагеря донесли звуки прогреваемых моторов, лейтенант поднялся с влажной травы: он сегодня берег нетронутость пляжика, стараясь не ступать на песок. Сила играла в мышцах, ясен и холоден был разум.

— С тобою хорошо молчать, нимфа моя.

Он зашнуровал высокие башмаки, поднял и пристегнул к поясу шлем — внутри него уже попискивали наушники. Потом он долго возился с полубраслетами гранатомета у локтя и кисти правой руки, разжал ладонь, кончиками вытянутых пальцев коснулся косого дульного среза — все в порядке.

Нимфа подошла вплотную, она была едва по плечо лейтенанту, переменчивые блики мерцали на ее плечах и груди, и он впервые увидел ее сиреневые глаза, широко расставленные и светящиеся изнутри. Невозможная, непредставимая красота... Тоска по несбывшемуся, что прачется в глубине души, мягкой лапой жала сердце.

— Ты однажды сказал, что придумал меня...

— Я ошибся, — лейтенант отвел взгляд. — Такое придумать человек не в силах... Ты несчастна, богиня, ибо совершенна...

— Не надо, Деметр. Сегодня легки будут наши последние мгновения. — Она взмахнула рукой, и с кончиков пальцев скользнули капли на глаза лейтенанту. — Боги еще более смертны, чем люди. Люди могут без веры, а боги живут, пока в них верят.

— Мне пора, нимфа Вита. И... благодарю тебя, — сказал лейтенант и, не вытирая глаз, двинулся навстречу нарастающему реву и грохоту.

— Прощай, — донеслось вслед, словно прошелестела ветвями ракиты.

Он встал у крайней вешки, держа на уровне груди полосатый жезл. Головной в колонне танк подошел вплотную, остановился на пару секунд, мигнул бликом стереоскопа и... случилось чудо! Танк двинулся петлей в объезд, оставляя справа нетронутые вешки!

Эта петля, лишняя сотня метров пути, спасала родник, ручей и нимфу. А танки уже шли и шли в объезд, и лейтенант улыбался дрожащими губами: его товарищи... Может быть... может быть, он вернется и снова увидит нимфу и маленького сонного зверя у нее на коленях.

...Замыкающий танк подмял крайнюю вешку, лейтенант шагнул к нему, и танк замер, урча турбиной. Башенный люк неслышно сдвинулся в пазах, полковник, худой, со знакомыми мужественными складками от глаз до подбородка, молча устался на лейтенанта.

— Прошу в объезд, полковник, — без выражения сказал лейтенант. — Здесь родник и вот... ракита...

Полковник упруго прыгнул с брони, сдвинул шлем на затылок.

— На карте родник не обозначен, лейтенант. Следовательно, его здесь нет. Здесь, лейтенант, ровное место, как любое место, не являющееся препятствием для техники.

— Родник есть, полковник. Очень прошу — в объезд. Зачем ненужное убийство!

— Мне докладывали о ваших чудачествах, лейтенант. Вы хороший механик, хороший офицер... по крайней мере, были таковым. Вот уж не думал, что это так серьезно... Что вы докатитесь до прямого нарушения дисциплины. И... при чем здесь убийство? — Ракита...

— А... Ну что ж... — Полковник жестом приказал водителю двигаться в объезд и, когда танк загремел в движении, произнес в микрофон шлема длинную неслышную команду.

Танк обошел ложбинку и уже в конце петли, выходя на прямую, вдруг дал задний ход, сминая ужасной гусеницей ракиту и бочажок.

Лейтенант вскинул правую руку. Короткая тонкая граната — эта стрела Армагеддона — выскользнула из своего титанового ложка и ударила в подбрюшье танка!

Взрыв гравитационного заряда был неслышен. Только небо содрогнулось, и волна деформации прошла по танку. С невозможным, нестерпимым скрежетом медленно корежилась и рвалась броня, обнажая в изломах свою многослойную структуру.

...Лейтенант не услышал выстрела в спину и упал лицом в след маленькой босой ноги, сохранившийся на еще влажном песке.

Рисунки
Натали Ермолаевой

Семен СЛЕПЫНИН

Сфера разума

Ангелы бросили в бой невзрачного седовласого старца с посохом в руке. Редко кто мог устоять против его злых чар. Однако заклинания и чары не действовали на представителя чуждой мифологии. Равана даже не заметил грозного старца. Совершенно случайно наступил на него и раздавил, как червяка.

И только тут, когда обычные средства были испробованы, выступил сатана. Громадное облако с дворцами на ослепительно снежных вершинах на сей раз не выплыло из-за горизонта. Оно возникло в небе, словно из небытия, — внезапно и впечатляюще.

— Здорово! — восхитился мой Усач.

Нечистая сила, приникшая к экранам, была заворочена феерически красивым зрелищем. Сатана не торопясь вышел из дворца, на краю облака взмахнул скипетром и окутался радугой, похожей на северное сияние. Затем обрушил на пришельца исполинские ветвистые молнии. Грянул гром, всколыхнувший землю.

Равана, сверкая мечами, рубил молнии, и те со стеклянным звоном крошились, рассыпались, обессиленно шипели искрами и гасли, не долетев до земли.

Гроссмейстер на миг смеялся, потом гневно топнул ногой, и облако пролилось ливнем. Не дождевые струи, а силовые поля обрушились вниз. Извивающиеся и гибкие, как щупальца спрута, они, казалось, вот-вот пленят наглеца. Но тот рубил их, как паутину. Сатана начал швыряться своими самыми разрушительными молниями — шаровыми. Но и те легко рассекались золотыми мечами и лопались, как мыльные пузыри.

Гроссмейстер как-то съежился, суетливо запрыгал по ватным холмам облака и юркнул во дворец. Облако поплыло к горизонту и скрылось. Опустевшее небо стало понемногу заволакиваться обычными облаками.

Я посмотрел на боковой экран. Изгнанники, теснившиеся в соборе, замерли: Гроссмейстер струсил и бросил их, оставил город беззащитным. И вдруг с экрана послышался взволнованный голос:

— Непобедимый!

Сначала ничего не было видно. Многочисленные и крохотные, как комарики, телепередатчики кружились в поисках выгодных ракурсов. Но ничего эффектного так и не нашли, ибо дядя Абу пожелал предстать в очень скромном виде — обыкновенным человеком в сером костюме, с изящными, но изрядно запыленными сапогами на ногах.

Дядя Абу улыбался: подвернулась возможность развлечься, показать свою силу. Он топнул ногой и развернулся в исполинского джинна. Тучи и облака были ему по колено, а великан Равана выглядел по сравнению с ним карликом.

Из-за облачных высей горным обвалом падал громopodobный голос:

— Я Дахнаш, сын Кашкаша, глава всех джиннов. Я велик и непобедим!

Джинн наклонился, руками раздвинул облака, чтобы лучше разглядеть Равану, и сказал:

— Эй ты, сморчок! Смотри, что я с тобой сделаю.

Он выпрямился, накрыл своим чудовищным сапогом большую скалистую гору и повертел ногой. Леса и межгорные долины наполнились пылью, гулом и скрежетом. Гору джинн уничтожил, превратил ее в площадку из щебня и песка.

«Дядя Абу повторяется, — с сожалением подумал я. — А как изобретателен он был во время наших детских забав!»

Великий джинн уже занес ногу над съежившимся Раваной и вдруг замер. Вспомнил, видимо, что до этого подобным же манером он растоптал косматое чудовище. Его гигантская фигура, занимавшая полнеба, внезапно исчезла.

— И этот сбежал, — ахнули горожане.

Нет, дядя Абу не сбежал. Порхающие телепередатчики отыскали его километрах в семи от Раваны. Оты-

Продолжение. Начало в № 10

скали с трудом, ибо он опять был в человеческом виде. Дядя Абу стоял на скалистом выступе и что-то обдумывал. Потом потер руки и рассмеялся: в голову ему пришла какая-то озорная мысль.

Равана тем временем пришел в себя и, взмахнув мечами, шагнул к своему противнику, ставшему вдруг таким крохотным. На миг приостановился, подумал и снова шагнул. Дядя Абу повернулся в его сторону и плюнул. И плюнул-то как артистично: небрежно, с таким ленивым высокомерием.

Сначала это был обыкновенный плевок. На лету он, однако, разбухал, приобретая форму торпеды и отливая металлическим блеском. Плевок шлепнулся у ног Раваны и... взорвался водородной бомбой!

Экраны во всем городе вспыхнули и погасли: молчара телепередатчиков сгорела в адском пламени. Тотчас включились дальние передатчики. На вновь засветившихся экранах колыхалось черное грибовидное облако, взметнувшееся к небесам наподобие самого джинна. Неугомонный гость исчез, превратившись в световое излучение, в атомную пыль, в ничто.

По городу прокатывались крики «Ура!», «Браво!». В угаре ликования лишь немногие оценили благородный поступок джинна. Желая обезопасить город от радиоактивного облака, он своим фантастическим сапогом вдавил его в землю, а место взрыва растер, как обычно растирают дымящийся окурочок.

Ночью я терзался сомнениями, вспоминал каждый шаг, каждую улыбку Непобедимого. Несмотря на чудовищную перестройку организма, он остался таким же, каким я его знал в своем новом детстве, — шаловливым, изрядно хвастливым, но бесконечно добрым дядей Абу. Может быть, сразу открыться ему, что я такой-сякой и совсем непонятный? То ли Пьер Гранье, то ли?.. Нет, это глупо и опасно. Он поймет, что я разведчик, и неизвестно, чем это кончится. Да и права я не имею называться Василием Синцовым.

К утру решил: будь что будет. Предстану таким, каким и являюсь на самом деле, — выходцем из двадцатого века. Непобедимый, надеюсь, отнесется с вниманием и участием к бедному изгнаннику Пьеру Гранье.

День с утра был темный, пасмурный. В просторном зале «Кафе де пари» горели светильники на столах, сияли люстры, сверкали листья пальм, посаженных в кадках. Откуда-то появлялись официантки, с робкой угодливостью ставили на стол бутылки с вином и столь же угодливо, бесшумно исчезали.

Непобедимый пил вино, но сидел сгорбившись, был задумчив и невесел. И что-то дрогнуло у меня в груди: бедный дядя Абу! Несчастная жертва прогресса! Надо ободрить, утешить его. Я взялся за ручку двери, в тот же миг струсив, отшатнулся и уже хотел удалиться, но дядя Абу заметил меня и сделал жест рукой: заходи. Отступать уже поздно, и я зашел.

— О, шейх ифритов — поклонившись, сказал я. — Как бы мне хотелось владеть волшебной лампой Аладдина.

— Шейх? Лампа Аладдина? — улыбнулся дядя Абу. — Приятно встретить в стране дураков хоть одного образованного и начитанного человека. Пьер Гранье, кажется?

Заметив топтавшихся на улице конвоиров, усмехнулся:

— Твои гусары? Пусть войдут.

Усач и Крепыш, уняв дрожь, сели в углу и с благоговейным удивлением глядели на меня, свободно беседующего с самим Непобедимым. А к дяде Абу возвращалось знакомое мне по детству Василия веселое, игривое настроение и вместе с ним, увя, хвастовство.

— Да, я шейх ифритов, глава всех джиннов. Но волшебной лампой Аладдина уже никто не будет вла-

деть. Я здесь свободен и подчиняюсь только собственным капризам. Выпьем за свободного джинна!

Отказаться я не посмел, но лишь чуть-чуть пригубил вино. Мой же собеседник, к сожалению, меры не знал. «Узнал он во мне Василия Синцова или нет? — гадал я. — Внешне мы так похожи...»

— Но вы, о шейх джиннов, не такой уж древний, как в сказках. Гравитация, термоядерная энергия... Все это мне знакомо.

— Верно! Ты выходец из тех веков, когда ученые уже вызвали к жизни эти дьявольские силы. Но я владею и достижениями человечества более поздних веков, о которых ты понятия не имеешь.

«Для него я Пьер Гранье», — с облегчением подумал я.

Хмель между тем окончательно вскружил голову великому джинну. Он все больше распаялся, бахвальство его росло, как снежная лавина. Подняв вверх указательный палец, Непобедимый обращался не только ко мне, но и к почтительно внимавшим конвоирам, и к официанткам-ведьмам.

— Да, я не тот архаичный простачок, что запечатлен на пыльных страницах Корана и арабских сказок. Я олицетворение технического всемогущества человечества. Ученые уже в твоё время, Пьер Гранье, заметили, что научно-технический прогресс становится самовластной силой, ускользает из их рук. Они сравнивали его с джинном, вырвавшимся из бутылки. И джинн этот я. Смотрите, как это случилось.

Роскошная серая шевелюра дяди Абу задымилась, черты лица заструились, тело заколыхалось, как кисейная занавеска под легким ветром. И Непобедимый дымным смерчем со свистом влетел в пустую бутылку. Валявшаяся на столе пробка подскочила и воткнулась в горлышко. Запечатанный в бутылке джинн плясал крохотным светящимся мотыльком.

Пробка оглушительно выстрелила, из горлышка с победным шумом взметнулся дым и большим облаком заколыхался под потолком. Уменьшаясь в размерах, облако закружилось, завертелось и свернулось в человека.

— И джинн на свободе! — воскликнул дядя Абу. — Это я!

Мои конвоиры и официантки брякнулись на колени в полной готовности завывть и захоплат в ладоши. Непобедимый гневным жестом остановил их, нахмурился, выпил залпом полный стакан вина и на минуту задумался. Потом приблизился ко мне и, подмигнув, с усмешкой прошептал:

— Значит, Пьер Гранье? Ловко!

По моей спине прошелестел холодок страха: узнал! — Джинн, как тебе известно, мой мальчик, существо нейтральное, — продолжал дядя Абу. — С человеком, не владеющим волшебной лампой Аладдина, он волен поступать, как ему заблагорассудится. Могу помирить, могу и рассказать всем, кто ты такой на самом деле. Рассказать?

— Поступай, как знаешь, — упавшим голосом ответил я. — Я в твоей власти, дядя Абу.

С великим джинном вдруг что-то стряслось. Он покраснел, вскопчил на ноги и заметался, готовый от стыда провалиться сквозь землю. Но не провалился, а рассеялся дымом, волокнистой поземкой заструился по полу и исчез в темном углу.

Победа! Гнусный Пьер Гранье торжествовал победу: слова «дядя Абу» оказались волшебнее лампы Аладдина, и теперь джинн в моих руках. Вскоре, однако, кто-то другой вновь зашевелился во мне, и я стал противен самому себе. Спал плохо. Встал утром с прежними чувствами неуверенности и страха: еще неизвестно, как поведет себя Непобедимый. Суеверно загадал: если дядя Абу в том же месте и в том же часу будет ждать меня, то все уладится.

Дядя Абу ждал. Но глядеть на него было нестерпимо жалко. Он краснел и суетился. Угощая меня лакомствами, сам бегал с подносом и был при этом слащаво вежлив и постыдно угодлив. В конце концов сел на стул и, не поднимая пристыженных глаз, сказал:

— Вчера я свински напился и сморозил глупость. Простишь ли меня, Василек? А? Дорогой мой мальчик, простишь ли когда-нибудь?

— Забудем об этом, дядя Абу. Лучше подумаем, как тебе самому выпутаться из беды.

— Да, да! — подхватил дядя Абу, желавший поскорее сменить тему разговора. — Ты, конечно, догадываешься, что со мной случилось. Все произошло так, как предсказывал биофизик Лоран.

Кто такой Лоран, я не знал, но не подавал вида. Пусть дядя Абу считает, что перед ним не подставное лицо или непонятный гибрид, а подлинный, стопроцентный Василий Синцов, которого он все еще числит в мальшах.

— Прогрессу надо было на ком-то отыграться, — горько усмехнулся дядя Абу. — И тут подвернулся я со своей дурацкой внешностью. Прямо-таки визирь из сказок Шехерезады. Шевелюра, как чалма, борода... Кстати, о Черной Бороде! Этого пирата-людоеда не бойся. Я нашел средство защитить тебя. А кто такой людоед на самом деле, ведать тебе необязательно. Слишком страшно.

Знал бы дядя Абу, что перед ним тот, кто сотворил паука-людоеда. Но «ведать» ему об этом тоже пока необязательно. И, желая снова вернуться к разговору о прогрессе, я сказал:

— Чего только этот прогресс не вытворяет с человеком!

— Не надо все валить на прогресс. — Мой собеседник сегодня был настроен весьма самокритично и себя не щадил. — Во всем виноват я. Помнишь, каким я был хвастунишкой? Ну точь-в-точь как научно-технический прогресс, который постоянно бахвалится своими победами. Он бахвал, и я бахвал. Два сапога — пара. Бахвальство — дырка в моей душе. Через нее-то и пробрался кичливый научно-технический джинн, а потом исподволь перестроил мой организм.

Случилось это, как предполагает дядя Абу, во сне. Однажды он проснулся с чувством громадного, чуть ли не вселенского воскресения и обновления. Каждая клетка организма вибрировала, трепетала от ощущения пробуждающей силы. И вдруг ему нестерпимо захотелось развернуться вовсю — крушить горы, выпивать моря, перестраивать орбиты планет. Но Сфера Разума не позволяла, держала джинна в узде. Раскрепоститься он мог в другом, безопасном для нее месте. Вскоре в его родные края перекинулась блуждающая зона с ее возмущениями биополя. Джинн развеевался и вместе с излучениями, с волновыми всплесками перенесся в доисторическое прошлое.

— И вот я здесь, — опустив голову, закончил свое печальное повествование дядя Абу. — Среди таких же изгнанников, среди отбросов цивилизации.

— Но ты станешь человеком, — воскликнул я. — Со временем энергия иссякнет, организм вновь станет биологическим.

— Слышал и я такую гипотезу, да не верю в нее.

Глаза дяди Абу затуманились такой тоской, что я не стал удерживать его, когда он потянулся к стакану с вином. Пусть. Сейчас это его единственное утешение.

Но оставлять дядю Абу один на один с бутылкой нельзя. Тяжко ему в одиночестве. На другой день я снова пришел в «Кафе де пари». Из его окон открывался вид на широкую улицу. А дядя Абу любил смотреть в окно, наблюдая за спящими толпами. Все-таки развлечение.

В этот день нечистая сила отмечала один из своих

чудовищных праздников — «день вылавливания антиведьм». С утра с пением, с веселым гамом и свистом возили по улицам клеточки. В них — ведьмы, уличенные в «человечности». Вечером их сжигали. К моему ужасу, в одной из клеточек с царапинами на красивом лице и опутанная проволокой сидела Элизабет — моя добрая покровительница. По моей просьбе дядя Абу спас ее. Вызвав немалое замешательство в рядах охранников, он вызволил Элизабет из клеточки и отправил ее на свою виллу ухаживать за цветами.

— Никто не смеет перечить мне, — кривя губы и стыдясь своей власти, сказал дядя Абу, когда вернулся в кафе.

Однако после третьего стакана вина он повеселел и, к моему огорчению, вновь начал бахвалиться.

— А ведь здорово я расправился с Раваной! — смеясь, восклицал дядя Абу. — Одним плевком!

Что же с Гроссмейстером? Эффектный плевком Непобедимого раздавил его? Авторитет его рухнул и развеялся в прах? Ничуть не бывало! Вскоре Гроссмейстеру удалось затмить славу Непобедимого. Случилось это на одном из дьяволослужений. Вечер начался как обычно: в синем небе вспухло облако с дворцами на снежных вершинах, перед зрителями раскрылся светлый зал с тронем сатаны. Справа от него, как всегда, выстроились ангелы, слева — знатные администраторы. Среди них и доставленный мною штандартенфюрер СС, ставший важным чиновником — директором ЦДП.

Вот уже сатана со скипетром в руках приблизился к микрофонам, зашелестели крыльями ангелы, захлопали в ладоши администраторы. Вдруг из строя вышел директор ЦДП и встал рядом с сатаной. Гроссмейстер нахмурился, и в чертогах сатаны, во всем городе воцарилась напряженная тишина.

Ганс Ойстерман вскинул руку и сказал, что от имени исторических персонажей награждает вождя изгнанников железным крестом. Жирные губы Гроссмейстера расплылись в довольной ухмылке, просияли и его приближенные. Под вновь загревшие аплодисменты и звуки фанфар штандартенфюрер СС снял с себя железный крест и прикрепил к мундиру диктатора.

Шум нарастал. Но сатана поднял руку и в наступившем почтительном безмолвии объявил, что решил отблагодарить представителя третьего рейха.

— По своей редкой бесчеловечности он достоин занять место среди демонов, — сказал Гроссмейстер. — Но его физическая природа, к сожалению, затвердела в несвойственном ему человеческом виде. Я исправлю это упущение.

Я пожал плечами: пустое бахвальство или Гроссмейстер в самом деле настолько всемогущ? Я посмотрел на боковой экран — на изгнанников, толпившихся в каком-то храме. Подобно мне, многие из них сомневались. Но многие верили своему владыке и спорили лишь о том, в кого превратится директор ЦДП — в Кощея Бессмертного или в вампира?

— В дракона, — уверенно заявил мой Крепыш.

Я с ним почти согласился, взглянув на Ганса Ойстермана — грузного, с массивной крепкой челюстью и мутными глазами. Чем не дракон?

Сатана поднял скипетр над головой Ганса, и тот съезжился. Однако не молнии обрушились на гестаповца, его окутало тихое и ласковое сияние. Грубое лицо Ганса заколыхалось, словно отраженное в воде. Оно стало сияющим одухотворенным, яснили свинцовые глаза; осанка приобретала неуловимую легкость и воздушность. Секунду спустя, к величайшему изумлению изгнанников, в том числе и моему, штандартенфюрер СС стал... ангелом! Нежноликим, сверкающим непорочной белизной ангелом!

Приближенные сатаны вскрикнули от восторга и

захлопали в ладоши, зашелестели крыльями ангелы, а гулкие своды храма (на боковом экране) огласились ревом, воплями «Ура!». Вместе со всеми я аплодировал, хохотал (на меня напал вдруг неудержимый хохот) и кричал:

— Bravo! Остроумно!

При этом изо всех сил, сцепив зубы, старался сохранить свое «я» и смотреть на все со стороны. «Черта с два, сегодня не поддамся»,— твердо решил я. Но вот под купол храма на метле взлетела ведьма, потом другая. К ним присоединились черти, вонючие гарпии. И свистящей вьюгой закружилась, завертелась нечистая сила. Гам, вой, удесятенный эхом, нарастал, набухал до необоримого безумия... Не заметил, как сатанинский хоровод вихрем подхватил меня, и мое «я» рассеялось в нем без остатка. Я аплодировал с упоением, хлопал в ладоши до сладкого умопомрачения, до потери сознания.. Неужто я опять выл и визжал? Не помню.

Ночью я уснул не скоро. Ворочаясь с боку на бок, пытался понять: ну хорошо, шабаши привычны для нечистой силы, уж так она запрограммирована литературной и фольклорной традицией. Но при чем тут люди? Неужели никто из исторических персонажей не может устоять?

— Никто,— заверил меня утром Алкаш.— Был когда-то давно один исторический тип. Вот он мог устоять. Его признали психически ненормальным и сожгли.

Кстати, в тот же день Алкаш получил медаль и тем самым подтвердил свое право на жизнь. Он наконец-то преодолел свой страх перед лесной «нечистой силой», перед безобидными, в сущности, русалками и водяными. Алкаш проник в лес и, проявив незаурядную храбрость, притащил, буквально приволок оглушенного штурмбанфюрера — оказался тот слишком буйным и драчливым, не зря, видно, был сразу с двумя железными крестами.

С Памятью что-то случилось. Все зло, переполнявшее ее исторические недра, она несколько дней подряд выплескивала не в виде драконов или ведьм, а в образах реально живших людей. И почему-то это были непременно штурмбанфюреры. Клапан какой-то для них приоткрылся, что ли?

У многих штурмбанфюреров были железные кресты. Теперь почти каждый вечер сатанинские вакханалии проходили торжественно и шумно — Гроссмейстер получал награды.

Для всех гестаповцев находилось привычное для них дело. За городом строился концлагерь, многие церкви, храмы, синагоги переоборудовались под филиалы ЦДП. Один из штурмбанфюреров предложил: когда в соборе Парижской богородицы и в других храмах-филиалах начинались пытки (а начинались они с утра), на их башнях должны звонить колокола.

— Остроумно! — одобрил Мурлыкин, довольно жмурясь и потирая руки,

Жуткий, цепенящий душу колокольный звон привел изгнанников в трепетное послушание. Меня же он по утрам будто ледяной водой окатывал. Я старался почаще быть рядом с дядей Абу — вестником мира, где меня будили птицы и пастушья свирель, а не страшное буханье колоколов.

К сожалению, друга моего детства начали томить недобрые предчувствия.

— Что-то происходит со мною,— грустно усмехаясь, сказал дядя Абу.— Джинн заболел. Вчера обнаружил, что энергетические вихри иногда переходят в упорядоченные биологические структуры.

— Но это же хорошо! — обрадовался я.— Ты очеловечиваешься!

— А с тобой что будет, малыш? Ничем не смогу помочь, когда стану обыкновенным немощным чело-

веком. Любой замухрышка дракон прихлопнет меня, как муху.

— Мы вернемся домой, в человеческий мир.

— Обратной дороги мне нет,— безнадежно махнул рукой дядя Абу.

Он выпил стакан вина, потом еще. Щеки дяди Абу порозовели, взгляд повеселел. И заговорила в нем, закипела неумная вселенская сила; она распирала его, клокотала и рвалась наружу.

— Но джинна еще рано хоронить! — вскочив на ноги, воскликнул дядя Абу.— Я еще покажу себя, тряхну богатырской силушкой!

Неожиданно смутившись, он умолк. Снова сел за стол и уже совсем другим тоном сказал:

— Кстати, не только с джинном, но и с другими отбросами цивилизации что-то творится.— Дядя Абу слегка оживился. На себя он, чувствовалось, махнул рукой и сейчас заботился только обо мне.— Ты, мой мальчик, присматривайся. Потом вернешься и обо всем расскажешь.

И в самом деле, в городе что-то происходило. Временами ощущался подземный гул — гул иной и далекой реальности, подкрадывающийся к миру, окружавшему меня сейчас и столь похожему на дурной сон. Ученые из далекого будущего, как я догадывался, «нащупывали» его. Отдельные здания в городе колыхнулись и дали трещину. Решетчатые контуры Эйфелевой башни извивались, клонились, как водоросли в текущей воде или как струи дыма. Казалось, они вот-вот растут. Но башня устояла и вернулась

в прежний вид. Устоял и город. Подземный гул постепенно затихал.

Но зато с самими изгнанниками стало происходить непонятное. Однажды вечером по городу распространились слухи о страшной и заразной болезни — проказе.

Утром я, как только вышел из дома, на паперти чистенькой и нарядной церкви увидел худого и длинного, как жердь, старика. Одет он был в лохмотья, но в руке держал новую шляпу. Прохожие с улыбкой кидали в нее монеты. «Не исключено, что это Кошей Бессмертный, решивший нищенством приумножить свои несметные богатства», — с усмешкой подумал я.

Одна женщина прошла мимо, забыв бросить монету. Рука со шляпой неожиданно отделилась от плеча старика и, покачиваясь в воздухе, как в невесомости, стала догонять женщину. Сам же нищий сидел на прежнем месте и бормotal:

— Дай пяточок! Дай пяточок!

Прохожие с визгом кинулись кто куда... Рука, не догнав стремительно улетевшую ведьму, вернулась и приклеилась к плечу.

— Прокаженный! — завопил Усач и дернул меня за рукав. — Бежим!

Но я стоял, с любопытством ожидая, что же будет дальше. Нищий с криком вскочил и завертелся, потом рассыпался по-прежнему вертящимся, как смерч, прахом и пропал, не оставив ни пылинки.

В тот же самый день, а это был «день доносов», по поручению Мурлыкина я зашел в департамент литературных персонажей. Возглавлял департамент дракон по имени Весельчак. Звали его так потому, что своих подопечных он отправлял на костер с хохотом и остроумными, как ему казалось, шуточками.

Пробиться к Весельчаку было не так-то просто. В обширной приемной свыше полусотни литературных негодяев, размахивая листками-доносами, с гамом толклись перед столом секретарши.

— Господа! — нервно взывала секретарша, ярко окрашенная рыжая ведьма. — Соблюдайте очередь. Садитесь, господа.

Но гвалт усиливался. Каждый стремился поскорее донести на своего собрата. Особенно старался юркий и скользкий тип — не то Гобсек, не то Иудушка Головлев.

Секретарше так и не удалось бы установить порядок, но тут подоспел еще один посетитель: в дверях картинно возник унтер Пришибеев с целой охапкой доносов. Увидев шумное сборище, он сначала опешил.

— Это что? Еще один митинг? — Потом побагровел и, размахивая дубинкой, заорал: — Нар-род, не толпись! Р-разойдись.

— Опять этот болван, — проворчал Иудушка Головлев, но поспешил сесть, предусмотрительно заняв место поближе к кабинету Весельчака.

Наступила тишина. За дверью, где проходило сошествие, слышались глухие голоса, затем вдруг раздался хохот — такой громкий и веселый, что, казалось бы, у всякого должен вызвать ответную улыбку. Однако лица литературных изгнанников покрылись смертельной бледностью: участь кого-то из них была решена и подписана.

Я окинул взглядом приемную и с удовольствием отметил, что д'Артаньян, один из моих любимых литературных героев, отсутствовал. «Молодец», — мысленно похвалил я его. Но зато другой мой любимец крайне огорчил. Да он ли это? Я присел рядом с высоким одноногом человеком с попугаем на плече и, все еще не веря глазам своим, спросил:

— Джон Сильвер? Ты ли это? Неужели дошел до такой низости, как доносы?

Пират сжимал и разжимал кулаки, мямля шляпу и раскрывал рот, но от душившей его ярости долго не

не мог вымолвить ни слова. Наконец разразился: — Клянусь громом! Это капитан Флинт донес на меня. Я узнал почерк этого дьявола.

— Вон оно что! Ты сам стал жертвой доноса. Но я замолвлю за тебя словечко. Выручу.

Я подошел к столу секретарши. Рыжая девица, сосредоточенно занятая вязанием, подняла голову и воскликнула:

— Друг Непобедимого! Извините, не заметила. Сейчас узнаю, когда Весельчак освободится.

Девица все так же сидела и вязала шарфик, спицы так и мелькали в ее ловких руках. Но голова!... От неожиданности я отшатнулся: голова, повинувшись желанию своей хозяйки, отделилась от туловища, подплыла к двери кабинета и прикинула ухом к замочной скважине.

— Ругаются, — хихикнула голова.

— Прокаженная! — раздался чей-то вопль.

Обезумев от ужаса и роняя доносы, посетители кинулись к выходу. Образовалась пробка, и какое-то время никто не мог высочить наружу. Но какой молодец Джон Сильвер!

— Спасайтесь, дурачье! — хохотал он и с удовольствием лупил костылем по спинам своих литературных собратьев.

Дремавший на его плече попугай очнулся и суматошно закричал:

— Пиастры! Пиастры! Пиастры!

Тем временем секретарша, покружившись облаком пыли, рассеялась и бесследно исчезла...

Вскоре подземный гул затих совсем, и случаев «проказы» больше не наблюдалось. Изгнанники успокоились, жизнь города вошла в обычную колею.

Лишь с Гроссмейстером творилось что-то неладное. Обычно перед началом дьяволослужений он подходил к зеркалу, прихорашивался и с улыбкой разглядывал сияющие на груди ордена (появились у него и ордена) и многочисленные железные кресты. Но в последние дни физиономия Гроссмейстера приобрела скучающее и даже капризное выражение.

— Манья величия ненасытна, — смеясь, говорил дядя Абу. — Железных крестов уже мало. Надо что-то новое. Уж не объявил ли он себя Наполеоном или Александром Македонским?

Однако сатана хотел совсем иного. Об этом я узнал на предвыборном собрании исторических персонажей, состоявшемся в нашем департаменте.

В зале собралось около пятисот реально живших людей. И какую только нечисть не выплеснула сюда потревоженная история, спавшая до этого сном вечности. Слева от меня нервно ерзал на стуле наркоман, считавшийся здесь специалистом в области ядерной физики. Справа сидел монах и сверлил всех горящим взглядом фанатика. Впереди высились два плечистых гангстера. «Прелестная компания», — пожегил я.

Страна изгнанников готовилась к выборам в парламент. От нашей малочисленной исторической партии нужно было дополнительно выдвинуть еще одного депутата.

Меня, одного из самых уважаемых изгнанников, вполне могли избрать в парламент. Но такая перспектива меня страшила. И вот почему. В тот раз Алкаш не все рассказал мне о живых депутатах, об этих «смекалистых мужиках». Вели они себя образцово лишь до поры до времени. Незаметно, исподволь в их среде завелась, по выражению одной из газет, «гниль свободомыслия». В кулуарах часто возникали разговоры, в которых то и дело слышались недозволительные слова: закон, право, конституция. Однако на заседаниях живые депутаты поступали точь-в-точь, как их предшественники роботы. Но однажды во время речи Гроссмейстера какой-то задремавший депутат

(предполагают, что это был дракон) вскочил и вместо положенного «браво!» спронеся рывнул: «Конституция!»

Гроссмейстер и ангелы не стали искать зачинщиков «конституционной смуты». Всех депутатов они бросили в большую яму с напалмом и сожгли. С тех пор новые депутаты вели себя, конечно, осмотрительно и разумно. Но мало ли что могло случиться? Тогда и дядя Абу не вызовет меня из ямы: его очеловечение могло наступить в любой день... К счастью, в парламент выбрали не меня, а какого-то уголовника.

Затем мистер Ванвейден, ведущий собрание, пустил по рядам медаль для осмотра.

— Подобных медалей мы можем изготовить сколько угодно,— сказал он.— Но важно, чтобы Гроссмейстер получил ее из рук человека, награжденного такой медалью в историческом прошлом.

Я взял медаль и чуть не рассмеялся: сатана пожелал стать лауреатом Нобелевской премии. Кто надумал его? Ангелы? Или ему самому вступила в голову такая блажь?

Но это же нелепость! Даже туповатый мистер Ванвейден должен понимать, что здесь, в мусорной яме человечества, не может появиться уважаемый в прошлом ученый или писатель. Но уж очень хотелось вампиру отличиться и занять место Аристарха Фалелеича. Никого не спрося, втайне даже от Мурлыкина, он отважился на нелепую авантюру.

На другой же день мистер Ванвейден с утра вывел исторических персонажей на опушку леса. Прочесывание решили вести небольшими группами и, конечно же, без конвоиров-чертей, не без основания опасавшихся лесной «нечистой силы».

Штурмбанфюреры с автоматами в руках тремя отрядами ушли в разные стороны. Выходцев из восемнадцатого века, вооружившихся старинными пистолетами, мушкетами и саблями, возглавил гроза морей капитан Флинт. Я шел рядом с представителями моего куда более «просвещенного» века — гангстерами, наркоманами и тремя неприятными типами, считавшимися здесь технической интеллигенцией.

— Нам не по пути с вами,— с вызовом заявил капитан Флинт.— Мы благородные пираты и разбойники.

— Дикари, недоумки,— смеялись над ними мои «цивилизованные» спутники.

Я поспешил уйти в сторону, понимая, что добром это не кончится. Минут через двадцать, когда уже находился в густом сыром ельнике, услышал приглушенный расстоянием выстрел, потом другой. Раздался треск автоматных очередей, ухнули взрывы гранат.

А я уходил все дальше. Когда совсем перестал слышать гул сражения, оглянулся и с облегчением перевел дыхание: я один и я дома! С каждым кустом и каждой травинкой я встречался словно после долгой разлуки. Грудь теснила воспоминания детства и радостное, немножко тревожное ожидание: сейчас должно что-то случиться.

И вот оно, случилось... Лес кончился, открылись залитые солнцем луга, рожи, перелески... Все это затуманилось, качнулось и поплыло перед глазами завитками дыма — так ошеломила, оглушила меня догадка. Я все понял! Словно пелена спала с моих глаз: я — Василь Синцов, частица вот этих родных и разумных рощ и полей. А Пьер Гранье — выдумка ученых, их ловкая подделка, просто мираж, нужный для того, чтобы ввести в заблуждение нечистую силу и внедриться в это общество.

Понятными стали и хитроумные сеансы, или рокировки — переходы в другой мир. «Мы дарим тебе новую жизнь», — сказал мой таинственный и лукавый собеседник. Как же! Переживая детство Василя, я просто-напросто вспоминал самого себя, понемногу

избавлялся от миража и возвращался в свою подлинную личность.

Когда солнце достигло зенита и стало душно, я вошел в прохладную рощу. Улыбнулся: Тинка-Льдинка! Это же Снегурочка, звенящая листвою и птичьими голосами. Так и чудилось: сейчас выйду в цветущие поля и увижу фею весенних лугов.

Но увидел другое, отчего счастливо забилось сердце. В высоких, качающихся под ветром травах паслись кони. Словно два облака плавали в зеленых волнах: дымчатый, в яблоках, Метеор и мой белоснежный Орленок.

Метеор поднял голову и радостно всхрапнул. Но что творилось с Орленком! Он заржал, подлетел и вилась вокруг своего хозяина, как расшалившийся ребенок. И грива его металась, словно белое пламя. Истосковался!

— Орленок, дружище! Иди же ко мне.

Конь подскочил ко мне и в полутора шагах замер. В глазах его чисто человеческие чувства настороженности и недоумения.

— Что с тобой, дурашка! — ласково спросил я и протянул руку, чтобы погладить его шелковистую шею.

Коснулся шеи, и конь вздрогнул, попятился с омерзением и страхом. Мое прикосновение, мои биотоки действовали на него, как удар хлыста. Орленок повернулся и бросился от меня, как от страшилища.

В отчаянии я опустился на траву и обхватил голову руками. Страшная истина открылась во всей своей наготе. Никакой я не Василий Синцов, и благородный конь почувствовал это: внешний портрет не совпадал с внутренним. Нравственно я все тот же мерзкий Пьер Гранье, и даже хитроумные рокировки не «подправили» его, не возвысили. Ни в малейшей степени.

С гнетущими чувствами и невеселыми мыслями я просидел несколько часов. Незаметно подкрадывались длинные вечерние тени. Я поднялся и стал высматривать какое-нибудь убежище. В город решил не возвращаться. Все равно моя миссия кончилась провалом, из мира изгнанников уже не вернуться. Конь не примет меня.

Час спустя в низинках и густом подлеске скопилась ночная мгла. Она вилась, клубилась рыхлыми комками и с шипением рассеивалась. И снова сгушалась, твердела, силясь выбраться в вещественный мир. Холод ужаса охватил меня: Черный паук! Двойник моей черной души! А власть дяди Абу над пауком, вспомнил, в лесу кончалась. Я заметался, убегаю от крадущейся тьмы, выскакивал на полянки и наконец вырвался на опушку.

Я вернулся в город, и, не в пример привередливому коню, нечистая сила приняла меня как своего, встретила как родного.

— Слава дьяволу, живой! — воскликнул Усач.

На засветившемся экране видефона возникла озабоченная физиономия главы департамента.

— Уцелел? — Хмурый лик Аристарха Фалелеича прояснился. — И даже не ранен?

Мурлыкин снова насупился и с презрением заговорил о склочниках людях, которых ни минуты нельзя оставлять без конвоиров. Историческая партия, как я узнал от него, потеряла в этот день почти половину своего состава. С еще большим гневом директор департамента обрушился на своего заместителя. За самоуправство и глупость мистер Ванвейден снят с должности и брошен на грязную и унижительную работу по вылавливанию и сжиганию мелких бесов.

Новость для меня приятная, но и она не радовала. Лег в постель в таком подавленном состоянии, что никак не мог уснуть. В расстроенном воображении долго прыгали какие-то лохматые тени... Совладав с нервами, я наконец начал засыпать. Но тут, в полу-

дреме, что-то коснулось моего сознания, а из неведомой дали донесся еле различимый шепот:

— Тебя сегодня что-то расстроило... Что случилось?

— Все пропало! Мне не вырваться отсюда. Да и ты погибнешь. Мы оба... Из-за моей паучьей души.

— Догадываюсь...—Голос становился все более отчетливым.—Побывал в лесу и снова встретился со своим милым созданием? И бегал от него? Ну нет, от самого себя не убежишь.

— Никак не можешь без ехидства. А дело серьезное. Задание сорвется. Орленок шарахается от меня — вот что страшно.

— А не слишком ли торопишься?

— Опасаетесь, что вернусь, не выполнив задания? Потому и конь так чуток?

— Отчасти потому... Но расскажи, что видел и что делал.

Мой рассказ, к счастью, не прерывался на сей раз ироническими репликами. Напротив, собеседник одобрил многие мои поступки. А мое поведение с дядей Абу привело его в восторг.

— Молодец! Да понимаешь ли, что произошло? Ты стал лучше. Иначе бы не сблизился с дядей Абу.

— Он почувствовал бы что-то неладное? Как конь?

— Почти что так. Сейчас узнаешь, что такое Сфера Разума. Еще один сеанс, и ты сделаешь еще один шаг к нашему миру.

— То есть стану еще ближе к самому себе? Я постепенно возвращаюсь в свою подлинную личность? А Пьер Гранье — псевдоличность?

— Не знаю...

— Что такое? Что ты сказал? Повтори!

В ответ — ни звука. Что все это значит? Его последние слова, сказанные исчезающим, как эхо, шепотом, мне просто почудились? Или он сам толком ничего не знает? Кто же я?

Я решил не терзать себя подобными вопросами. Подошел к окну, удостоверился, что в садике перед коттеджем никого нет. Похоже, сегодня меня не собираются пугать.

Лег и закрыл глаза. Сейчас засну, и маленький Василь (то есть я?) проснется в иной реальности — в мире Сферы Разума.

Сфера Разума

Так связан, соединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...

Ф. И. Тютчев

Еще во сне его слуха коснулись грустные, зовущие куда-то звуки свирели... Сознание просыпалось, и Василь вновь томили все те же непонятные чувства и мысли. Откуда приходит загадочный и неуловимый, как туман, Пастух? Может быть, не из древних земных полей, а с далеких космических пастбищ?

Мысль до того странная, что Василь окончательно проснулся и рассмеялся. Космические пастбища! Надо же придумать такое. Тут же вспомнил, что через час, когда в полях рассеется туман и вместе с ним уйдет таинственный гость, с внеземной станции опустится другой пастух — дядя Абу. Вот этот никуда не уйдет, с ним можно поговорить, узнать много нового.

За окном уже вовсю трещали воробьи, утренние лучи медленно ползли по стене комнаты, коснулись косяка дверей. Василь вскочил, принял волновой душ, позавтракал и босиком помчался за околицу села.

Поля дымилась, искрились травы, и от обжигающе холодной росы захватывало дух. Вот и роща Тинка-Льдинка, похожая по утрам на струнный оркестр,—

так много было здесь птиц. За рощей степь. В ее просыхающих травах уже путались пчелы, а на полном холме паслись лошади. Это как раз тот самый небольшой опытный табун, который изучает ученый-пастух дядя Антон.

Василь подскочил к своему знакомцу — недавно родившемуся жеребенку, обнял его шею, гладил гриву и приговаривал:

— Хороший ты мой. Хочешь, буду с тобой дружить?

— Он хочет к своей маме,— услышал мальчик голос дяди Антона.— Отпусти его. Это еще совсем малютка, сосунок.

Жеребенок смешными неумелыми шагами подошел к своей маме — светло-серой кобылице Стрелке, встал под нее, как под крышей, и начал сосать молоко.

— А имя ему еще не придумали? — спросил Василь.

— Пока нет. Хочешь предложить?

— Вчера вы говорили, что он из старинной породы орловских рысаков. А что, если назвать его Орленком?

— Хорошее имя,— одобрил дядя Антон, потом сел на бугорок и задумался. Василь понял, что сейчас лучше ему не мешать.

Мальчик ушел в сторону и устроился под могучим, давно полюбившимся ему тополем. Его крона так разрослась, что казалась густым зеленым облаком. «Тополь-бормотун» — так назвал его про себя Василь. И в самом деле: более болтливого дерева не было в окрестных лесах и рощах. Стоило пронестись ветерку, как его ветви начинали переговариваться, листья шуметь, и долго потом стоял несмолкаемый гул. И даже когда ветер стихал, тополь не унимался и продолжал бормотать. Может быть, там шепчутся дриады? Василь поднял голову, но в зеленой полумгле увидел лишь пляску острых, как иголки, солнечных лучей и птичьи гнезда.

Василь взял из Памяти книгу. Но не читалось. Его внимание привлек небольшой табун лошадей, проскакавших вдаль. Но это обычные лошади. Совсем иное дело табун, где родился Орленок. Такого табуна в мире больше нет. Над ним работают ученые, в том числе и дядя Антон.

Ученый-пастух все так же сидел на бугорке, глубоко задумавшись. Сейчас он, наверное, советуется со Сферой Разума. Василь уже знал, что Сфера общается и с ним, и с другими детьми. Но пока лишь внешне — с помощью фей, русалок, дриад и других природных существ. У взрослых общение более глубокое, телепатическое. Перед ними — вся историческая память, все знания человечества. Сейчас дядя Антон, может быть, даже видит своих коллег — ученых-«лошадников», живущих в разных странах. Он разговаривает с ними, спорит. Уже не один год они работают с опытным табунном. С помощью Сферы они меняют наследственность лошадей и динамику биотоков. Все это Василь слышал от дяди Антона. Ученые хотят, чтобы обыкновенные лошади стали чуть ли не сказочными. Кое-какие успехи уже есть. Многие их подопытные бегают со скоростью триста километров в час. Но зачем? Об этом Василь спросил у пастуха, когда тот освободился.

В ответ услышал удивительные вещи. Оказывается, некоторые его питомцы могли бы покрыть в час чуть ли не тысячу километров, если бы не сопротивление воздуха. Но скорость не главное. Ученые добиваются, чтобы их кони свой немислимый бег в пространстве превращали в бег во времени. Василь знал, что где-то в космосе время и пространство могут взаимно переходить друг в друга. Но чтобы такое — на Земле? Да еще с лошаадьми?

— Именно с лошаадьми,— убеждал ученый-пастух.— Миллионы лет естественная эволюция словно растила их для этого. Смотри, какое благородство, какая це-

леустремленность линий и форм! Так и кажется, что кони вот-вот сорвутся с места и, мелькнув в пространстве, умчатся в тысячелетия. Но природа не создала их такими. Не смогла в одиночку. Вот мы и хотим помочь ей.

— А не уйдет ли случайно Стрелка в прошлое от своего жеребенка?

— Нет, Стрелка и другие взрослые лошади лишь переходные экземпляры. Но их потомство... Твой Орленок, Витязь, Метеор нас обнадёживают. Может быть, они вырастут настоящими хронорысаками.

— Хроноптицы! — вспомнил Василь. — Я читал фантастический рассказ о хроноптицах.

— Это что. Недавно вышла интересная книга. Там уже не хроноптицы улетают, а люди уходят в прошлое. Уходят просто пешком и шагают по пыльным дорогам столетий. Да вот она, держи.

Василь взял из рук пастуха фантастический роман, который так и назывался — «Пыль столетий». И написал его...

— Дядя Абу! — воскликнул пораженный Василь и вскочил на ноги.

— Почему дядя? — улыбнулся пастух. — Абу Мухамед живет далеко, ты знаешь его.

Но Василь уже не слышал, о чем говорил пастух. В его ушах свистел ветер — он мчался в село, чтобы поделиться новостью с ребятами.

У крайних хат на вершине вербы вертелся ворон Гришка и с любопытством посматривал вниз. Василь смекнул: это неспроста. И верно: под вербой сидел дядя Абу и о чем-то беседовал с сельской ребятней.

— Вот! — запыхавшийся Василь поднял над головой книгу. — Смотрите!

Ребята передавали книгу друг другу и с уважительным удивлением поглядывали на дядю Абу. А тот с равнодушным видом повертел ее в руках, потом отбросил в сторону и с подчеркнутой скромностью сказал:

— Ерунда.

— Ерунда! — четко подтвердил Гришка.

Дядя Абу рассмеялся и погрозил ворону пальцем. Чувствовалось, однако, что Гришка крепко уязвил его авторское самолюбие.

— Я еще не такие книги напишу! Вот увидите! — с мальчишеской запальчивостью воскликнул дядя Абу.

После полудня Василь, желая познакомить дядю Абу и ребят с ученым-пастухом, повел их в поле. Становилось душно. В травах почему-то притихли кузнечики, и даже в роще Тинка-Льдинка перестали петь синицы.

— Верный признак, — сказал дядя Абу. — Скоро будет гроза.

Ребята не поверили — уж очень чистым и по-июньски синим было небо. Но минут десять спустя, когда впереди уже показался табун с ученым-пастухом, неведомо откуда прилетела туча, черные крылья которой вскипали по краям белой пеной. С шипением и свистом, с какой-то театральной яростью накинута гроза на ребят. Те криками приветствовали ее, потом дружно, с визгом и хохотом бросились под зеленую крышу того самого тополя. Там было сухо, и лишь меж корней тоненькими ручейками потекла откуда-то вода.

Под сабельными взмахами молний белым пламенем озарялись луга, гаши и снова вспыхивали. За дождевыми струями сизыми призраками бродили лошади, кусты и деревья колыхались и дрожали, становились смутными и расплывчатыми.

Но самое удивительное творилось с пастухом. Солидный ученый бегал, как мальчишка. Возбужденно приплясывая, он вглядывался в ветвящееся огненными змеями небо, бегал от одной лошади к другой, всматривался в них и к чему-то будто прислушивался. Ви-

димо, под влиянием ливней и грозových разрядов с его питомцами что-то происходило, что-то скрытое и непонятное для непосвященных. Природа, догадывался Василь, творила хронорысаков.

Туча улетела на восток. Поля задымилась и зачеркала под солнцем. Ребята вышли из-под тополя, но пастух даже не заметил их. Он ползал по луговине и внимательно вглядывался в травы, которыми питались лошади. Электрические разряды и озон наверняка и в травах что-то изменили. Пастух сорвал для анализа несколько пучков клевера и, не задерживаясь более, улетел на взеземную станцию.

Каждое утро Василь и Андрей уходили в поля, где просыпались пчелы и цветы раскрывались навстречу солнечным лучам. За холмами иногда слышался голос певуни-феи, а на озере друзей неизменно ждал на-смешливый, ершистый и все же бесконечно милый Кувшин. Частенько во время купания сердце у Василя вдруг замирало, как он там, белоснежный четвероногий друг? И, невзирая на иронические реплики Кувшина, мальчик стремительно убежал в поле, где его радостным ржаньем встречал подрастающий Орленок.

Незаметно из дальних стран золотой птицей прилетела осень и тихо села на поля и рощи, раскинув свои многоцветные крылья. И Василю пришлось надолго распрощаться с лошадьми и вольной жизнью — наступил его первый учебный год. Вместе с тремя десятками мальчишек и девочек он иногда целыми днями жил в школьном классе — многоликом и почти живом творении. Большая светлая комната с партами по желанию превращалась в любую лабораторию. Меняя форму, она погружалась в воду и даже в недра земли. Но чаще всего парила в облаках. Потому ребята и называли свой класс воздушной лодкой.

Лодка летала над материками и океанами, незримая для живущих внизу. Но сами школьники видели нежную зелень альпийских лугов и блеск южных морей, слышали шелест американских прерий и океанский гул сибирской тайги. Под ними проплывала вся биосфера — основа их жизни, хранилище материальной и духовной культуры человечества.

Многое, очень многое ребята узнали о мире еще в раннем детстве, когда дружили с феями и другими природными существами. Поэтому первоклассники сразу же приступили к таким наукам, какие их одногодкам прошлых времен и не снились.

А как интересно проходили часы после занятий! Однажды в ноябре, когда их родные луга и рощи припорошились снегом, летаящая лодка вплыла в сумерки жарких джунглей и раскинулась туристским лагерем. Все здесь необычно: лианы, спускающиеся сверху толстыми канатами, мохнатые стволы, оплетенные вьющимися растениями с большими и яркими цветами. В полумраке древовидных папоротников ребята впервые увидели фавна — недоверчивого и пугливого лесного обитателя.

Чуть позже воздушная лодка приземлилась на новозеландском берегу — и вмиг все преобразилось. Вместо душных джунглей — бескрайние синие дали, откуда дули свежие ветры. Набегающие волны с шуршанием гладили песок и оставляли у самых ног шипящие ожерелья пены. Ребята шумно переговаривались, но Василь молчал, с опаской поглядывая на стоящую рядом Вику. Однажды девочка была так непривычно серьезна и задумчива, что Василь успокоился: язвительный язычок у Вики сегодня отдыхал.

— Тише, ребята, — сказала она. — Не видите разве?

В отдалении на прибрежной скале сидела девушка и тихо напевала. Потом подняла руки, шевельнула пальцами и словно коснулась ими невидимых струн: океан зазвучал.

— Морской композитор, — восторженно прошептала Вика.

Все знали, что Вика мечтала о славе степного композитора, хотела преобразовать шелест травы, пение птиц, свист ливней и грохот грозы в гармонию, в никем не слыханные созвучия и мелодии.

Василю однако морская музыкантша и певунья казалась подозрительной. Ее пышная прическа, похожая на пену прибоя, и платье цвета розового коралла наводили на мысль: уж не вышла ли она из океана.

— Может, это морская нимфа? — неуверенно возразил Василь.

Вика с жалостью посмотрела на Василя, но придумать что-нибудь обидное не успела, в это время девушка с ловкостью горной козы спустилась со скалы и подбежала к ребятам.

— Северяне! — рассмеялась она. — Догадываюсь, что вы школьники из краев, где поют сейчас выюги. Здравствуйте, северяне! Давайте знакомиться. Меня зовут Аолла.

Девушка-южанка была общительной, веселой и уж до того земной! Вика торжествовала, да Василь и сам усомнился в своем предположении.

— Сколько у вас осталось до занятий? — спросила Аолла. — Еще целый час? Подождите, я вернусь со своими подругами, и мы устроим праздник!

Аолла вошла в воду, нырнула и стремительно уплыла в зеленую глубину.

— Океанида! — в растерянном изумлении воскликнула Вика.

Валы набегали и с плеском ложились у ног. Из самой высокой и шумной волны, из ее пены неожиданно выступили Аолла и десятка два ее подруг. И всеми красками запестрел желто-лимонный пляж. Каких только платьев тут не было: красные и розовые, как кораллы, зеленые, как водоросли, кружевные и белые, как облака. И сами океаниды тоже разные. В большинстве своем шумные и веселые, как Аолла. Но встречались и тихие, с задумчивой грустинкой на красивых лицах. Одинаковыми были трюки глаза — синие, как океанские дали.

В груди у ребят что-то дрогнуло: перед ними в живом виде предстал сам красавец океан. Приветствуя Аоллу и ее подруг, они восклицали:

— Океан! Океан! Здравствуй, океан!

И праздник получился океанский — широкий и певучий, с хороводами на пляже и с играми на воркующих волнах. А когда одна из задумчивых океанид, свидетельница многих событий прошлого, начала рассказывать о страшных кораблекрушениях и бурях, о морских битвах и сражениях с пиратами, ребята затаили дыхание. Потом снова песни, музыка и танцы...

Летающая лодка побывала затем в эвкалиптовых лесах Австралии, на вершине Эвереста и во многих других местах. В конце учебного года, в мае, она растворилась в родной среднерусской лесостепи. Незримая и неощутимая, она готова была в любой момент прийти на помощь и развернуться во что угодно.

Но ребята не нуждались в ней. Они сидели на сухой, прогретой солнцем траве, а кругом в низинах пылали цветы. Апрель и май — пора купавок. Куда ни кинь взгляд, плескалось золотое море купавок с зелеными островами холмов.

Перед ребятами, щурясь на солнце, прохаживался высокий пожилой учитель истории и классный наставник. Имя и отчество у него самые привычные для этих мест — Иван Васильевич. Но фамилия необычная и вполне «историческая» — Плутарх.

— Вот мы, ребята, и дома, — улыбаясь, начал Иван Васильевич. — Во многих странах вы побывали и многое узнали. Но знания не главное. Многознание уму не научает — так сказал один древнегреческий философ. Может быть, кто-нибудь назовет его?

— Я знаю! — вскочил Василь. — Это сказал Гераклит Темный.

— Правильно. А теперь попрошу Вику объяснить, почему его называли Темным.

Вика, сидевшая рядом с Василем, медленно поднялась и растерянно оглянулась. О знаменитом греке она ничего не знала. Василь хотел выручить ее, подсказать, хотя и сам толком не знал, что именно подсказать. Но тут Вика решилась:

— Поэтому... Потому, что он был негром.

— Негром?! — ошеломленно вскинув брови, переспросил учитель.

Ребята расхохотались так громко, что расположившиеся на соседнем кусте синицы испуганно вспорхнули и улетели. Василь, утешая пристыженную Вику, сказал, что на такой вопрос сможет ответить разве лишь Розочка.

Встал Сережа Розов, сказал два слова и зарделся. За скромность и способность краснеть он и получил свое прозвище. Справившись со смущением, Сережа заговорил снова, заставив утихнуть самых шумных ребят, — Розочка уже не раз удивлял их. Глубина мысли Гераклита была не всегда ясна современникам, сказал Сережа, поэтому его и называли Темным. Гераклит обладал одновременно конкретно-образным и абстрактным мышлением, способным, как уверен был сам философ, охватить мировой логос, вселенскую мудрость и гармонию.

— Гармоничная личность начинается с гармоничного восприятия мира, — добавил учитель. — Такой космический взгляд на мир вы усваивали с первых шагов своей жизни, встречаясь с травами и росами, с феями и дриадами, впитывали незаметно вместе с шумом древесной листвы и голосами птиц. Людям прошлых веков странной показалась бы такая природа, такая экологическая среда. А как она возникла, вы увидите завтра на итоговом уроке.

Ребята уже не раз слышали о волшебном итоговом уроке. Интриговал он их до чрезвычайности. Поэтому следующим утром они пришли на то же место, значительно раньше условленного времени. Первые лучи ошупывали холмы, врываются в темные низинки, и там золотыми огоньками вспыхивали купавки. И такая тишина, что, казалось, слышно было, как в травах движутся весенние соки.

Через несколько минут появился и Иван Васильевич.

— Уже собрались? — улыбнулся он, понимая нетерпение ребят. — Ну что ж, начнем пораньше. Сейчас мы в фокусе особо запрограммированных биополей. Вы проживете всю историю человечества. Не спрашивайте, что это — сон или явь? На это вам ответит потом специальная наука фантоматика.

...Но что это? В ушах затихающим, уходящим эхом еще слышалось слово «фантоматика», Василь все так же сидел на траве, но уже в далеком прошлом, в глухой чащобе древнего леса. Но самое удивительное произошло с ним самим. Его тело сплошь покрыто густой бурой шерстью, и это Василя почему-то не испугало, показалось даже забавным и смешным. И ходил он смешно — полусогнувшись, на задних лапах и передними касаясь земли. И вдруг Василь замер, скованный необъяснимым страхом. Сверху, из зеленой мглы листвы, послышался предостерегающий крик сородича. Василь легко, словно подхваченный ветром, взлетел, уцепился за сук и взглянул вниз. Под деревом рычал и вертелся опоздавший с прыжком густогривый зверь, в редких солнечных лучах его рыжая спина искрилась и вспыхивала, как пламя.

Визжа от гнева, Василь вместе со своими сородичами швырял в хищника кору и ветки. Потом, перелетая с дерева на дерево, очутился в безопасном месте и там, сопя носом и чмокая от удовольствия, ел вкусные и сочные плоды. И в это время, словно

из лесной глуши, послышался усмешливый голос учителя:

— Вы уже не животные, но еще не люди. Вы живете жизнью природы и пользуетесь ее дарами, не причиняя ей вреда...

Голос утонул в гуле и клетоте внезапно налетевшего ливня. Потом пришла жара, леса и поляны курились душными испарениями. И странно: в этом влажном тумане проплывали годы, столетия; и Василь обнаружил, что его беззаботная жизнь в лесу как-то незаметно кончилась. Он уже почти безволосый и ходит на ногах, а в руках цепко держит грубо обтесанные камни. Ими он отбивается от хищников, выкапывает из земли съедобные корни, сочные клубни. Но не голод больше помнит, а холод, от которого нет спасения ни в шалашах из сухих веток, ни в расщелинах скал. Он дрожал от холода, кажется, тысячи лет...

Внезапно Василь вынырнул из вязкого полубытия и зажмурил глаза: в глубокой ночи, выбрасывая косматые языки пламени, ярко горел огонь. Огонь, полученный руками человека! Повизгивая от наслаждения, Василь грелся у костра, потом вместе со своими соплеменниками пустился в пляс. А сквозь визгивания и хохот в уши Василя тихо, словно из далекого будущего, вкрадывался дружелюбно-насмешливый голос:

— Ликуете? И правильно делаете. Вы положили начало великой технологической эволюции. Природа еще не слишком страдала. Но что дальше?..

Голос рассеялся в тишине проплывающих веков. Каких — не разгадать... Вдруг Василь увидел высокое небо, рядом пофыркивали лошади и скрипели повозки. Женщины приглушенными голосами успокаивали плачущих детей. В руках у Василя лук, за спиной колчан со стрелами, а в груди тревога: вместе с племенем он спасается от воинственных соседей-степняков... Звезды и лоснящиеся под ними ковыли потускнели, занавесились мглой. И снова уходящие назад века, снова десятки иных неясных существований. И во всех былых жизнях его почему-то сопровождал еле слышный скрип повозок.

Скрип становился громче, все назойливее лез в уши, и Василь пробудился из полубытия в образе крепостного рабочего горнозаводского Урала. На визгливо скрипучей телеге он везет бурые глыбы железной руды.

Вот они, первые шаги индустрии и той самой железной технологии... Глазами пожилого рабочего мальчик видел, как в стороне над лесом вился дым — там трудились углежогои, а впереди густо коптели небо заводские трубы. Рабочий взмахнул кнутом, телега окутавшись пылью, влетела в распахнутые заводские ворота и ворвалась... в двадцатое столетие!

Василь мгновенно понял это, ибо оказался в облике мальчика того времени. Зовут его Колей, и сидит он уже не на телеге, а на мягком сиденье легкового автомобиля. Сквозь дымную гарь Василь видел улицы большого города. Коля ерзал и нетерпеливо спрашивал сидящего рядом отца:

— Мы едем в лес? А скоро будет лес?

При слове «лес» Василь, живший одновременно мыслями и чувствами Коли, почувствовал облегчение. Город пугал его, оглушал грохотом, давил каменными громадами. Но Коля спокойно смотрел на проносившие мимо газоны с чахлой и пыльной травой, на деревья — измученные, задыхающиеся, с корнями, закованными в гранит и асфальт. «Вот она какая, железная технология, — снова мелькнуло в сознании Василя. — Даже в небе вместо живых птиц летают металлические».

Машина выехала в пригород. Среди садов мелькнули одноэтажные домики, чем-то похожие на хаты

родного села. А когда за дачным поселком зазеленел густой лес, Василь почувствовал себя почти как дома. Коля же вообще ликовал. Выскочив из машины, он собирал ягоды, беспричинно смеялся, радовался каждому цветку и восклицал.

— Лес! Настоящий лес!

Но чем дальше мальчик уходил в лес, тем больше Василь «уходил» из Коли и становился самим собой. Коля ошибается, думал он, лес не настоящий. А какой? Искусственный?

На мохнатом стволе дерева, шурша корой и выискивая насекомых, вертелся поползень и зигзагами поднимался к вершине, где стучал его собрат по очистке леса — трудяга дятел. Василь пощупал листья светившейся под солнцем березки, потрогал и понюхал траву. Ничего не скажешь, все здесь настоящее. Но чего-то главного не хватало. И вдруг Василь понял, словно кто-то невидимый подсказал ему: не хватало околочечности. Нет, лес этот не враг человеку, но и не друг. Он, как вся здешняя природа, просто равнодушен к человеку: безразличен к присутствию разума. Он неразумен — вот в чем все дело! Биосфера здесь еще не стала ноосферой — Сферой Разума. И приветливые природные существа — феи, русалки, драконы — здесь жить не могут.

Сиротливо, неуютно стало Василию. Он заметался, стремясь поскорее выйти из угрюмого, равнодушного леса. Это ему удалось, но радости не принесло: Василь выскочил на окраину копящего заводского поселка. Мальчик запылился о шпалы и рельсы, над ним глухо и тревожно гудели провода высоковольтной линии. И Василию стало страшно.

— Есть места и пострашнее. Смотри.

Откуда прилетел знакомый голос? Из воздуха? Из ветра, свистевшего в проводах? Василь уже летел высоко над землей, где дышалось легко, где руками можно потрогать чистые и влажные бока облаков. Он видел города, дороги, пашни, рощицы и редкие леса — заметно запыленные, угнетенные, но все же леса. Чем ближе к густо заселенной Западной Европе, тем меньше зелени, а города почти сливались в единый сверхгород, опутанный паутиной электропередач и затянутый гарью промышленных испарений.

Но вот, кажется, Рейн. В своем веке Василь не раз видел его сверху и даже купался в его голубой прохладной воде. Мальчик чуть снизился и обнаружил, что не вода течет в знаковых берегах, а змеино извиваясь, ползет что-то пятнисто жирное, похожее на маслянисто-черную гадюку.

— Не гадюка, — вмешался в мысли мальчика голос. — Это обычная река конца двадцатого века. Вода пропиталась отходами городов и заводов — серой и азотом, ртутью и цинком. Текла в ней почти вся таблица Менделеева. Все живое в реке погибло.

Скорей отсюда! — рвался из груди Василя немой крик. — На другой материк. Может быть, там лучше? И полетел он над волнами Атлантического океана. Вот и Североамериканский континент. Василь в испуге приостановил свой полет: на берегу колыхалось исполинское облако, похожее на медузу ядовито-желтого цвета. Что это? Атомный взрыв или гигантский вулкан?

— Не взрыв и не вулкан, — услышал он в ветре голос учителя. — Таким всегда видели американские летчики город Нью-Йорк, находясь еще в ста пятидесяти милях от берега. Облако — порождение огромного города, который ежедневно выбрасывал в воздух три тысячи тонн двуокиси серы, триста тонн пыли, четыреста тонн окиси углерода, углекислого газа и других химических выделений. Все это потом оседало и снова испарялось — между городом и облаком налаживался своеобразный обмен веществ. Город окутался ядовитой сферой. Из-за отравления в нем ежегодно

умирало десять тысяч человек. Таких городов-вулканов становилось все больше. Хочешь побыть маленьким жителем одного из них?

Сначала Василь хотел отказаться, но устыдился собственной трусости и решил выдержать испытание до конца. И очутился он в утробе города-вулкана Токио, поселился в душе и теле японского школьника, будто слился с ним.

Японский мальчик спешит в школу, не обращая никакого внимания на пыль, сутолоку, визг и скрежет машин. Привык мальчик, и Василя это уже мало удивляло. Удивляло другое: чем ближе к центру, тем чаще прохожие приклеивали к лицам какие-то страшные маски. Вскоре Василь вместе со своим японским двойником начал задыхаться, от угарного чада кружилась голова. Школьник вынул из ранца такую же маску и натянул ее на лицо. «Противогаз», — догадался Василь.

Сквозь запотевшие стекла маски Василь увидел на углу полицейского — не только в противогазе, но и в какой-то защитной одежде. Она тускло блестела под солнцем, проглядывавшим сквозь закопченное небо, и была похожа на... скафандр.

Василь вздрогнул от страшной догадки: люди сделали среду своего обитания настолько чуждой и враждебной, что вынуждены скрываться от нее в космических скафандрах. Он знал, конечно, что в то время жилось трудно. Но чтобы такое?

— Это неправда! — почти вслух протестовал Василь. — Это выдумка! Этого не было!

Наверное, его одноклассники попали в похожие города, потому что голос учителя обращался ко всем:

— Увы, ребята, это было. Поднимемся и посмотрим.

Василь вырвался из тела несчастного японского мальчика и в привычной для себя одежде летел рядом с облаками. Свежий воздух холодил голые колени, а белая рубашка, щекоча спину, вздувалась и хлопала, как парус.

Но внизу все та же жуть — планета, исхлестанная железными и шоссейными дорогами, чудовищные города: окутанные вулканическим пеплом и чадом, леса, трещавшие под натиском огромных железных жуков-бульдозеров.

«Люди того времени не только привыкли, но и поступать иначе уже не могли, — рассуждал сам с собой Василь. — Но к чему все это приведет?»

«К чему приведет?» — переспросил кто-то, и Василь вздрогнул: он догадался, что это голос самой Сферы Разума. — Изволь, могу показать, чем все это могло кончиться».

Василь увидал такое, отчего по спине побежали холодные мурашки. Города разрастались, зеленые поля и леса, вечно обновлявшие атмосферу, исчезали совсем. Кислород вырабатывали кислородные фабрики. Они же поглощали промышленные отходы и чад — воздух стал чище и прозрачнее. Люди уже не прятались в скафандры, как тот японский полицейский. Они сделали хуже: превратили всю среду обитания в сплошной космический скафандр, окружив планету искусственной атмосферой, заковав ее в железо, пластик и бетон. Кругом — полчища жужжащих транспортных и обслуживающих машин, густой лес металлических конструкций. И в таком «лесу», в этих железных джунглях — ничего живого.

— Вот этого уже не было! — испуганно возразил Василь.

— Верно, не было, — согласился невидимый голос. — Но могло быть. Тот вариант развития цивилизации, который вы видели, заводил в тупик. Чем бездумнее человек «покорял» природу, тем более чуждой она становилась для него — насилие не рождает близости, не создает родства. Вместо естественной среды оби-

тания создавалась искусственная, синтетическая. Но и среда в свою очередь формировала человека, делала его похожим на себя. Синтетическая цивилизация создавала синтетического человека с его односторонним машинным мышлением, подрывала его духовную и нравственную сущность. Как тут быть? Ликвидировать техническую среду и уйти в леса? Помните свое полубезьянье существование? Нет, конечно. Цивилизации пришла пора перейти на более высокую, качественно новую ступень. В конце двадцать первого века, в условиях всеобщего братства народов, возникла мысль: перевести машинно-технологическую эволюцию в русло эволюции биологической. Ученые пришли к выводу, что биология — это высший тип технологии. В основу была положена идея о безграничных возможностях живого вещества. Давайте кое-что вспомним, полистаем страницы древних времен.

И очутился Василь в глубинах палеозойского океана. Был он сначала не то амебой, не то первичной клеткой, потом стал многоклеточной червеобразной протоплазмой. Он копошился в тепловатом иле, ползал — осваивал простейшее механическое движение. И все это в непроницаемой вековой тьме. Вдруг забрезжил свет — эволюция сотворила глаза, сложный оптический аппарат.

А на каменистой суше еще ни одного живого существа... Но прошли миллионы лет, и Василь из сумеречных вод выкарабкался на песчаную отмель, огляделся. Во влажном тумане, похожем на пар, качались гибкие травы, проросли древовидные папоротники. Василь смутно помнит, что он ползал черепахой с крепким, как броня, панцирем — еще одно изобретение природы; сотрясая землю, бегал бронтозавром и вдруг птеродактилем взлетел вверх — эволюция «придумала» перепончатые крылья. Живое вещество осваивало воздушное пространство.

Сверху он видел, как ожившая, ощущающая, но еще не мыслящая материя, приспособляясь к среде, понемногу осваивала все новые «технические идеи». Заискрились разряды у электрических скатов, летучие мыши ориентировались с помощью ультразвуковой локации, голотурии освоили реактивное движение. Наконец природа сотворила чудо, свое вершинное достижение — человеческий мозг. Материя стала думать... Василя вдруг осенило: живая природа, биосфера создала мозг не случайно и не для своего собственного истребления, а напротив...

— Верно, — подхватил учитель (или это была сама Сфера Разума?) неокрепшую мысль мальчика. — Не для истребления, а для перехода живой природы в качественно иное состояние. Биополя, ультразвуковая локация и даже чудо-мозг возникли на молекулярно-химическом, или, как мы сейчас называем, на первом биоэнергетическом уровне. Могла ли природа сама, без помощи своего мыслящего органа — человека, перейти на второй, более высокий уровень — кванто-механический, с его неисчерпаемыми возможностями? Нет, не могла, ибо природа творит только то, что возможно и полезно в ближайшем поколении, из того материала, который находится под руками. Заглядывать в далекое будущее, «проектировать» себя ей не дано. Единственная задача живого вещества — приспособиться и выжить в медленно изменяющихся условиях геологической эпохи. И природа успешно справилась с этим. Но вот в ее лоне возник человек и почти сразу взял в руки каменные орудия, потом металлические, потом многие другие. На смену медленной геологической эпохе пришла стремительная эпоха технологическая. И природа была застигнута врасплох.

Голос затихал... Вернее, слова странным образом становились собственными мыслями Василя, разворачивались в картины. Мальчик видел, как миллионами

лет каждая травинка и бабочка, каждое дерево «привыкали», приспособились к ритмично чередующимся сменам зимы и лета, ночи и дня, к вечно повторяющимся ливням и грозам. Но что могли поделать те же хрупкие бабочки и те же деревья перед внезапно возникшими топорами и бульдозерами? Живая природа словно взывала к человеку, к своему неумному дитищу — Василию казалось, он слышит ее жалобный голос, теряющийся в грохоте машин, в скрежете металла. Не торопись, просила она человека, изменяя окружающую среду медленно, миллионами лет, и я приспособлюсь к твоим потребностям познавать мир и повелевать им. Я создам гибкие и послушные тебе биополя, и они заменят заводы и электростанции. В своей микропамяти я буду хранить все, что пожелаешь: одежду и пищу, все твои знания, всю материальную и духовную культуру.

Но природа была нема. Да и человек остался бы глух, если бы и слышал ее призывы. Человек не в состоянии ждать миллионы лет. Он не мог ждать и года. Все, что он придумывал, необходимо было реализовать немедленно. Иначе топтание на месте, застой. Темпы технического прогресса возрастали. Стонущая природа сопротивлялась с трудом, залечивала свои раны. Но в конце двадцатого века существование биосферы и ее дитища — человека было поставлено под угрозу.

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не знаменитый Азорский эксперимент, о котором Василь уже кое-что слышал. А сейчас и увидел.

Под ним двадцать второй век и Азорские острова, окутанные силовыми сферами лабораторий — прозрачными, цветными, решетчатыми. В лабораториях — опытные образцы со всех континентов. Деревья и травы, связанные с ними насекомые за десять лет прошли здесь эволюцию, которая без вмешательства человека длилась бы миллионы лет, если бы вообще началась. И что особенно важно: это было естественное развитие, лишь ускоренное учеными. Сохранился даже естественный отбор: в борьбе за существование побеждал тот, кто быстрее приспособился к нуждам человечества, кто лучше впитал в себя достижения его рук и разума. В увеличенном размере Василь увидел пульсирующую живую клетку. Хрупкая и самая обыкновенная, она питалась уже не только соками земли, но и «соками» микромира, черпала из его бесконечных глубин неведомую энергию. Она, эта энергия, стала для органической ткани столь же необходимой и животельной, как солнечный свет и летние ливни. Живая клетка вмещала в себя и микромир и мегамир.

Опытные образцы шагнули из лабораторий на материки и в борьбе за существование постепенно вытесняли своих «первобытных» предшественников. Вместо прежних трав прорастали новые; годами набирали силу деревья — вроде бы те же, но в своих сокровенных глубинах совсем другие. И вот уже, как заметил Василь, начали исчезать ненужные более линии электропередачи. Биосфера, наряду с фотосинтезом и выделением кислорода, выделяла теперь и новую энергию. Леса и поля как бы дышали этой биоэнергией, способной превращаться в любой другой вид энергии и в любое вещество. Исчезли электростанции, зарастали травой угольные шахты и пашни.

Зрелище до того занимательное, что Василь удобнее уселся на облаке — он с удивлением обнаружил, что уже давно вместе с ним плывет над Землей. Мальчика радовало происходившее внизу. Если раньше кичливая техносфера с торжеством, с визгом и скрежетом наступала, раскидываясь копящими заводами и «рощами» металлических конструкций, то сейчас она съезживалась, как проколотый воздушный шар. Шоссейные и железные дороги как-то незаметно

растворялись в пахучих травах, а заводы и электростанции — в прохладных лесах. Обратное наступление шло сравнительно медленно, около ста лет, но промелькнуло перед глазами мальчика за считанные минуты. И вот... биосфера полностью проглотила техносферу!

— Проглотила? — смех учителя, уловившего мысли мальчика, раздался где-то рядом. — Сказано слишком сильно. Живая природа не проглотила, а вобрала в себя техносферу, переложила на свои плечи ее обязанности, ни в малейшей степени не утратив своей естественности, своей изначальной красоты...

— А как возникло название Сфера Разума? — спросил кто-то из учеников.

Замечтавшийся Василь вздрогнул и огляделся. Он и не заметил, как закончилось его удивительное путешествие по странам и эпохам. Сидел он уже не на облаке, а на пригорке в окружении одноклассников.

— Об этом подробно позже, — старый учитель встал и, разминаясь, начал ходить перед ребятами. — Коротко же суть такова. Еще в давние времена ученые и философы говорили, что человек из окружающей среды беспрерывно строит свое продолжение, свое «неорганическое тело» — тело цивилизации. Позднее русский ученый Вернадский техносферу, всю материальную оболочку земли, созданную трудом и разумом человека, предложил называть ноосферой — сферой разума. Мы и сейчас пользуемся этим термином, вкладывая в него новый смысл. Раньше человек естественную сферу обитания преобразовывал в искусственную, в свое «неорганическое тело», теперь же наша цивилизация стала органической, естественной. Она стала человеческой и поэтической. Если до этого людей окружали роботы — скучноватые и туповатые железные дитища техносферы, то сейчас разумная природа подарила нам...

— Аоллу! — вырвалось у Наташи Быстровой.

Ребята рассмеялись. Улыбнулся и учитель.

— Не только ее, но и многих других. Уже с первых шагов жизни они приучают нас воспринимать природу по-братски.

— А правда ли, что природные существа покинут нас, когда станем взрослыми?

— Неправда, — возразил учитель. — С некоторыми представителями Биосферы вы будете встречаться всю жизнь. Они — такая же экологическая среда, как роса на цветах или свежий ветер с полей. Я, например, люблю беседовать с моим давним другом, с мудрым лесным старцем. У вас наверняка уже есть свои любимчики. Назовите их.

— Аолла, — быстро ответила Наташа.

— Вряд ли, — засомневался учитель. — С океанидами вы провели всего два часа.

— Иван Васильевич, вы не знаете ее, — вмешался сосед Наташи. — Она об Аолле стихи пишет.

Наташа покраснела и сердито дернула за рукав мальчика, выдавшего ее тайну.

— Что ж, это интересно! Но я-то имею в виду тех, с кем вы видите почти ежедневно, кто стал частью вашей родины, ваших лугов и лесов.

— Фея Фиалка, — несмело пискнула Таня Мышкина, жившая по соседству с Василем.

Две девочки из города в один голос воскликнули:

— Купавка! Купавка!

Каких только имен не пришлось услышать во все усиливающимся веселом гвалте. Сначала Василь помалкивал. Но когда сидевший позади мальчик начал громко расхваливать какого-то своего Попрыгунчика, не выдержал. Он вскочил и, размахивая руками, старался всех перекричать:

— Кувшин! Всех лучше Кувшин!

Смех, веселые восклицания стали гаснуть, затихать, уходить в даль... В уши вкрадывались иные, чуждые

и пугающие звуки и шорохи. Я проснулся и словно шагнул... Нет, меня словно вышвырнули из школьной жизни Василя в жуткую реальность Пьера Гранье. Я подбежал к окну. В безлунной тьме металиси под ветром кусты сирени. Их шум, а также похрапывание спящих конвоиров и разбудили меня, вернули к действительности. А может, все наоборот? Это сейчас мне снится кошмарный сон, а только что начавшаяся жизнь Василя и есть единственная и подлинная реальность? И кто я в конце концов? Кто скажет? Кто разрешит сомнения? Мой собеседник как будто и сам ничего не знает.

Я сел на кровать и постарался успокоиться, привести растревоженные мысли и чувства в порядок, чтобы услышать его голос. Но собеседник молчал. Тогда я заговорил первым, заговорил — с несколько наигранным вызовом. Заговорил, конечно, не вслух, про себя:

— Эй, ты! Слышишь? Вы меня забросили в мусорную яму, в зловонную помойку. Дескать, разведай, понюхай, а потом вернись и доложи, чем пахнет. Хорошенькое дело!

В ответ — ни слова. Но я чувствовал, что мой таинственный оппонент внимательно слушает.

— Сфера Разума, — продолжал я, стараясь не упустить все ту же догадку. — Как всякий гомеостат, она стремится к равновесию. Сфера извлекает из своих информационных недр и овеществляет в ваших лугах и лесах поэтические и добрые создания. Но для равновесия ей необходимо материализовать столько же злых духов и кошмаров. Где? Разумеется, в прошлом. Я все понял! Вампиры, ведьмы, драконы и прочая нечисть — это же промышленные отходы. Вон оно что! Ваша чистенькая цивилизация на деле грязней нашей. Мы гадили у себя под ногами, засоряли среду обитания в своем веке. А вы? Засоряете и отравляете нашу и свою собственную предысторию. Это же страшно!

— Не волнуйся, — услышал я наконец-то голос моего собеседника. — Сфера Разума не так глупа и многое предусмотрела. Вот мы и хотим разведать с твоей помощью. Выяснил, где находится страна изгнанников?

— На большом острове. Это видел джинн с высоты своего многокилометрового роста. Бедный дядя Абу! Жертва вашей цивилизации. Попал в ее перемалывающие шестерни.

— Не причитай! С дядей Абу все уладится. На острове, говоришь? Это уже легче. Вероятно, острову суждено исчезнуть.

— Атлантида?

— Вздор! Легенда об Атлантиде не подтвердилась. Скорее всего, это остров в сейсмически неустойчивом Тихом океане. В результате естественного геокатаклизма он исчезает, не оставив ни малейшего следа в истории Земли.

— Допустим. А если волшебный лес, этот передатчик грязных излучений, прорастет на континенте и там устроит свалку отбросов? Что тогда? Нечистая сила расплодится по всей планете и погубит зарождающуюся историю человечества!

— Свалка! Гомеостат! Ты мыслишь категориями своего «железного» века, представляешь Сферу Разума в виде механического гомеостата, в виде сверхкибера. Наша биосфера если и гомеостат, то принципиально иной. Это живой организм, переживающий печаль и радость, это наш чуткий и мудрый друг.

— Тогда... сон?

— Наконец-то! — иронически воскликнул мой собеседник. — Соображаешь ты туго и с трудом приходишь к верным догадкам. Как и всякий живой организм, наша одухотворенная биосфера нуждается в отдыхе и сне. Не случайно в блуждающей зоне именно ночью происходят всплески, выбросы нравственно чуждой, «грязной» информации в виде образов прошлого.

Организм во сне стабилизируется, происходит самоочищение...

— Самоочищение! Это же и есть сброс промышленных отходов. Скажешь, качественно иной? Подумаешь, разница!

— Опять за свое! До чего же прямолинейно твое мышление! Но отчасти согласен с тобой. Это действительно экологический кризис. Однако для нас это не только экологическая, но и ноологическая проблема. Ноосфера, или Сфера Разума, в своих кошмарных сновидениях как бы переживает историю человечества и свою собственную, ибо она и есть живая память человечества. Вот нам и надо разобраться в сновидениях, в этих, как ты выражаешься, промышленных стоках, а потом...

— Дематериализация?

— Да. Стоит дематериализовать сны, и экологическая сторона проблемы будет решена. Выбросы будут без овеществления, в виде экологически чистых, так сказать, «бездымных» излучений. А сейчас хорошенько выпись. Завтра ночью проживешь мою юность...

— А может все-таки мою? — допытывался я. — И я окончательно вернусь в свою личность?

В ответ что-то невнятное. С трудом удалось разобрать, что наши души, наши «психические матрицы» роднит одна общая черта — легкомыслие и влюбчивость, что и скажется в пору между юностью и зрелостью.

— Чудесная пора, — я еле расслышал его мечтательный голос. — Пора смелых надежд и первой любви... Как это у Достоевского? Ночь, туман, струна звенит в тумане... Помнишь? Струна... Туман на озере... Там встретимся... Встретишься с красавицей балериной на Лебедином озере...

— Лебединое озеро! — невольно воскликнул я. — Расскажи!

Но уже не шепот в ответ, а еле различимый шелест. Кажется, он выразил пожелание, чтобы завтрашний день прошел для меня без жутких приключений, травмирующих нервную систему. Это важно для следующего сеанса. Как я догадывался, самого главного сеанса.

Ложась спать и думая о предстоящем дне, я и сам молил бога: пронеси! И бог внял моим просьбам. День прошел без кошмаров, отчасти даже весело, чему способствовал один забавный случай.

Случай с д'Артаньяном

Утром, как только утих устрашающий грохот колоколов, я с конвоирами отправился в город. Из-за гор выплывало солнце. Его диск временами скрывался за клубами дыма, извергаемого заводскими трубами. Под ногами чувствовалась легкая вибрация: в подземных лабораториях ковалось секретное оружие.

По широким улицам катались в автомобилях свободные от занятий изгнанники. По тротуарам сновали прохожие — странные типы в роскошных, шитых золотом камзолах, в древнеримских тогах, в генеральских мундирах. Нечистая сила пыжилась, чванилась, стараясь ни в чем не уступать людям.

Рядом шли три миловидные девушки в бальных платьях и с ласкающим любопытством поглядывали на меня. По тонкому аромату французских духов я догадался, что это вонючие гарпии.

«Промышленные нечистоты», — с усмешкой подумал я и отвернулся. Мое внимание привлек стоявший в задумчивости молодой человек — долговязый и худой, как Дон Кихот. Я подошел ближе. Продолговатое смуглое лицо, крчочковатый гасконский нос, выдающиеся скулы...

Это же бедняга д'Артаньян! Я много слышал о нем, но видел впервые. Как он попал в мир злых изгнанников? Я уже размышлял над этим и пришел к выводу, что здесь он по ошибке. Бывает же, что люди, ремонтируя и прибирая квартиру, вместе с ненужным хламом случайно выбрасывают и вещи добротные, ценные. Пожалуй, и Алкаш в этих «индустриальных отходах» Сферы Разума оказался не совсем заслуженно.

В отличие, скажем, от унтера Пришибеева, от д'Артаньяна здесь не ожидалось абсолютно никакой пользы. И все же Весельчак не сжег его. Оставил для потехи. Не ошибся: своим поведением мушкетер развлекал изгнанников и считался безобидным городским дурачком. Не прижился д'Артаньян в этом мире, не вписался в него, а потому и впрямь выглядел слегка свихнувшимся.

Сейчас он стоял, погруженный в невеселую думу. Потом осмотрелся на, вызывая улыбку у прохожих, забормотал: «Атос, Портос, Арамис. Где вы?»

Но чаще всего, как я слышал, д'Артаньяну мерещились личные враги: граф Рошфор и миледи. Не раз случалось, что он с подозрением смотрел на какую-нибудь миловидную женщину с длинными белокурыми локонами. Потом подходил и, гневно сжимая эфес шпаги, вопрошал:

— Леди Винтер? Миледи?

Вглядевшись и поняв свою ошибку, мушкетер отступал, снимал шляпу с длинным пером, раскланивался и утихо извинялся.

— Забавно! — смеялись прохожие.

В это утро, однако, с д'Артаньяном случилась большая неприятность. Из-за Угрюмого — ближайшего помощника Весельчака и тоже дракона.

Надменный и неприветливый, с крупным носом и тщательно закрученными усиками, дракон этот в человеческом виде и без того смахивал на извечного врага д'Артаньяна. А сегодня Угрюмый еще и оделся так, как одевались в пору кардинала Ришелье: напялил камзол, фиолетовые штаны со шнурами, нацепил шпагу.

д'Артаньян заметил его в толпе и вздрогнул. Какое-то время он кружил вокруг Угрюмого, приглядываясь, затем решил: это он, граф Рошфор! Встал перед Угрюмым, выхватил шпагу и крикнул:

— Защищайтесь, сударь!

Тот надменно вскинул голову, побагровел и, решив проучить наглеца, обнажил оружие. Мушкетер с привычной легкостью отбил неуклюжие выпады и вонзил шпагу в сердце противника. Не успев вернуться в свой изначальный вид, дракон тут же на месте издох.

д'Артаньяна поволокли к Весельчаку на расправу, а я поспешил к дяде Абу. Черти-конвоиры, как на крыльях, вынесли меня за город и опустили перед воротами виллы. Потом робкими жестами показали, что предстать перед Непобедимым не решаются, и я вошел один.

Дядя Абу жил, как калиф из сказок Шехерезады. В аллеях с веерными пальмами шелестели фонтаны, на берегу пруда среди цветущих магнолий белоснежным облаком возвышался дворец с золотыми куполами. Однако восточная роскошь не спасала дядю Абу от тяжелых дум. Он сидел на веранде в кресле-качалке с книгой на коленях, но не читал, а невидяще глядел вдаль, и в глазах его была обреченность и тоска.

— Что случилось, малыш? — дядя Абу с тревогой посмотрел на меня.

— Д'Артаньян попался! Выручать надо! — выпалил я и коротко рассказал о дуэли.

Дядя Абу подумал немного, потом вскочил с мальчишески озорной улыбкой: явно замыслил какую-то шалость.

— Идем к Весельчаку! — воскликнул он. — Брякнемся перед ним на колени.

В департаменте литературных персонажей уже знали о неслыханном поступке д'Артаньяна, и творилось там что-то невообразимое: крики, грохот, треск ломаемой мебели. Из распахнутых дверей в панике выбегали посетители.

Мы с дядей Абу вошли с некоторой опаской. В опустевшей приемной оставалась лишь секретарша. Сжавшись в кресле, она с испугом взирала на разбушевавшегося шефа. Тот бегал из кабинета в кабинет и обратно — коренастый мужчина в черном фраке и лакированных туфлях. На миг остановился, задыхаясь, сорвал теснивший его галстук, отбросил в сторону.

— Бездельник! Лоботряс! Его сжечь мало!

Весельчак так разъярился, что не смог удержаться в человеческом виде. Он развернулся в свой изначальный гигантский рост и треснул драконьей башкой об потолок. Взвыв от боли, снова съежился в человека. И только тут заметил Непобедимого. Весельчак так опешил, что забыл завершить превращение: из рукавов фрака высовывались когтистые драконьи лапы.

— Прощу, — Весельчак подобострастно согнулся и жестом пригласил в кабинет.

Опустившись в кресло, он положил чешуйчатые лапы на стол и нервно забарабанил острыми кривыми когтями. Обнаружив свою оплошность, поспешно заменил драконьи лапы на человеческие руки и жалко, заискивающе улыбнулся.

— Извините-с. Чем могу служить?

Дядя Абу с хорошо разыгранным смирением принялся уговаривать дракона отпустить д'Артаньяна. Весельчак разинул рот: сам Непобедимый в качестве робкого просителя! Быть этого не может! Да Непобедимому достаточно просто чихнуть, и от него, могучего дракона, мокрого места не останется. Первым желанием Весельчака было немедленно согласиться. Но уж очень хотелось ему похорохориться, показать, что и он, Весельчак, не последний винтик в общественном механизме.

— Нет-нет, не могу, никак не могу. Из-за него потерял ценного работника! — Все более смелея, Весельчак повышал голос: — Да его сжечь мало!

— Вы не совсем поняли меня, — вежливо сказал дядя Абу. — Он будет служить у меня дворником. Представляете, какой позор? Гордый дворянин и вдруг с метлой!

— Не со шпагой, а с метлой? — Весельчак слабо улыбнулся. — Тут что-то есть.

— И это не все, — продолжал дядя Абу. — Мушкетер привык орудовать шпагой, а не метлой. Он станет отлынивать. За спесь и нерадивость его у нас будут сечь.

— Сечь? Пороть розгами? — Весельчаку это здорово понравилось, он даже привстал. Потом повалился в кресло и захохотал. — Пороть, как нашкодившего школьника? Ха-ха-ха! Снимать штанишки и... Ха-ха-ха! Великолепно! Остроумно! Согласен!

Так к обоюдному удовольствию уладился инцидент с мушкетером. Его отпустили. Дворником на вилле он числился лишь условно. д'Артаньян все так же бродил по улицам и что-то бормотал. Нечистая сила его не обижала, а если и посмеивалась иногда, то с известной долей почтительности и страха. Все знали, что он под защитой самого Непобедимого.

День прошел настолько благополучно, что моя нагруженная страхами психика излишне смягчилась, даже различилась. Видимо, поэтому и сеанс рокировки начался не сразу. Я слышал струнные звуки арфы, видел туманы над ночным зеркалом воды и ослепительной красоты балерину... Где я? На Лебедином озере?

Ключья смутных снов дрогнули, рассеялись, и я окончательно уснул.

Лебединое озеро

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе...
Ф. И. Тютчев

И в тот же миг очнулся... Нет, не на Лебедином озере, как почему-то ожидал, а на знакомом лугу. С книгой в руках я сидел под шумным тополем-великаном... Я? Вот ведь до чего привык чужую, данную мне «напрокат» жизнь воспринимать как свою. Нет, то было, вероятно, все же другой...

Итак, любимый с детства тополь-бормотун шумел,

метив Василя, он поднял голову и наострил уши.
— Орленок, ко мне,— тихо позвал юноша своего друга. Но конь услышал, подлетел снежным вихрем и положил голову на плечо Василя.

— Вижу, что вы большие друзья,— рассмеялся пастух и махнул рукой.— Ладно уж, прогуляйтесь!

Василь вскочил на Орленка, и в тот же миг ветер свистел в его ушах, плескалась чудо-грива, прохладным белым пламенем щекотала плечи и уши. Промелькнул тополь-бормотун, потом табунок обыкновенных, «диких» — по выражению дяди Антона — лошадей.

Орленок легко взял препятствие — довольно высо-

а Василь вслушивался в несмолкаемый говор листвы с сожалением и грустью: никаких дриад и ничего таинственного он уже не ждал. Он не дошкольник и не первоклашка. Через год, закончив десятый класс, станет взрослым, пора расстаться с детским ощущением мира. Неужели навсегда?

Налетел короткий ливень, и все вдруг предстало сияющим, живым и сказочным, как прежде. Но ливень с дробным перестуком умчался... И Василь побежал навстречу вышедшему из-за тучки солнцу. Там, за рощей и двумя холмами, паслись кони, тот самый опытный табун. К счастью, сегодня дежурил знакомый пастух-ученый.

— Дядя Антон, разреши еще раз проехаться на Орленке!

Шагах в двадцати паслись кони. Среди них красавец редкой масти — белой с голубым отливом. За-

кий кустарник, доказав, что летать могут не только птицы. Но в лес вошел чутким, осторожным шагом. Минут через двадцать деревья расступились, и Василь ослепил блеск озера. Сквозь камыши юноша разглядел петушинный гребень рыжих волос, и ему стало не по себе: бедный Кувшин! Как давно Василь не навещал его!

С чувством раскаяния он подъехал и соскочил на землю. Кувшин обернулся, хмурым взглядом смерил юношу, процедил:

— Предатель.

— Ты неправ, Кувшин,— с обидой возразил Василь.— Сам понимаешь, что я не малыш и нам пора расставаться. Через год закончу школу, получу знак зрелости. В этом будет и твоя заслуга.

— Знак зрелости... Подумаешь! В прошлом году Андрей получил знак и забыл... Не приходит. Но ему

я прощаю: он стал чемпионом мира по плаванию. Моя выучка! А ты?

— Я занимаюсь конным спортом.

— Кони,— брюзжал Кувшин.— Променять меня на каких-то четвероногих. Тьфу!

Как задобрить Кувшина? Упомянуть о его новых воспитанниках? Но сделать это сначала с подковыркой...

— Ходят разговоры, что они у тебя безнадежные заморыши.

— Гнусная клевета!— вскипел Кувшин и вскочил на ноги.

— Пожалуй, слухи неверные. Я ведь почти каждый день вижу этих малышей.

— Ну и как они тебе показались?— осторожно, скосив глаза на юношу, спросил Кувшин.

— Отличные ребята! Крепкие, ловкие и отчаянной храбрости.

— Вот видишь. Моя школа!— повеселел Кувшин.

Расстались они друзьями. Но озеро Василь покидал с невеселым настроением: ушло, уплыло детство, растаяло...

Иная дружба занимала все помыслы Василя— дружба с Орленком и вообще с лошадьми, даже «дикими». Вика, как и Кувшин, относилась к этому увлечению с иронией.

— Ты сам скоро станешь копытным представителем фауны,— усмехалась она.

Но после одного чрезвычайного происшествия девушка смотрела на дружбу Василя с лошадьми уже по-другому.

А случилось вот что. Однажды пришел Василь на пастбище. Ученый-пастух так глубоко ушел в свои размышления, что не обратил на юношу внимания. Василь не стал беспокоить его. «Все равно разрешит»,— подумал он и вскочил на Орленка. Проскакал немного и почувствовал, что впервые по-настоящему слился с этим теплым, живым, почти разумным существом. Будто стали они единым организмом.

— Лети, Орленок! Вперед!— воскликнул Василь.

Конь помчался стремительнее обычного. Едва касаясь ногами земли, он стался, как белая птица на бреющем полете. Травы гнулись под ним, вихрем пронеслись кусты. И вдруг начались странные вещи: дни и ночи мелькали мгновенно, а солнце летало с востока на запад подобно метеору с раскаленным хвостом. «Уж не выскочил ли Орленок на дорогу времени?— подумал Василь.— Нет, нет! Чепуха!» Но когда конь влетел в беззвучную мглу с проплывающими мимо тенями, юноша испугался.

— Остановись, Орленок! Остановись!

Тьма расступилась, засинело небо, замелькали деревья, и у Василя отлегло от сердца. А когда Орленок с рыси перешел на шаг, успокоился совсем. Он дома, в своем времени! В такой же лесостепи, где цвели травы и синели вдали рощи.

Орленок остановился и стал пощипывать траву. Но почему-то брезгливо, встряхивая головой и фыркая. Трава и впрямь какая-то чахлая и запыленная. В чем дело?

Василь коснулся шелковистой гривы и показал на холм. Понятливый конь вынес его на вершину, и юноша замер в тревожном изумлении. На затоптанной, выжженной солнцем равнине стояли бедные хаты с посервейшей от времени соломой на крышах. Чуть дальше зеленым оазисом дремотно застыл большой сад с липовыми аллеями, ажурными беседками. На берегу пруда белел двухэтажный особняк с колоннадой.

«Неужели дворянская усадьба?— подумал Василь, и в груди его тоскливо заныло. Не паниковать!— приказал он себе и помчался прочь от села. Остановился шагах в тридцати от пыльной ухабистой дороги, по которой уныло брела, вызывая жалость у Василя, худая гнедая кобыла, запряженная в телегу. В телеге

рыжебородый мужчина, двое ребятишек в латаных рубашонках и лаптях. Один из них посмотрел в сторону Василя и закричал:

— Молодой барин! Приехал молодой барин!

— Не похож,— возразил мужчина, с удивлением глядя на всадника и невиданной красоты коня.— Может, это гость барина?

Василь поскакал подальше от дороги и с бьющимся сердцем притаился в кустарнике. По южновеликорусскому говору людей (а он знал их язык), по одежде и другим признакам юноша понял, что попал в первую половину девятнадцатого века. Да и в пространстве конь унес его не так уж далеко— в Тульскую или Орловскую губернию. Он видел эти места в хронфильмах на уроках истории и литературы. Он даже побывал в Спасском-Лутовинове— в имении знаменитого русского писателя. В Памяти Сферы Разума, конечно же, хранился этот литературный музей.

Надо немедленно возвращаться. Но опаленные солнцем поля, где звенела колосьями спелая рожь, рощи и перелески— весь этот исторический ландшафт был до того знакомым, что любопытство цепко завладело юношей. Да не эти ли места описал Тургенев в «Записках охотника»?

Орленок выбрался из кустарника, вскочил на невысокий холм. Василь окинул взглядом травянистую равнину, где полукругом изгибалась река, и у него перехватило дыхание: это же знаменитый Бежин луг!

С реки доносились звонкие голоса ребятишек. И снова Василь подумал: не с ними ли и провел писатель ночь у костра, слушая страшные рассказы о домовых, водяных и русалках? Ребята плескались в воде, окликали друг друга, и Василь узнавал знакомые по книге имена: Костя, Федя, Павлуша... Они! Невероятно!

Но тут ребята, заметив всадника, выскочили на берег, размахивая руками и крича:

— Барчук! Молодой барин!

Василь вздрогнул и, склонившись к уху Орленка, зашептал: «Назад! Лети домой!» Орленок размашистой рысью (у ребят наверняка замерли сердца от восторга) поскакал туда, где синели в знойном мареве рощи, а еще дальше виднелась збучатая стена леса. Учужал, видимо, что людей там нет.

«Умница»,— с облегчением вздохнул Василь.

Скорость нарастала. Кусты, деревья, облака— все закружилось, завертелось. В посеревшем небе огненным ветром промелькнуло солнце и погасло. И снова мгла столетий с пугающими тенями.

Но вот вернулись облака, засинело небо. Уже родное— Василь сразу почувствовал это. Перескакивая через реки и кустарники, Орленок сбавлял скорость и приближался к той точке пространства и времени, откуда начал свое странствие.

Здесь их ждали. Встревоженные ученые осмотрели Орленка и, найдя его в хорошем состоянии, успокоились. Василь встретил укоризненный взгляд дяди Антона и виновато опустил голову.

Крепко ему тогда досталось, особенно от отца. Но зато сверстники с завистью слушали его рассказы о полете сквозь столетия: Даже Вика смотрела теперь на его увлечение лошадьми с уважением.

Первый и неожиданный рейд в прошлое оказался удачным, и Василя простили. Но и наказали: «отлучили» от экспериментального табуна, запретили даже появляться вблизи. Однако некоторое время спустя дядя Антон сам пришел к юноше и смущенно сказал:

— Орленок скучает и плохо ест. Так что приходи иногда.

Орленок и в самом деле часто скидывал голову и с тоской вглядывался в холмистые дали: не идет ли?

Приходил Василь редко, иногда по целым дням не вспоминал о своем четвероногом друге. Он сделал

неожиданное открытие: Вика! Чуть сутуловатая «колючая» девочка, с такими же колючими угловатыми жестами к семнадцати годам выросла вдруг в стройную красавицу с бесшумной и плавной походкой. Чудеса, да и только! Метаморфоза произошла незаметно, не без воздействия природы и ее волшебных созданий. В последние годы Вика часто бывала на Балеарских островах и расхваливала тамошних нимф за их редкостную грацию. Не их ли выучка вызвала метаморфозу?

Осенью и Василь слетал с девушкой на Балеарские острова. Нимф он не видел, но их незримое присутствие чувствовалось в спортивном празднике, прошедшем на волнах с музыкой и очень весело.

Вернулись они, когда в родном краю догорала вечерняя заря и среди звезд голубым парусом плыла ущербная луна. Невидимое облако аэроплато подобно ночной птице бесшумно опустилось недалеко от города и растворилось в травах. Так же бесшумно и невидимо жил в лесостепи и сам город. Молодые люди шли к его окраине. Василь молчал, охваченный непонятным, сладким и тревожным волнением.

Море, океан... Почему вспоминаются эти стихи, когда рядом Вика? — гадал Василь. — Что тут общего? Прическа, похожая на пену прибоя? Нет, пожалуй, улыбка... В памяти ярко возникли смеющиеся солнечные блики, гуляющие по океанским далям. У Вики такая же странно гуляющая улыбка. Она вздрагивала на ее щеках, бродила по полноватым губам, лукаво пряталась в тени длинных ресниц. И глаза у нее глубокие и синие, как море под июньским небом.

— Что ты так смотришь на меня? — с усмешкой спросила девушка, вспомнив такой же испытующий взгляд Василя в далеком детстве. — Уж не беседовал ли опять с каким-нибудь Шопенгауэром?

— А знаешь, на кого ты похожа?

— На кого же? — Вика слегка нахмурилась: себя она не считала красавицей.

— На Аоллу, — прошептал Василь. — Помнишь Тихий океан?

Взглянув на восторженное лицо юноши, Вика поняла. Василь влюблен в нее! Это растрогало девушку, отозвалось в ее душе благодарной нежностью. К тому же, что греха таить, сравнение с красавицей океанидой польстило ей.

— Не говори чепухи, — улыбнулась Вика.

Тихо выступил из степи невидимый ранее и будто несуществующий город. В одном из его домов — двухэтажном, расположившемся под гигантской липой — жила Вика. Стены и двери его мягко освещались в ночи мерцающим крыльцом.

— Увидимся завтра, — девушка, как обычно, пожала Василю руку и пошла к крыльцу.

И вдруг... Вернувшись, Вика быстро поцеловала его и, вскочив на крыльцо, скрылась за дверью. Все произошло в неуловимый миг. Или... Или совсем не произошло. Померещилось?

Утром на первом же уроке Василь сидел рядом с Викой и ничего не мог прочитать на ее спокойном сосредоточенном лице. Так почудился ему поцелуй или нет? А если не почудился, то что он такое? Озорство? Не понять... А у Вики не спросишь. Даже если вновь — как всегда — вместе с нею идешь с занятий...

Сегодня их классный наставник, все тот же историк Плутарх, предложил ребятам для пробы войти в телепатический контакт со Сферой Разума.

— Получится ли? — Вика заметно волновалась. — Говорят, лучше всего начинать в своем любимом месте. Недалеко от нашего города растут три дуба. Давно они нравятся мне.

— Знаю. Горожане называют их Близнецами, иногда Тремя Братьями.

Василь проводил девушку до Близнецов — трех мо-

гучих дубов, росших из одного корня, а сам полетел к своей любимой роще.

— Тинка-Льдинка, — прошептал Василь. — Какая ты сегодня грустная и молчаливая.

В роще пахло осенней прелею, под сентябрьским солнцем блестели паутины и чернело в оголившихся ветвях одинокое воронье гнездо. И тишина. Лишь изредка прозвенит синица да сухо прошелестит падающий лист. Василю захотелось уйти в рощу совсем, раствориться в ней, слиться с природой. И чудо свершилось: он «растворился». Вернее, роща исчезла, погасли ее белесо светившиеся стволы, утихли редкие, лесные звуки. Юноша впервые в жизни проникнул в таинственные дали Сферы Разума, в ее необъятную Память. Так в далекие времена, догадывался Василь, люди уходили в свои громоздкие примитивные хранилища знаний — библиотеки, фонотеки, музеи.

Разверзлась тьма. Но какая-то живая, чуткая и мудрая, готовая прийти на помощь. В ней угадывался бездонный океан знаний. Как прикоснуться к этому неисчерпаемому источнику? Юноша растерялся.

— Может, сначала закрепим кое-что из истории? Память на даты у тебя всегда хрома, — услышался из мглы дружелюбный голос.

— Да, да! — с готовностью откликнулся Василь кому-то невидимому, который о нем, очевидно, многое знал.

Перед юношей ожила история, зашевелились и заpestрели видения из жизни Древнего Востока, всплывали цифры — даты событий. Они, понимал Василь, крепко впечатываются в его память. Мелькали эпохи. В уши вкрались звуки — крики, стоны, звон мечей, и перед ним развернулась под утренним солнцем картина битвы при Каннах...

Контакт со сферой Разума налаживался. Воодушевленный успехом, Василь отважился поделиться со Сферой своим тайным замыслом. Он знал: более или менее стоящие догадки уходят в общую копилку человечества — в Память Сферы Разума. Если автор гипотезы не справится, с нею сам, другие ученые подхватят ее и доведут до хорошо обоснованной теории.

Василь давно вынашивал свою ослепительную красивую гипотезу. Связана она все с теми же лошадьми. Только это уже не скакуны в прошлое — те почти готовы. По замыслу Василя, на земных лугах должны пастись и набираться сил... звездные рысаки! Они кончат с остатками «железной», небробиологической технологии в космосе. Они способны будут рвать пространство и мчаться быстрее света.

Чуткая Сфера Разума уловила смутные, неокрепшие мысли юноши и создала нужный фон. Вдали звездными спиралями раскинулась родная галактика — Млечный Путь. На окраине Галактики, там, где находится Солнечная система, из пахучих трав планеты Земля выскочил в открытый космос красивый конь с всадником. «Верно!» — обрадовался Василь, удивляясь, как точно реализуются, обретают зримый вид его затаенные мечты.

Конь оглянулся и замер, прислушиваясь к голосам бесчисленных миров. Потом сорвался с места и поскокал по лугам Млечного Пути, перепрыгивая через овраги черных дыр и реки туманностей. Наконец он миновал последние рощи звездных скоплений и вырвался за пределы своей галактики. До соседних — миллиарды световых лет. С невыслышимой скоростью мчится межгалактический рысак по вечной крыше мироздания, по необозримой космической степи.

— Любопытно, — услышался одобрителный голос. — Очень поэтично и дерзко! А математическое обоснование? Хотя бы приблизительное?

Без такого обоснования, понимал Василь, гипотеза — пустая фантазия. Но у него уже готовы свои математические выкладки. В глубине души, правда, таи-

лось ощущение их наивности и незрелости. Ну а вдруг он не ошибся?.. Торопясь и волнуясь, Василь на черном бархате космоса светящимися формулами представил свои доказательства.

Сфера долго молчала. Видимо, шевелила своими таинственными «извилинами», сравнивала, анализировала. У юноши затеплилась надежда... Но ответ пришел сокрушительный:

— Вздор! Чепуха!

Василь обиделся. Сфера могла бы выразиться и поделкатнее...

— Она еще не такое может сказать, — посмеиваясь, утешала его вечером Вика. — Многие десятиклассники так и рвутся обессмертить себя, встать рядом с Ньютоном и Пушкиным. Особенно начинающие поэты. Один из них, мой сосед, так надоел Сфере своими незрелыми виршами, что она попросила его не засорять больше Память человечества всяким мусором.

Похожий случай, как выяснилось, произошел и с их одноклассницей. На следующий день ребята делились впечатлениями о своем приобщении к коллективному разуму человечества. Вдруг встала Наташа Быстрова и заявила, что Сфера Разума несерьезна и несправедлива.

— Она отклонила мои стихи об Аолле и Тихом океане.

— Прочитаешь их нам? — предложил классный наставник Плутарх.

Наташа смущенно отказывалась, потом все же прочитала. Иван Васильевич и ребята внимательно выслушали, а затем, обсудив, пришли к единому мнению, что стихи еще слабы и что Сфера Разума поступила справедливо.

— Так что не обижайтесь на Сферу, — улыбнулся классный наставник. — Она, словно живое и мыслящее существо, своенравна и обладает чувством юмора. Да и вы не созрели еще для полного творческого контакта. Чтобы не утонуть в ее Памяти, в этом волнуящемся океане знаний, надо научиться хорошо плавать — набраться опыта, овладеть высотами культуры. А пока довольствуйтесь ее внешней стороной. Разве этого мало?

Ребята согласились, что немало, ибо «внешняя сторона» Сферы Разума — это шумные дубравы и цветущие поля, тихие зори и гулкие, веселые громы. А незримая часть Сферы, ее «душа», то и дело напоминала о себе явлением в виде стихийных существ.

Правда, в жизни десятиклассников они уже не занимали такого места, как в детстве. Ребята вступали в заботы и дела взрослых. Особенно это коснулось Василя. Как и другие ребята, он уже знал, что ученые нащупали место скопления злых образов, выбрасываемых Памятью через блуждающие зоны в доисторическое время. Знал, что закончились провалом первые попытки внедриться в это общество: обитатели таинственного мира легко засекали машины времени, тут же вылавливая разведчиков. Надежды теперь возлагались на хронорысаков — живые, они могли проникнуть туда незаметно... В середине учебного года Василя вызвали на вземную станцию и сказали:

— Откладывать разведку уже невозможно. Конечно, ты еще молод. Но сейчас только двоим можем доверить хронорысаков. Особенно рассчитываем на тебя и Орленка. Согласен?

Василь согласился, хотя понимал, что миссия разведчика опасна. Но одновременно она была и заманчива...

Начались тренировочные забеги в прошлое. Почти одновременно приступили к сложному и не совсем понятному для Василя эксперименту. К его психической личности подселили двойника — Пьера Гранье, довольного нудного типа из конца двадцатого века. Василь провел с ним несколько ночных бесед и при-

шел в смятение, когда проник в его душу — в этот жуткий вакуум, в нравственную невесомость, где почти «все позволено». Ему объяснили, что это далеко не худший, почти обыкновенный человек того времени. Кроме того, только такой субъект сможет внедриться в любое самое дурное общество, не вызывая подозрений. И Василь понемногу притерпелся к чужаку.

Однажды случилось непонятное, во время одной из бесед с двойником Василь буквально провалился в его эпоху и жил его жизнью. Всего несколько минут, но жизнью настолько реальной, что когда «вернулся» в себя, долго не мог опомниться и приставал к ученым:

— Кто я на самом деле? Кто?

Нельзя сказать, что Василь жил двойной жизнью. Это пришло потом, в стране изгнанных. А пока чужак, этот приспособленец и жуир, обитал в нем незаметно и никак не влиял на его учебу и повседневную жизнь. Юноша забывал о своей избранности, о предстоящей миссии, особенно находясь рядом с Викой.

Однажды в начале мая, когда зацвели поля, Василь провожал девушку домой. Голова у него кружилась — то ли от травяной волыницы, то ли от Викиных волос, пахнущих почему-то ландышами. С новой силой мучал вопрос: что значил тот, еще прошлогодний, осенний поцелуй? Или он просто почувдился? Подошли к границе пока еще невидимого города, остановились под кроной трех могучих дубов — тех самых Близнецов. Василь сказал:

— Когда стемнеет, приходи к Близнецам. Я поведаю о своей великой тайне.

Вика посмотрела на юношу, улыбнулась и ушла, ничего не сказав.

Еще солнце не скрылось, еще только накалялся закат, а Василь уже ходил около Близнецов и ругал себя последними словами. Болван! Хвастливое ничтожество! Разве он имеет право разглашать тайну! Об экспедиции в прошлое пока никто не должен знать.

Прошло часа полтора. Давно закатилось солнце, погасли облака. На западе последними угольками доглевала заря. Выступили звезды, по степи поползли фиолетовые тени и ночные запахи. Наконец из-за холмов выкатилась луна, запыхала голубым шаром и посеребрила недвижные листья Близнецов и ставшиеся в низинах нити тумана.

А Вики нет и нет. Василь хотел уже уходить, как вдруг из мглы и призрачных завитков тумана возникла... ночная фея! Быть этого не может! Волшебницы лунных ночей приходят, и то очень редко, только к знаменитым поэтам. А он тут при чем?

И все же это она! Василь как зачарованный смотрел на приближающуюся ночную незнакомку. Шла она легко и бесшумно, словно не касаясь земли. Дымились под луной ее светлые волосы, на полноватых губах дрогнула... знакомая улыбка. Вика!

— А я тебя принял за ночную фею, — смущенно проговорил Василь.

— То Аолла, то ночная фея. Да что с тобой творится? — спросила Вика строгим голосом, но в глазах ее плясали веселые огоньки. — Я сгораю от нетерпения. Поведай о своей великой тайне. Удиви.

— А знаешь что... — с бьющимся сердцем прошептал Василь. — Я люблю тебя.

— Подумаешь, нашел чем удивить. Я это давно знаю.

Вика так искусно состроила скучающую и досадливую гримасу, что Василь сразу сник, в груди его разлился тоскливый холодок. Насладившись огорченным видом юноши, Вика рассмеялась и нежно коснулась губами его щеки.

— Вика! Великая притворщица! — счастливо воскликнул Василь и поцеловал девушку в губы — свежие и алые...

Шелест, похожий на смех, заставил молодых людей взглянуть вверх — в мглистую глубину ветвей, пронизанную редкими паутинками света. Шевельнулись листья, мелькнуло девичье лицо и скрылось. И снова смех, напоминающий журчание ручейка. Незнакомка раздвинула ветки, и молодые люди увидели лесную деву — серебряный дух, сотканный из лунного сияния и колышущихся теней.

— Дриада, — восторженно прошептала Вика. — Покровительница нашей любви.

Дриада спустилась на нижнюю ветку и, подобрав дымчатое зеленое платье, села. Губы ее лукаво изогнулись, послышался хохоток и внятный голос:

— Влюбились! Надо же... Прямо под крышей моего дома. Даже завидно.

Смех лесной девы смешался с шорохом листьев, а сама она рассеялась в лунных бликах, растаяла, как след дыхания на зеркале.

Следующим вечером, едва отпылал закат и выступили первые звезды, Василь и Вика пришли к Близнецам «на свидание с дриадой». Хмельные от счастья, шептались друг другу влюбленные слова, целовались и поспрашивали вверх. Дриада не приходила. Лишь в шелесте листьев временами словно слышался ее журчащий смех.

— Все равно теперь она всегда с нами. И мы с тобой будем вместе, — сказал Василь.

— Как же ты будешь меня терпеть? Я ведь крапива.

— Ничего, привыкну, — благодушно ответил Василь. — Мне твои колкости начинают даже нравиться.

— Вижу, — рассмеялась Вика. — Ты по ним просто тоскуешь.

— Хочу, чтобы родители после окончания школы объявили о нашей помолвке. Слышишь?

— А не рано ли говорить об этом? Я ведь знаю твое легкомыслие, — Вика с грустью посмотрела на юношу и, увидев его обиженное лицо, поспешила добавить: — Хорошо. Я согласна на помолвку. Мне нравится, что возродили этот старинный обычай.

Однако вместо помолвки дня через три их поджидала неожиданная и серьезная размолвка. В тот день еще до начала занятий Саша Федин, их классный заводила, предложил:

— Сегодня вечером сходим на Лебединое озеро.

— А повезет ли? — засомневались ребята.

Редким счастливым удавалось застать озеро в тот момент, когда оно раскрывало свои волшебные свойства. Совсем недавно водоем этот считался довольно заурядным и назывался просто Лесным. Но вот лет пять назад распространились слухи, будто на озере завелись или откуда-то прилетели необыкновенные русалки — лебеди, обладающие редкой музыкальностью и пластикой. Танцуют они якобы чаще всего весной, когда расцветают водяные лилии. Слухи все больше подтверждались. А в прошлом году семь выпускников школы вернулись оттуда потрясенные: они видели сцены из старинных балетов, исполненные с завораживающей грацией. Особенно полюбился русалкам балет Чайковского «Лебединое озеро». С тех пор волшебный водоем и получил новое название — Лебединое озеро.

Солнце приблизилось к горизонту, когда ребята вышли из города и миновали Трех Братьев. До озера недалеко, но и до темноты далеко. Поэтому решили идти пешком. Наташа Быстрова, страстная почитательница океанид и русалок, молитвенно сложила руки и шептала, как заклинание:

— Только бы нам повезло. Только бы повезло!

Ребята рассмеялись и заговорили о древних при-

метах и суевериях. Посерьезнев, стали строить планы на будущее, гадать: чем-то встретит их выпускной бал-экзамен? Он всегда тайл в себе много интригующего и неожиданного.

Незаметно увял закат, выступили звезды. Полная луна то прятала свой лик в белесых облаках, то снова выплывала. Извилистыми тропками потекли в низинах ночные туманы. Все замолкли, прислушиваясь к степной тишине. Перепел, притаившийся неподалеку, вдруг громко прокричал:

— Спать-пора! Спать-пора!

— Ты спи, а нам некогда, — возразил Саша Федин. Вошли в лес. Старались идти бесшумно, чтобы не вспугнуть русалок, если те сегодня вообще пожелают явиться. Скоро деревья расступились, сквозь прибрежный ивняк блеснуло зеркало воды.

— Лебединое озеро, — прошептала кто-то.

— Тише, — Вика предостерегающе подняла палец. — Слышите? Вальс Шопена в исполнении симфонического оркестра.

«Оркестром» было само озеро: звуки, казалось, поднимались из его глубин, стекали с берегов и свивались в нежную мелодию.

Ребята раздвинули посеребренные лунной ветви ивняка и ступили на широкую песчаную отмель. Метрах в двадцати от берега в белых платьях под звуки вальса кружились русалки. Но тут заключительные аккорды угасли, наступила тишина. Стройный ряд танцовщиц нарушился. Они сошлись и о чем-то заговорили. Одна из русалок взглянула на берег и воскликнула:

— К нам гости пришли!

Русалки, а их было десятка три, шумной толпой высыпали на берег.

— Опоздали, милые, — смеялись они. — Мы уже домой собрались.

— А что вы танцевали? — спросил Саша Федин.

— Есть старинная балетная сюита «Шопениана». Слышали о такой?

Саша сказал, что не только слышали, но и видели в исполнении земных балерин. Он попросил русалок повторить танец. Но те заупрямились, говорили, что устали и что им пора домой. Саша, зная капризный нрав русалок, обратился к Наташе Быстровой:

— Попробуй уломать их. Ты их лучше знаешь.

Наташа встала перед русалками, молитвенно сложила руки. Вид у нее был таким просящим, что одна из русалок сжалась:

— А что, девушки, пусть решит наша королева!

Русалки расступились и слегка подтолкнули вперед свою слишком скромную, державшуюся позади повелительницу.

— Королева! — слышались взволнованные возгласы ребят. — Смотрите: в самом деле королева!

Василь стоял как оглушенный: красота «королевы» поразила его, как молния...

«Да что это со мной?» — на миг опомнился Василь. Он знал, что феи и русалки иногда прикидываются земными девушками, чтобы вскружить головы слишком легкомысленным и влюбленным юношам, подшутить над ними. А потом эти юноши становятся посмешищем... Но влюбиться, заведомо зная, что перед тобой русалка, это уж совсем позор.

«Надо взять себя в руки, — твердил себе Василь. — Только бы Вика ни о чем не догадалась».

— Смотри, не влюбись в русалку, — слышался за спиной ее насмешливый голос.

«Догадалась», — вздрогнул Василь и, обернувшись назад, сердито бросил:

— Уж как-нибудь постараюсь.

Королева русалок улыбнулась, поняв, что стала причиной легкой ссоры молодых людей, по-видимому влюбленных друг в друга, и сказала:

— Пусть будет так, как пожелает этот юноша.

— Ты что молчишь? — возмущались ребята. — Прости. Становись на колени.

Василь справился с волнением и попросил: повторить «Шопениану».

Русалки во главе со своей повелительницей направились к озеру, оставляя на песке заметные следы. Но на воду волшебницы ступили с легкостью пушинок. Под их туфельками озерная гладь лишь чуть-чуть вздрагивала, расходясь еле приметными кругами.

Из невидимой дали, из какого-то невыразимо прекрасного мира просочились нежные звуки. Они полились в чаще озера, плескались. Рассыпчатое эхо, отражавшееся от холмистых берегов, придавало музыке объемность и глубину. А сами русалки казались зримым выражением музыки — настолько чутко каждый их шаг, каждый пируэт отзывался на мелодию и ритмы вальса. Но чаще чудилось обратное: сами звуки соскальзывали с их пальцев, возникали из плавных движений чудо-балерин. Это было идеальное слияние музыки и пластики.

«Шопениана» длилась минут двадцать, но пролетела для юношей и девушек как один миг. Польщенные аплодисментами, русалки раскланялись, причем подола их кисейных платьев таяли в нитях тумана, ползущих над водой. Вот-вот и сами русалки растают в зеркальной глади озера, исчезнут, «уйдут домой».

Но нет, они и сегодня не могли обойтись без своего любимого балета — зазвучал вальс из «Лебединого озера» Чайковского. Снова русалки закружились, упиваясь своей легкостью и грацией. И вдруг... Юноши и девушки не верили глазам своим. Русалки вдруг взмахнули полами своих белых платьев, как крыльями, и взлетели!

В небе уже не русалки, а лебеди. Махая крыльями в ритм вальса, белые птицы-балерины летели в ночную высь, туда, где серебрилась вечно струящаяся река Млечного Пути. Все выше и все меньше становились птицы... Еще миг, и угасла музыка, а сами лебедь-русалки затерялись среди звезд, рассеялись в тиши мироздания.

— Это неправда! — воскликнула Наташа Быстрова. — Это сон. Нам снится сказка!

— А это тоже снится? — возразил Саша Федин, показывая на русалку, одиноко идущую по воде.

К изумлению ребят, королева русалок не улетела вместе со своими подругами. Она вышла на берег, чуть прихрамывая и морщась: балетные башмачки, видимо, были ей тесны. Наклонилась, сняла их и отбросила в сторону. Не долетев до травы, башмачки исчезли — ушли в Память. На смену им выступили мягкие и удобные туфли.

— Вот это да! — удивилась Вика. — У нее были антибашмачки. Поэтому и ходила по воде вместе с русалками. И никакая это не русалка, а такая же, как мы. Она разыграла нас!

«Я это знал! Я это предчувствовал!» — мысленно воскликнул Василь, хотя в глубине души признался себе, что ничего такого он не предполагал.

Юноши и девушки окружили «королеву». Смеясь, называли ее обманщицей, спрашивали, кто она и откуда. А та молча и стеснительно улыбалась. Лишь по пути, когда вышли из леса в лунные степные просторы, разговорилась. Живет она и заканчивает десятый класс на одном из массивных спутников Сатурна — Титане.

— У нас такие же леса, луга и реки. Но нашей природе, к сожалению, далеко до Сферы Разума. И нет у нас ни эльфов, ни фей, ни русалок. А я так хочу стать балериной.

— Балетному искусству можно учиться и в студии, — возразил кто-то.

— Можно. Но ваши русалки и феи — это сама стихия танца. Недавно я открыла Лебединое озеро с его

изумительной акустикой. Музыкальное озеро! А его русалки — просто волшебницы. Я подружилась с ними и сегодня старалась ни в чем не уступать им. Удалось мне это?

«Еще как!» — хотел сказать Василь, но от волнения не мог вымолвить ни слова. На секунду очнулся: «Да что это такое со мной?» Но лишь на секунду. Он плелся сзади всех. Шел словно отуманенный и не мог толком вникнуть, о чем говорили ребята со своей новой знакомой. Кажется, даже о нем с Викой, о их предстоящей помолвке. Балерина обернулась и с любопытством взглянула на юношу. И словно обожгла своими большими, поразившими Василя глазами. Какими? Не разглядел...

Когда подошли к границе города и остановились около спящих Блинецов, кто-то вздохнул:

— Пора по домам.

— Я еще не освоилась с вашей местностью, — оглянувшись по сторонам, сказала балерина. — Где-то здесь станция миг-перехода, этакая симпатичная часо-венка. Но где она? Кто покажет?

— Я! — отозвался Василь. — Я провожу!

Наступила неловкая тишина. Лишь одна из одно-классниц Василя, коротко рассмеявшись, прошептала:

— Вот вам и помолвка!

Сереза Розов с обидной усмешкой окинул взглядом Василя и что-то пробормotal. Потом подошел к Вике, потерянно стоявшей поодаль.

— Идем, Вика. Нам по пути.

Стараясь не глядеть на Василя, юноши и девушки зашли к рябине, где начиналось раздвоение пространства, и ушли, став невидимыми в невидимом городе.

«Ну и пусть», — подумал Василь, оставшись наедине с девушкой с планеты Титан. Опустив голову, она носком туфельки шевелила траву. Длинное кисейное платье ее при этом колыхалось. На нем вспыхивали голубые лунные искры, подсвечивали снизу лицо и гасли в густых ресницах.

— Как нехорошо получилось, — прошептала девушка и подняла голову.

Глаза ее распахнулись, и Василь смешался: не глаза, а бездонные синие озера, окруженные черными камышами ресниц.

— Ну и пусть! — опомнившись, довольно бодро заявил Василь. — Идем.

Под обширной кроной Блинецов он остановился. Недоумевая, девушка вместе со своим спутником вглядывалась вверх, где, рассекая мглу, дымилась лучи и светились редкие пятна.

— Здесь живет дриада, — пояснил Василь.

Он надеялся увидеть девичье лицо, услышать шелест листьев и ласковый смех, одобряющий его дружбу с красавицей балериной. Но не колыхнулся ни один лунный блик, не шелохнулся ни один листик. Неподвижное, отчужденное молчание. «Подумаешь, — обиделся Василь. — Обойдемся».

Юноша и девушка вышли из тени Блинецов и словно окунулись в живой, волнуемый океан: в степи стлались, клубились светлые туманы. Платье балерины сливалось с этим мерцающим дымом. Она будто не шла, а плыла, словно лишь наполовину жила в родном для Василя мире.

— Такое впечатление, что ты совсем из другого мира, — сказал он.

— Ничего удивительного, — улыбнулась девушка. — Я ведь инопланетянка. У нас на Титане многое для вас, землян, необычно. Даже имена.

— А как зовут тебя?

— Аннабель Ли.

— Что-то от поэтической старины. Эдгар По?

— Да, у поэта-романтика встречается это имя. Но разве я похожа на его Аннабель Ли?

— Нет. И в то же время есть что-то такое...

— Хватит об этом,— с улыбкой прервала его девушка.— Лучше расскажи о своих волшебных друзьях. Вам, землянам, можно позавидовать. У нас природа такая же, как у вас. Но, к сожалению, еще первобытная, не одухотворенная.

Василь посочувствовал ей и стал рассказывать о спутниках своего детства — фее весенних лугов, Кувшине, снегурочке.

Остановились они на высоком холме, заросшем сиренью. В ее кустах искрами мелькали светлячки и струился тихий свет. Часовенка-станция, расположенная в низине под холмом, утонула в густом тумане, и лишь купол ее сверкал под луной.

вдали на волнах какой-то яхтсмен отчаянно пытался сладить с хлопающим парусом. Самое заурядное озеро. Уж не мираж ли вчерашний вечер? Может, и никакой размолвки с Викой не было? А сказочные лебеди-русалки и их «королева» — всего лишь красивый сон?

Но нет, вчерашнее не было сном. Василь убедился в этом, как только вошел в класс. На его приветствия девушки молча отворачивались. Ребята, правда, здоровались и даже пожимали руку, но при этом как-то загадочно и обидно подмигивали. Вика казалась еще более оживленной и смешливой, чем всегда. За ее беззаботным смехом угадывалось, однако, что-то другое, глубоко запрятанное. Ревность? Обида? Все спуталось в груди юноши: и раскаяние, и стыд, и пронзи-

— Дальше провожать не надо,— сказала Аннабель Ли.
— Но мы увидимся завтра? Там, на Лебедином озере?

— А это уж как Вика разрешит,— на губах девушки мелькнула странная улыбка, от которой сердце у Василя счастливо дрогнуло: она не против! Но тут же тень пробежала по ее лицу.— Ни к чему бы такие свидания.

Девушка пошла к станции и, спускаясь с холма, растаяла в тумане. «Словно, таинственный Пастух»,— подумал почему-то Василь.

— Ну и загулял,— недовольно проговорила мама, когда Василь вернулся домой.— И как только Вика допускает такое? Такая благоразумная девушка.

— Не ворчи,— заступился отец.— В его годы мы с тобой бродили и до рассвета.

Проснулся Василь, как всегда, в семь утра. До начала занятий прошелся по берегам Лебединого озера. На знакомой отмели буднично звенели детские голоса,

тельная нежность к Вике, и нестерпимое желание повиниться. Может быть, все обойдется? Обратится в шутку?

Но девушка будто и не видела Василя. Лишь после занятий, словно случайно заметив его, подошла и, насмешливо сощурив глаза, спросила:

— Поскачешь на свидание? К своей длинноногой балерине?

— Никакая она не длинноногая, обыкновенная,— с внезапно вспыхнувшей обидой проворчал Василь.— И никуда я не пойду.

Но он пошел. Сначала, правда, крепился, даже забывал обо всем, с головой уйдя в домашнее задание. Но с наступлением сумерек неодолимая сила повлекла его к чародейским берегам. Когда совсем стемнело, он надел куртку с антипоясом, взмыл в небо и полетел в лунно-звездной мгле.

Опустился на той же песчаной отмели. Тихо. Смутно шевелятся нити тумана. Они вдруг дрогнули, от-

кликаясь на упавшую сверху музыку. Оттуда, из мглесто-го неба, махая крыльями, спускаются ярко-белые лебеди-русалки. Еще крохотные в далекой выси, еле заметные...

Василь встряхнул головой, избавляясь от наваждения. То не лебеди, а трепещущие звезды. Кругом ни души. И такая тишина, что слышно, как вздыхают вдали камыши. Но лунное волшебство озера вновь захватило юношу, ожидание чуда не покидало. Казалось, лесистые берега, камышовые заливы и зеркальная водная гладь полны музыкой, как грузные тучи непролившимся дождем. Не было лишь русалок, способных вызвать к жизни накопившийся ливень звуков.

Побывал Василь и на другом берегу. Русалки так и не пришли. Вместо них возник некто, изрядно испортивший Василию романтическое настроение. В глубоком заливишке забурлила вода, и на берег, позевывая, выбрался водяной. С длинной бородой и сутулый, ничуть не похожий на Кувшина.

— Приглянулись наши красавицы русалки? — с усмешкой спросил он. Нахмурившись, проворчал: — Шел бы ты, парень, спать.

С озера Василь ушел раздосадованный. Но с наступлением следующего вечера снова отправился к заветной песчаной отмели.

Сквозь ветви ивняка блеснула лунная дорожка. Из глубины озера выплывали голоса арфы, флейты, скрипок, рояля. Звуки волнами накатывались на берега, отражались и снова наплывали. Василь узнал «Вальс цветов» из балета Чайковского «Щелкунчик». Он осторожно раздвинул ветви и ступил на берег.

Вдали, почти на середине озера, кружились в вальсе посеребренные луной спирали тумана — так удивительно выглядели русалки в своих белых платьях. Музыка внезапно затихла, и русалки стали оглядываться — почувствовали, видимо, чье-то присутствие. Решив узнать, кто наблюдает за ними, направились к берегу.

Когда волна танцовщиц подкатилась поближе, одна из них узнала Василия и рассмеялась:

— Глядите! Влюбленный пришел!

Русалки поклонились Василию с подчеркнутой учтивостью. Их платья смешались с вьющимся понизу туманом, вслед за ними рассеялись в дымке и сами русалки. Василь поморщился: в театрально красивом их уходе он уловил насмешку.

Но на водной глади осталась «королева», и сердце Василия счастливо дрогнуло: она явно обрадовалась! Аннабель Ли улыбнулась и пошла к берегу. Однако гасла улыбка, шаг замедлялся, хмурился красивый лоб. А когда она, ступив на песок, приблизилась к юноше, недовольным голосом сказала:

— Пришел все-таки. И вчера приходил?

— Приходил, — признался Василь.

— А Вика? Она ведь страдает, да и ты любишь ее. Нет, не возражай! Ты не разобрался в своих чувствах.

— Неправда, разобрался! — возразил Василь. — И потом, разве ты не рада видеть меня?

— Не знаю, — опустил голову, прошептала Аннабель Ли. Немного помолчав, взглянула на Василия, и губы ее шевельнулись в лукавой улыбке. — Хочешь, исполню что-нибудь для тебя? По моему выбору?

— Хочу.

Шагах в десяти от берега Аннабель Ли вскинула руки и, словно взмахом дирижерской палочки, вызвала таившиеся в озере звуки. Они росли и таяли, возникали в небесах и в воде. Грудь Василия стиснула невыразимая грусть. Он узнал печальную «Песнь Сольвейг» из сюиты Грига «Пер Гюнт». Но вскоре забыл о старинном композиторе: творила песню сама балерина! Легкая, как птица, она плавно скользила, кружилась, печально стелилась на лунно-зеркальной воде.

Она вся звучала, светилась музыкой, уже не одну сотню лет тревожащей души людей.

— Ты превзошла своих наставниц! — воскликнул Василь, когда в наступившей тишине девушка подошла к нему.

— Да, эта сюита мне удалась.

— Предложи ее Сфере Разума. Она примет!

— Рано об этом говорить.

Провожая девушку к той же станции-часовенке, Василь рассказал, как поделился со Сферой Разума своей гипотезой о звездных рысаках и какой уничтожающий ответ получил. Аннабель Ли рассмеялась.

— Вот видишь!

На пологом холме они остановились перед теми же кустами сирени. В них струился лунный свет, мелькали светлячки — все, как в прошлый раз.

— Я не случайно выбрала для тебя фрагмент из «Пер Гюнта», — прощаясь, сказала Аннабель Ли. — Есть над чем поразмыслить будущему великому космопроходцу, исследователю дальних миров.

— Не понимаю...

— А ты догадайся!

Девушка повернулась и, спускаясь вниз, слилась с бесесым, пронизанным лунными лучами туманом.

В глубокой задумчивости Василь отправился домой. У околицы села остановился. Окна многих хат светились, на улице слышались голоса, смех, звон гитары. Это парни и девушки, его одноклассники и односельчане: весна тревожила, пьянила юные сердца. «Ночь, туман, струна звенит в тумане», — вспомнил Василь слова русского писателя далекого девятнадцатого века. Бродившие по улице молодые люди будто и сами пришли из того же века. В руках у кого-то оказался баян, и под его протяжные переливы парни и девушки запели старинную русскую песню.

«Дети ностальгистов и сами ностальгисты», — усмехнулся Василь и, поднявшись на антипопсе, улетел подальше от села. Сегодня он не в настроении участвовать в ностальгическом шествии. Из его головы не выходила прощальная фраза Аннабель Ли: «А ты догадайся!»

Василь опустился на пригорок. Посидел, припомнив содержание драмы Ибсена «Пер Гюнт», и наконец сообразил. «Песню Сольвейг» Аннабель Ли дала понять, что Василь, мечтающий о славе волевого космопроходца, похож на героя ибсеновской драмы — безвольного и слабодушного Пер-Гюнта.

«Она права! — мысленно воскликнул Василь. — Хорош космопроходец! Но я владею чувствами, а они мной. Они носят меня, как ветер сухие листья. Но... Если я Пер Гюнт, кто же тогда Сольвейг, полюбивший этого слабовольного фантазера и затейника? Вика?»

Однако хватит думать об этом. Василь твердо решил: пора братья за ум. И в первую очередь надо избавиться от безвольного хаоса настроений, стряхнуть чары колдовского озера...

За серебрившимися холмами и темной рощей слышались отдаленные звуки свирели. Пастух! Давно его не было — пас лошадей в другом месте. Но сегодня перед рассветом он наверняка подойдет к околице села.

Не желая вспугнуть его, Василь взлетел на антипопсе и вернулся домой. Парни и девушки уже разошлись. Тишина. Где-то уютно звенел сверчок. Огни везде погасли, светилось лишь окно его хаты...

Ночные гости

Почувствовав неладное, я очнулся, сел на кровати и огляделся, ничего не соображая. Где я?.. Сквозь окно коттеджа падал лунный свет и разливался на полу голубой лужицей. Храп конвоиров в соседней

комнате окончательно вернул меня к действительности.

Что испугало меня? Встревожило так остро, преврав глубокий сеанс и мгновенно перебросив из одной реальности в другую? Я встал и осторожно подошел к окну. Кусты сирени и траву в палисаднике, словно тонким своим инеем, покрывал лунный свет. Не тот мягкий, окутанный романтической дымкой свет Лебединого озера, а мертво-холодный и пронзительный. Он четко вырисовывал каждый листик сирени, каждую травинку. В палисаднике никого, и все же угроза — я чувствовал это! — таится здесь.

— Чтостряслось? — Из неведомых глубин моих поднимался тихий, но взволнованный голос. — Ты преврал сеанс...

— Что-то нехорошее. Слово тревожный сигнал разбудил меня. Похоже на приближение нечистой силы.

— Вампир? Мистер Ванвейден?

— Нет, только не он... Вспомнил! Это сигнал дяди Абу. Он знает многие здешние тайны. Он и днем предупреждал, но я не придавал этому особого значения.

— Твое легкомыслие не кончится добром, — проворчал он. — В чем опасность?

— По улицам бродит ночной шпион и соглядатай. И знаешь кто? Гоголевский Вий. Он стал так усердно служить сатане, что у него пробудились новые способности. Когда ему поднимают веки, он может не просто видеть, но и проникать в ночные сны. О подозрительных снах он доносит. Мистер Ванвейден как раз на этом попался. Ему снилось, что он возглавил заговор против сатаны, захватил золотой трон и стал Гроссмейстером. Сейчас его пытаются в цедепе. Я доволен.

— Не злорадствуй. Ближе к делу. Как думаешь поступить?

— Сяду за стол и буду писать роман или вносить поправки в «Сатанинскую симфонию». Это не должно вызвать подозрения. Нечистой силе известна моя привычка работать по ночам.

— Похвальное усердие! — иронически воскликнул он. — Певец нечистой силы! Садись скорее за стол...

Я сел к окну, включил настольную лампу и развернул нотную запись. В слуховой памяти возникли музыкальные образы. Звучные почти до галлюцинаций, они так увлекли меня, что Вию ничего другого не вычитать, даже если бы он мог видеть не только сны, но и мысли.

За окном зашелестели крадущиеся шаги. Я не шелохнулся. И все же вздрогнул, услышав неприятный, требовательно-визгливый голос:

— Не вижу! Подымите мне веки!

Я невольно посмотрел в окно и напоролся на острые и красные, как раскаленные гвозди, глаза. Собравшись с духом, погрозил кулаком коренастому чудищу и крикнул:

— Эй ты, шпион! Не мешай работать верным слугам сатаны. Убирайся!

Ничто не дрогнуло на железной физиономии Вия. Это был добросовестный, исполнительный служака. Он спокойно перевел взгляд на соседнюю комнату, прощупал сны моих конвоиров и, не найдя в них ничего крамольного, зашагал к другому кварталу. Посидев за столом еще минуты две, я погасил лампу.

— Ушел Вий? — услышал я голос.

— И надолго. Ему потребуется немало ночей для обследования остальных кварталов... Мне жутко здесь, душно! Пожил я немного на берегах Лебединого озера — и меня снова сунули сюда, в помойную яму цивилизации, в отходы... А если помойка прорвет плотину и хлынет на цветущие поля?

— Ты прямо-таки помешан на экологической опасности. Согласен: Вий, драконы, штурмбанфюреры — нечто вроде промышленных отходов. Уверен, что Сфера Разума справится с нечистью. Чувствую, тебя

беспокоит что-то еще, что-то глубоко личное.

— Уж не замешана ли моя гадкая, вертлявая душонка...

— Поздравляю! — насмешливо перебил голос. — Ты стал самокритичен!

— Уж не замешан ли я в не очень красивой истории с Викой и Аннабель Ли? Конечно, в то время я пребывал в тебе в свернутом состоянии. Но все же какие-то психические вибрации...

— Преувеличиваешь. Во всем виноват я сам. Но согласна — Аннабель Ли красавица хоть куда. Загадка!

— Однако твое... наше увлечение красивой загадкой мудрая Биосфера не одобрила, встретила весьма иронически. Вспомни язвительного водяного на Лебедином озере или русалок, поклонившихся с откровенной насмешкой. И вспомни дриаду — покровительницу твоих встреч с Викой под листвою Близначей! Да это же сама природа столь своеобразно одобряла твою любовь к Вике. Я так понимаю.

— Правильно понимаешь. Здесь Сфера Разума почти не ошибается. Однако человек волен поступать по-своему. Выбор подруги жизни, как и выбор профессии, в конечном счете зависит от него. Сфера лишь советует... Сейчас последний сеанс, ты станешь участником выпускного бала-экзамена. Он и определит твою профессию и жизненный путь. На нем ты получишь знак зрелости и станешь викингом.

— Викингом! Древним воином-мореходом?

Мой изумленный возглас остался без ответа. Себе-седник ушел. Он прав: час ночи, пора спать.

Не успел, однако, натянуть на себя одеяло, как кусты сирени в палисаднике зашумели, громко треснула ветка. Я притаился и прислушался. Тихо. Осторожно приподнявшись, взглянул на окно и похолодел. Кто-то темный и волосатый приткнулся к стеклу и пристально всматривался в меня... Пират Эдвард Тич! Черный паук!

В ужасе я вскочил и забегал по комнате, потом зачем-то метнулся к окну... И тут произошло неожиданное: Эдвард Тич отпрянул, с отвращением замахал руками и поспешно удалился. Я с облегчением перевел дыхание и мысленно поблагодарил дядю Абу. Это он на сегодняшнюю ночь так искусно перестроил мои биотоки, что я показался Черному пауку не только невкусным, но даже противным.

Присел к окну и начал со страхом наблюдать, как «работает» мой паук. Ярко светила луна. Эдвард Тич с беспокойством оглядывался и принимался. Кругом, однако, никого. И вдруг Черный паук целеустремленно направился к другому коттеджу, расположенному чуть поодаль от моего. В нем поселился материализовавшийся недавно исторический персонаж, тоже выходец из двадцатого века. Что за тип, я не знал — не было повода познакомиться. О ночном людоеде, он, скорее всего, ничего не знал. Я присмотрелся... Так и есть! Он даже спал с раскрытыми окнами! Рука моя потянулась к видеофону: надо разбудить его, предупредить!

Но было уже поздно. Эдвард Тич перегнулся через подоконник, волосатыми ручищами сграбастал спящего и выхватил из постели... Человек проснулся, дико закричал... Выскочив на крыльцо, я видел, как паук-пират мчался через пустырь к опушке леса. Еще один сдавленный, приглушенный крик — и всё было кончено...

Случившееся произвело на меня такое гнетущее впечатление, что ни о каком сеансе, ни о каком погружении в мир Лебединого озера и душистых полей не могло быть и речи. Ночью спал плохо. Снились какие-то мохнатые чудовища. Я вскрикивал, просыпался и, в страхе поглядев в окно, снова засыпал тревожным сном.

Весь день почти не выходил из дома — трудился

над романом и симфонией. Привычная работа принесла успокоение, и к вечеру ночные визитеры забылись. Я лег спать и входил в очередной сон-сеанс на удивление легко и так тихо, как никогда. Я просто вливался в него, словно в уютную голубую лагуну. Где я очнусь? И кого увижу? Засыпая, вспомнил, что собеседник говорил что-то о викингах. Странно: при чем тут викинги?

Валькирии и викинги

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Ф. И. Тютчев

Шмель уселся на цветок ветриницы дубровной и попытался достать пыльцу. Неудача! Цветок качнулся, и грузный представитель семейства пчел сорвался. Он поднялся ввысь и, словно жалуясь, прогудел у самого уха. «Слишком ты тяжел,— улыбнулся Василь.— Попробуй еще раз!»

Шмель не мешал Василию. К тому же классный наставник Иван Васильевич, сидевший на пригорке в окружении своих подопечных, говорил о вещах отчасти уже знакомых.

— В старину выпускники сдавали экзамены на аттестат зрелости. Уровень знаний определяли учителя, а с развитием электронной техники — компьютеры. Потом выпускной бал... Сейчас то и другое сливается в один праздник, в такой выпускной бал-экзамен, какой вашим далеким предшественникам не мог и присниться. Сфера Разума уже знает особенности вашего мышления и характеры, ваши мечты и склонности. Она скажет свое слово, скажет образно и поэтично...

Шмель снизился, покружил над венчиком цветка. Но сестра не решилась, а вновь поднялся и гудел, будто спрашивал: что делать? «Не знаю, дружище,— Василь с сочувствием пожал плечами,— выпутывайся сам».

И вдруг старый учитель начал рассказывать такое, что Василь нетерпеливо отмахнулся от шмеля: уйдя! Оказывается, в свои далекие молодые годы учитель был штурманом легендарного «Витязя», и только последствия какой-то космической болезни заставили его вернуться на Землю.

— В свое время и у меня был выпускной бал,— улыбаясь и щурясь на солнце, говорил учитель.— Вот как выглядел знак зрелости, подтвердивший мою пригодность и к профессии астронавта.

На куртке учителя появилось штормовое море, из бурных пенистых волн которого вышел седобородый старец с трезубцем. Кто это? Нептун? Разглядеть мешал все тот же шмель, круживший на сей раз перед самым носом. «Вот наглёц,— сердито отмахнулся Василь. Шмель отлетел в сторону, но знак на груди учителя уже погас.

— А сам выпускной бал вы помните? — спросил кто-то.

— Отдельные эпизоды помню хорошо.

— Покажите их! Покажите! — зашумели ребята. Они знали, что Иван Васильевич умеет, не без помощи, конечно, Сферы Разума, «вкладывать» в сознание других людей отдельные картины своей прошлой жизни.

Холмистая лесостепь вдруг задернулась дымок и превратилась в синее утреннее море с пологими волнами. Из розоватого тумана тихо выплывал старинный трехмачтовый парусник. На палубе матросы, один из них — характерным прищуром глаз. «Неужели это Иван Васильевич в школьные годы?» — подумал Василь.

Белье, как снег, паруса корабля задрожали, заструились и пропали. Наступила тьма: Иван Васильевич,

видимо, плохо помнил, что было дальше. И вдруг на Василя обрушился грохот, ослепительные молнии выхватывали из тьмы исполинские, с белыми гребнями, волны. Шторм швырял корабль, как щепку. «Убрать паруса!» — послышалась команда капитана, и юные матросы с невероятной ловкостью и отвагой заскользили по палубе. Василь понимал: кто-то, быть может — сам бог морей, проверял стойкость ребят, их умение не теряться в самых трудных и неожиданных ситуациях.

Все затуманилось перед глазами, потемнело. Из мглы выступила другая картина, и Василь сквозь брызги и пену увидел палубу корабля. По ней с шипением прокатывались волны, грозившие смечь людей. «Рубить мачты!» — крикнул капитан. В тот же миг прозвучал встревоженный голос: «В трюмах вода. Все к помпам!»

И снова в памяти учителя досадный провал... Через минуту Василь увидел невысокие волны, позолоченные мирным заходящим солнцем. Шторм улегся. Тихо покачивался израненный корабль. У многих членов экипажа красовались синяки и ссадины, но лица у всех ликующие: экзамен выдержали! Как бы в подтверждение из подкатившей волны выпрыгнул на палубу седобородый морской бог, взмахнул блеснувшим на солнце трезубцем и крикнул: «Молодцы, ребята!»

Приветственные возгласы ребят, плеск волн и скрип снастей стали затихать, изображение гаснуть. Снова тишина и тьма. Но вот засинело утреннее небо, где плыли облака и где невидимый жаворонок сплетал звонкие серебристые узоры. Кругом знакомые луга, а рядом путался в цветах все тот же неугомонный ворчливый шмель.

— Какой замечательный, какой суровый морской праздник! — восторгалась Наташа Быстрова. — Нам бы такой!

— Что ж, начнем свои поиски на море, — согласился учитель.

На другой день с утра учебная лодка приземлилась и растворилась на новозеландском берегу — том самом, где начинали ребята свои школьные годы. Здесь, оказывается, уже толпились юноши и девушки — выпускники школ Австралии, Бразилии и Скандинавии. Они тоже жаждали морских приключений и с надеждой вглядывались в синие дали; вдруг засверкает парусами бригантина? Но океан был разочаровывающе пустынным и тихим, лишь у самых ног мелкие волны с легким шорохом лизали песок. Кто-то из бронзовогозоровых бразильцев предложил покинуть скучный новозеландский берег. Но в это время одна из пологих волн вздыбилась и белесо вспенела своей вершиной. Огромным валом налетела она на берег и осыпала выпускников брызгами, пахнущими морскими глубинами. Из облаков пены вышли океаниды — все, как одна, в пенисто-кружевных платьях и с коралловыми гребнями в светлых волосах.

— Аолла! — закричала Наташа Быстрова и заметалась среди океанид. — Где Аолла?

— Я здесь, подружка! — откликнулась Аолла.

Последовала сцена, которая многим показала сентиментальной. Наташа и океанская красавица обнялись и поцеловались. Аолла, любовно глядя на свою земную подружку, растроганно шептала:

— Милая. И ты все десять лет не забывала меня? Ты не ошиблась. Сегодня ты останешься у нас.

Аолла выбрала из нетерпеливой толпы еще десятка два юношей и девушек. Избранники улыбались: выпускники со знаками «Океаниды» становились обычно океанологами и биологами широкого профиля, художниками-маринистами, композиторами.

— Я хочу стать композитором! — не удержалась Вика и хотела присоединиться к счастливым.

— Да, у тебя есть способности к музыке. — Аолла

внимательно посмотрела на Вику.— Но к музыке другого профиля, и потому ждет тебя кто-то в твоих родных лесах и полях.

Раздосадованная Вика улетела домой. Аолла сочувствующим взглядом окинула других выпускников и сказала.

— Остальных тоже прошу покинуть наши места. Сейчас у нас начнется морской бал, и вам станет видно.

— Не будем завидовать,— смеялись ребята.— Найдем кое-что и получше.

И пошли они скитаться по морям и океанам, по островам и материкам в поисках своего счастья, своей доли. Интригующими были эти странствия. На Цейлоне и у берегов Африки несколько их выпускников «похитили» такие природные существа, о которых ребята только слышали.

К полудню в воздушной лодке осталось около тридцати выпускников разных школ. Лодка миновала Гибралтарский пролив, снизилась и, превратившись в древнегреческую триеру, поплыла под синим небом олимпийской мифологии. Средиземное море — Мекка выпускников!

И сразу же начались чудеса. К новоявленным Одиссеям прилетели сирены — полуптицы-полуженщины с чарующими голосами. У Гомера они своим голосом околдовывали мореходов, завлекали на свой остров и там убивали. Но эти сирены были, конечно, добрыми и на своем острове собирали выпускников, одаренных исключительными способностями к вокальному искусству. На триере они безошибочно выбрали свои «жертвы» — двух девушек, которые в чародействе голоса не уступали самим сиренам.

Потом были nereиды и бог ветров Эол со своей удивительной сладкозвучной арфой. Умели древние греки населять свой мир поэзией и красотой! Но то, что увидели ребята утром следующего дня, превзошло все ожидания.

Проснулись они еще до восхода солнца. В сереющем небе таяли звезды, из-за горизонта бледно-розовыми перьями выступали первые лучи. В этом еще робко светившемся веере лучей возникла темная точка и быстро катилась к триере. Ребята пригляделись: по шелковистой водной глади, по ее золотистой дорожке мчалась колесница, запряженная четверкой белых крылатых коней.

— Эос! — зашептались ребята.— Неужели Эос?

Да, в колеснице была Эос — богиня утренней зари с венцом лучей вокруг головы и с крыльями за плечами. Полнейшая тишина. Лишь в правой руке богини чуть слышно потрескивал пылающий факел.

Колесница остановилась около триеры, и Эос с утренне-ясной улыбкой жестом подозвала к себе двух девушек и одного юношу. Те со счастливыми лицами сели рядом с богиней. Колесница развернулась и беззвучно умчалась в разгорающийся полукруг зари, как в триумфальную арку.

— Вот уж кому повезло,— со вздохом сказал швед Нильс Ларсен, светлые волосы которого уже розовели в лучах восходящего солнца.

Все молча согласилось с ним. Выпускники с сияющими знаками «Эос» становились исследователями планет, солнца и всего звездного неба. Ведь Эос — мать всех звезд.

— А как же мы? — забеспокоились оставшиеся.— Что будет с нами?

Забеспокоились — уже около полудня. А до этого к каким только уловкам не прибегали ребята! По их желанию триера стала подводной лодкой и опустилась в глубины. Но там только рыбы и морские ежи. Лодка всплыла и развернулась в многопарусную бригантину. И опять никого! Наконец, юноши и девушки взмыли вверх и приземлились у подножия горы Олимп. От-

туда почти каждую весну в громах и молниях спускался к выпускникам Зевс. Но даже этот шумный и хвастливый бог не снизошел, не проявил участия.

— Неужели мы — те самые? Середнячки? — с горечью спросила Юнона. Не богиня Юнона, а земная девушка, член их совсем уже теперь небольшого коллектива.

Каждый год какая-то часть закончивших школу ребят оставались без желанных знаков. Сфера Разума не решалась сказать что-то определенное об этих юношах и девушках. Их способности раскрывались позже, и все находили свой жизненный путь. Но не получить после окончания школы знаков зрелости и считаться «середнячками» все же обидно. Очень обидно.

А тут еще, растравляя рану, с Тихого океана прилетела Наташа Быстрова с новехоньким знаком «Океаниды».

— У нас был грандиозный морской бал! — начала она и тут же замолкла.

По унылым лицам Василя и его спутников Наташа смекнула, в чем дело, посочувствовала и покинула подножие Олимпа. Прилетевшая вскоре Вика оказалась, увы, не столь деликатной.

— У меня знак феи,— улыбаясь, сказала она Василю.— И знаешь, где получила его? Недалеко от твоего прославленного села!

На белой блузке девушки — овал. В нем открывались и уходили вглубь такие родные весенние дали, что у Василя закружилась голова, остро защемило в груди. В знакомой степи тихо шелестели юные травы, цвели и пахли фиалки...

— Так это же тетя Зина! — догадался Василь.

— Какая еще тетя,— губы у Вики обиженно дрогнули.— Прошу не оскорблять. Это очень поэтичная фея весенних лугов, покровительница многих искусств.

Василь, посмеиваясь, поведал, что знал в детстве эту фею под именем тети Зины и что Кувшин считал ее особой никчемной, вздорной и весьма легкомысленной.

— У тебя, как вижу, и такой не будет,— отпаривала Вика.— Мне жаль тебя, посредственность.

Василь вспыхнул и отвернулся. Подобными ссорами и прежде почти всегда заканчивались их короткие встречи.

Как ни странно, кандидаты в «середнячки», испытывая взаимную симпатию, крепко сдружились и понимали друг друга с полуслова.

— Психологическая совместимость бездарей,— с горькой усмешкой сострил Нильс Ларсен.

Поседавав под не слишком веселые шутки, ребята решили попытать счастья в другом месте и приземлились в центре Европы, где сходились пути многих древних поверий и сказаний. Из роц и дубрав здесь могли прийти волхвы и кудесники славян, эльфы германцев, герои скандинавских саг.

Но кругом никого. Даже пчелы и кузнечики попрятались от зноя в сонных травах и притихли. В пустынном небе огненный глаз солнца, словно живой, насмешливо взирал с высоты на неудачников.

«Теперь все», — окончательно пав духом, подумал Василь, вслух же сказал:

— Искупаться бы. Жарко.

— За роцей есть как будто озеро,— отозвался кто-то.

Ребята нехотя, с вялым настроением вышли из рощи. Открылся просторный луг, вдаль дремало небольшое озеро с плакучими ивами на берегах. Тишина. Под гжучими лучами степь зыбилась, струилась влажными испарениями. Но вот, общая прохладу, из-за горизонта выглянула синяя туча. Тени побежали по зеленым холмам, встрепенул ветер, и вздохнули, зазвенели травы.

— Гроза. Сейчас она искупает нас,— мечтательно проговорила Таня Мышкина, одноклассница и односельчанка Василя.

Темная громада с закипающими по краям белыми хлопьями не спеша приближалась. Почти у самого горизонта, за семью бородами дождей сверкнула молния и ворчливо пророкотал далекий гром.

Юноши и девушки переглянулись: там кто-то есть! Может быть, Перун? Животворящий весенний бог древних славян?

— Это он! — уверенно заявила Юнона. — Смотрите, как красиво он шествует. Солнце, выглядывающее из-за облаков, это, по древним поверьям, его сверкающий щит, а молния — пламенное копье.

— Хорошо бы,— сказал Василь.

— Лучше, чем кичливый, изрядно надоевший Зевс,— поддержал его швед Ларсен.

Густая, иссиня-черная туча распласталась над лугами и рощами. Ветер усиливался и гнул травы, трепал верхушки деревьев. Туча шевелилась, металась, и солнечные лучи в ее разрывах будто вибрировали и пели, как скрипичные струны. Вдали фанфарными трубами громыхнул гром.

— Вагнер! Музыка Вагнера! — закричал Василь.

— Почудилось? Очнись! — замахали на него руками ребята. — Перун — и Вагнер? Чепуха!

«Ошибся я», — подумал Василь, когда ветер постепенно улегся и наступила тишина. Темные тучи еще больше разошлись, и над ними, совсем высоко, тянулись облака, верхушки которых шевелились, как рыжие гривы. Ребята окончательно поверили, что не покинуты, не забыты Сферой Разума. Из бурной весенней тучи сейчас сойдет их покровитель — древний славянский бог. Юнона даже встала на колени и, протягивая вверх руки, умоляюще зывала:

— Перун! Приди же, наконец! Не томи...

Туча тем временем спустилась, ее мгlistую волнующуюся ткань с треском рвали хлесткие молнии. Одна из них — упругая и кривая, как ятаган — сверкнула перед глазами Василя и вонзилась в землю. Хлынул синий ливень. В его косых секущих струях, похожих на струны арфы, в трубном грохоте грома Василь вновь услышал не хаос, а знакомую гармонию звуков...

— Василь прав! — воскликнула вскопчившая на ноги Юнона. — Это музыка из оперы Вагнера!

Еще яростнее засвистел ливень. Туча клубилась, рвалась с грохотом и звоном. В ее разломах и промоинах сияли столбы солнечного света. И там мчались... облака? У Василя пресеклось дыхание: там, поверх тучи, по ее холмам мчались кони с развевающимися золотыми гривами. А на конях — небесные всадницы, размахивавшие мечами-молниями.

Юноши и девушки замерли, еще не веря своему счастью. Из оцепенения вывел чей-то ликующий крик:

— Братцы! Это же валькирии!

И тут началось нечто невообразимое. Парни и девушки хохотали, вопили «Ура!», кувыркались. Потом плясали, как малые дети, тянулись руками навстречу сизым струям ливня, глядели в мгlistую тучу, в ее сияющие разрывы и кричали:

— Валькирии! Валькирии! Возьмите нас!

И облачные девы-воительницы откликнулись. Ураганный ветер с шипением прокатился по степи. Взметнувшись в нем упругие вихри подхватили ребят и унесли в небесную высь. Не успел Василь опомниться, как уже сидел на облаке. Влажное и мягкое, оно клубилось, меняло форму, и... Не облако это! Волшебный конь!

Конь мчался по туче и с треском высекал копытами гигантские искры-молнии. Впереди и по сторонам сквозь рвущиеся тучи и клочья тумана Василь видел своих товарищей на таких же чудо-рысаках. Подобно ему они лавировали в огненной паутине молний и тоже,

наверное, слышали в грозе «Полет валькирий» Вагнера.

И вот одна из небесных всадниц уже рядом. Сняв шлем, обнажила красивое лицо со смелым разлетом бровей; ее темные волосы вились на ветру и вполетались в черную тучу.

— Я знаю тебя, ты — Василь, — услышал юноша ее голос.

— Верно! удивился он. — Но откуда знаешь?

— Я самая вещь из валькирий.

— Брунгильда?! — воскликнул Василь. — Постой! Куда же ты?

Но валькирия, коснувшись рукой его куртки, умчалась в крутящуюся мглу. Василь взглянул на куртку и увидел огненный знак «Валькирии».

— Ура-а! — взликовал он.

Юноша понимал, что знак этот уже связал его с космосом. Он — разведчик дальних миров!.. Василь скакал по туче, как по крыше мироздания, и в буре, в раскатах грома слышал грохот миров и звездных потоков, зовущий гул планет и пугающий рев черных дыр.

Это было братание с грозными стихиями вселенной. И был опалаяющий восторг, была захватывающая душу удаля...

А волшебный конь парил в небесах, временами спускался ниже туч, вновь взмывал ввысь и снова снижался. Вдруг он коснулся копытами трав, вихрем пролетел по степи и растаял.

Василь обнаружил, что стоит он уже на холме рядом со своими товарищами. Вместе с ними вглядывается в kloкочущую черную мглу, освещенную взмахами молний, зовет небесных спутниц:

— Валькирии! Валькирии!

Но все было напрасно. Уже очистилось полнеба, и дождевые ручьи, засверкав на солнце, с шумом сбегали с холма. А туча, погромыхая и вздрагивая огненными всполохами, уходила все дальше и дальше.

Неужели вместе с нею уходит самая сказочная пора жизни и останется всего лишь вот этот знак зрелости на груди? Но знак удивительный: в овале — живое грозное небо и упругая молния, извивы и изломы которой складывались в слово «Валькирии».

Чувствуя себя покинутыми, юноши и девушки с затуманенными грустью глазами провожали тучу и махали руками:

— Прощайте, валькирии! Прощайте!

— Ребята! — воскликнул вдруг Нильс Ларсен и показал на девушек. — Нам нечего грустить. Валькирии не ушли и всегда будут с нами. Вот же они!

«При чем тут они?» — Василь пожал плечами, взглянув на своих спутниц. Разные здесь были девушки: рослая гречанка Юнона и невысокая хрупкая кубинка Тереза, смуглая итальянка Сильвия и белокурая, никогда не загорающая Таня Мышкина. Ее присутствие здесь привело Василя в изумление: Сфера Разума явно допустила грубый промах! Застенчивая и нешумная в играх Таня Мышкина, которую он с детства привык называть Тихой Мышкой, и вдруг в славной дружине покорителей космоса? Нелепость!

Василь вглядывался в девушек более внимательно и вдруг у всех, в том числе и у Тани Мышкиной, обнаружил нечто общее, что роднило их с промелькнувшими в грозном небе девами-воительницами. Все они отличались какой-то особой статью, в глазах их светились смелый ум и отвага...

— А ведь верно! — воскликнул Василь. — Это наши амазонки! Валькирии космоса!

Девушки смеялись и, желая в свою очередь польстить юношам, называли их викингами звездных морей,

Окончание следует

**НОВИНКИ
ФАНТАСТИКИ:
1989-1990**

«Куда пропала ваша давняя рубрика — библиографические обзоры новинок фантастики?» — не слишком часто, однако ж нет-нет да и встречаем мы в читательских письмах. Да, действительно: в последний раз мы дали такой обзор еще в июне 1989 года, рассчитывая продолжить его в ближайшем же номере. Но!.. Поначалу — упорно не выкраивалось места на страницах «Аэлиты» (и материал безбожно устаревал постепенно), а затем подоспел издательский бум вокруг фантастики, заставший, в общем-то, врасплох не только нас, но, вероятно, и библиографов-профессионалов. Участники последней викторины, полагаем, на себе испытали, сколь ныне непросто составить более-менее приличный список новинок НФ... К слову сказать, подгоняемые ответами викторины-91, мы и решились возродить наконец эти традиционные обзоры. Заметим, что, как и предыдущие наши списки, нынешний тоже не является не только исчерпывающим, но даже и максимально полным, — тем более, что он прерван буквально на половине: слишком велик оказался его объем.

Разумеется, мы искренне признательны за помощь, какую оказали нам библиографы В. Окулова (Иваново), А. Дороднова (Ульяновск), И. Матвеевской (с. Петровское Московской обл.) и других участников викторины: полностью всю продукцию, издаваемую на местах (да и в столице!), не отражает в наши дни даже и «Книжное обозрение» — первостепенной важности источник сведений для всех нас.

При описании выходных данных мы, в целях экономии места, используем — помимо обычных сокращений — ряд аббревиатур в названиях издателей (МГ — «Молодая гвардия», СП — «Советский писатель», ДЛ, ХЛ, ЮЛ — «Детская литература», «Художественная...», «Юридическая...» и т. д.) и продолжающихся серий (БНФ — «Б-ка приключений и научной фантастики», БСФ — «Б-ка советской фантастики», БФ и БРФ — подписные «Б-ка фантастики» в 24-х томах и «Б-ка русской фантастики» в 20-ти; ЗФ — «Зарубежная фантастика», МП — «Мир приключений», ПФ и ПФПут — «Приключения, фантастика» и то же с «путешествиями», РФ — «Румбы фантастики», ШЕ — «Школа Ефремова»). Если книга выпущена по положению об изданиях за счет средств автора (переводчика, спонсора) — это обстоятельство отмечено тем, что в конце выходных данных поставлено (А).

К сведению книголюбов: рассылкой книг мы не занимаемся, их в нашем распоряжении нет.

Рафаэль АБОЯН. ПРИШЕЛЬЦЫ В КОСМОСЕ. Роман; Олег БОБРОВ. ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. Повесть. Тбилиси: Мериани, 1989. 215 с. (Ф-ка). 5 т. э. (А)

Сергей АБРАМОВ. КАК ХОРОШО БЫТЬ ГЕНЕРАЛОМ. Повести. М.: СП, 1989. 297 с. 30 т. э.; НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЯ. Повести. М.: МГ, 1990. 366 с. (БСФ). 100 т. э.; СТЕНА. Фант. повести. М.: ДЛ, 1990. 400 с. 100 т. э.

Григорий АДАМОВ. ПОБЕДИТЕЛИ НЕДР. Роман, рассказы. М.: Правда, 1989. 414 с. (МП). 500 т. э.

Василий АКСЕНОВ. ОСТРОВ КРЫМ. Роман. М.: Огонек, Сов.-брит. ТА «Вариант», 1990. 289 с. 200 т. э.

Владлен АЛЕКСЕЕВ. ТЕРСИНЦЕВ. Докум.-мистич. роман. М.: СП, 1990. 374 с. 5 т. э. (А)

Геннадий АЛЕКСЕЕВ. ЗЕЛЕННЫЕ БЕРЕГА. Роман. Л.: СП, 1990. 335 с. 30 т. э.

Юрий АЛЕКСЕЕВ. АЛИСА В СТРАНЕ СОВЕТОВ. Повесть. М.: О-во «Истоки», 1990. 197 с. 30 т. э.

Павел АМНУЭЛЬ. ПРИГОВОРЕННЫЕ К ВЫСШЕЙ МЕРЕ. Фант. рассказ. Баку: Маариф, 1990. 32 с. 100 т. э.

Валерий АНИСИМОВ, Игорь ВОЛК. КОСМИЧЕСКИЙ «КОЛПАК». Детектив. М.: Лесная пром., 1990. 15 т. э. Ч. 1. 61 с., ч. 2. 63 с. (А)

АНТИУТОПИИ XX ВЕКА. Сб. Сост. В. Бабенко. М.: Кн. палата, 1989. 350 с. 200 т. э.

Михаил АНЧАРОВ. КАК ПТИЦА ГАРУДА. Роман. М.: СП, 1989. 320 с. 30 т. э.

Лев АСКЕРОВ. ЧЕЛОВЕК С ТОГО СВЕТА. НФ роман. Баку: Азернешр, 1990. 278 с. 100 т. э.

Анатолий АФАНАСЬЕВ. ПОСЛЕДНИЙ ВОИН. Роман. М.: ХЛ, 1989. 367 с. 100 т. э.; ТЕ, КТО РЯДОМ. Повесть с чудесами. М.: ДЛ, 1990. 191 с. 100 т. э.

Виталий БАБЕНКО. ДО СЛЕДУЮЩЕГО РАЗА. Повести и рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990. 288 с. 30 т. э.

Павел БАГРЯК. «ФИРМА ПРИКЛЮЧЕНИЙ». Фант. детектив. М.: МГ, 1989. 319 с. (БСФ). 100 т. э.

Абдумалик БАХОРИ. СУНБУЛА. Фант. повести. Пер. с тадж. Душанбе: Адиб, 1990. 256 с. 21 т. э.

Александр БАЧИЛО, Игорь ТКАЧЕНКО. ДВА ПУТЕШЕСТВИЯ С КОМПЬЮТЕРОМ. Повести. М.: МГ, 1990. 271 с. 100 т. э.; ПЛЕННИКИ ЧЕРНОГО МЕТЕОРИТА. Фант. повесть. Новосибирск: Кн. изд-во, 1990. 143 с. 15 т. э.

Игорь БИРЮЗОВ. ЗЕВСЯНИН. Фант. детектив. Л.: Журн. «Ленингр. панорама», 1990. 73 с. 5 т. э. (А)

БЕЛАЯ ДОРОГА. Фант. повести и рассказы. Сост. В. Мататовский. М.: МГ, 1990. 319 с. (ШЕ). 150 т. э.

Александр БОЛЬНЫХ. ЖИЛ-БЫЛ ВОР. Фант. повесть. Свердловск: РИО Упр. полиграфиздата, 1989. 104 с. 5600 э. (А); ЗОЛОТЫЕ КРЫЛЬЯ ДРАКОНА. Волшебная повесть. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд.-во, 1990. 222 с. 100 т. э.; КАЛЕЙДОСКОП МИРОВО. Фант. повести. Свердловск: Лига, 1990. 156 с. 10 т. э.

Александр БОРОДЫНЯ. КОНСТРУКЦИИ. Повести. М.: Моск. рабочий, 1990. 237 с. 15 т. э.

Юрий БРАЙДЕР, Николай ЧАДОВИЧ. ПОСЕЛОК НА КРАЮ ГАЛАКТИКИ. Повести, рассказы. Минск: Юнацтва, 1989. 223 с. (БПФ). 25 т. э.

Кир БУЛЫЧЕВ. ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИКРОБ. Фант. повести. М.: ЮЛ, 1989. 159 с. (Волшебный фонарь). 100 т. э.; АПОЛОГИЯ. История. фантазии. М.: Правда, 1990. 47 с. (Б-ка «Огонек»). 150 т. э.; КОРАЛЛОВЫЙ ЗАМОК. Рассказы. М.: МГ, 1990. 239 с. 200 т. э.; МАРСИАНСКОЕ ЗЕЛЬЕ. Самая полная летопись В. Гуслера. М.: Госнаб СССР, ПСК «Тиман», 1990. 475 с. 150 т. э.; НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ. Фант. повести. М.: ДЛ, 1990. 557 с. 100 т. э.; ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ. Фант. повести. М.: Моск. рабочий, 1989. 624 с. 75 т. э.; СМЕРТЬ ЭТАЖОМ НИЖЕ. Фант. повесть. М.: СП «Вся Москва», 1989. 160 с. 100 т. э.

Сергей БУЛЫГА. ШПОРЫ НА БОСУ НОГУ; Елена ГРУШКО. ВЕНКИ ОБИМУРА; Валерий ШАМШУРИН. КАЛЕНАЯ

СОЛЬ. Ф-ка, прикл. М.: МГ, 1990. 480 с. 250 т. э.

Виктор БЕЗАЙС. СТОЙБИЩЕ ЦИВИЛИЗАТОРОВ. Фант. детектив. М.: Прометей, 1989. 38 с. 5 т. э. (А)

Александр БУШКОВ. АНАСТАСИЯ. Фант. роман. Душанбе: Полигр. комб. Госкомитета ТССР, 1990. 157 с. 50 т. э. (А); То же. Минск: Эридан, 1990. 191 с. 50 т. э.; ДОЖДЬ НАД ОКЕАНОМ. Повести, рассказы. М.: МГ, 1990. 272 с. (БСФ). 100 т. э.; ЛАБИРИНТ. Повести. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. 304 с. (Совр. сб. повесть). 30 т. э.; СТРАНА, О КОТОРОЙ ЗНАЛИ ВСЕ. Фант. рассказы и повесть. М.: МГ, 1989. 80 с. (Б-ка журн. «МГ»). 75 т. э.

В КОРОЛЕВСТВЕ КИРПИРЛЯИН. Фант. рассказы и повести. Сост. О. Ткаченко. М.: МГ, 1990. 496 с. (ШЕ). 200 т. э.

Альберт ВАЛЕНТИНОВ. СИНЯЯ ЖИДКОСТЬ. Фант. повести. М.: МГ, 1990. 302 с. (БСФ). 100 т. э.

Геннадий ВАЛЬДБЕРГ. РОЖДЕНИЕ ШЛЯГЕРА. Повести. М.: Возд. транспорт, 1990. 192 с. 50 т. э.

Степан ВАРТАНОВ. КОШКИ-МЫШКИ. Ф-ка. Симферополь: Таврия, 1990. 32 с. 100 т. э.

Евгений ВЕЛТИСТОВ. НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОНИКА. Фант. повесть. М.: ДЛ, 1989. 143 с. 100 т. э.

Владимир ВЕСТЕР. ПРИКЛЮЧЕНИЕ С РЫБОЙ. История Клоьева. М.: Прометей, 1990. 46 с. 10 т. э. (А)

ВЕТЕР НАД ЯРОМ. Сб. фант. Сост. И. Игнатьева. М.: МГ, 1989. 495 с. (РФ). 50 т. э.

ВЕТКА КЕДРА. НФ повести и рассказы. Сост. А. Ярушкин. М.: МГ, 1989. 256 с. 100 т. э.

ВЕЧЕР В 2217 ГОДУ. Рус. лит. утопия. Сост. В. Шестаков. М.: Прогресс, 1990. 720 с. (Утопия и антиутопия XX в.). 100 т. э.

Владимир ВОЙНОВИЧ. МОСКВА, 2042. Роман. М.: СП «Вся Москва», 1990. 350 с. 500 т. э.

ВОЛШЕБНИКУ — АБСОЛЮТНАЯ ГАРАНТИЯ. Ф-ка писателей Эстонии. Сост. Б. Кабур, М. Веллер. Пер. с эст. Таллинн: Ээсти раамат, 1990. 431 с. 50 т. э.

ВОЛШЕБНЫЙ ПОСОХ. Фант. рассказы и повести. Сост. В. Трапезников. М.: МГ, 1990. 64 с. (ШЕ, 6). 75 т. э.

Сергей ВОЛЬФ. ГДЕ ТЫ, МАЛЕНЬКИЙ «ПТИЛЬ». Роман. Л.: ДЛ, 1990. 288 с. 100 т. э.

Николай ВОРОНОВ. ПОХИТИТЕЛИ СОЛНЦА. Роман, повесть, рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990. 473 с. 30 т. э.

ВОСЬМОЙ ВИТОК СПИРАЛИ. Фант. рассказы и повести. Сост. А. Каширин. М.: МГ, 1990. 61 с. (ШЕ, 9). 75 т. э.

ВПОЛНЕ ПОРЯДОЧНЫЙ МИР. Фант. рассказы и повести. Сост. В. Колупаев. Томск: Кн. изд-во, 1990. 304 с. 15 т. э.

ВРЕМЯ ПОКУПАТЬ ЧЕРНЫЕ ПЕРСТНИ. Фант. повести и рассказы. Сост. Ю. Иванов. М.: МГ, 1990. 511 с. (ШЕ). 200 т. э.

ВСЕЛЕНСКОЕ ВРЕМЯ. Сб. фант. повестей и рассказов. Сост. А. Руденко. Душанбе: Адиб, 1988. 271 с. 10 т. э.

ВЫВИХ ВРЕМЕНИ. НФ повести и рассказы. Ред.-сост. А. Руденко. Душанбе: Ирфон, 1990. 496 с. 30 т. э.

ВЫДУМКИ ЧИСТОЙ ВОДЫ. Фант. рассказы и повести. В 2 т. Сост. А. Бачило. М.: МГ, 1990. 250 т. э. (ШЕ). Т. 1. 383 с.; т. 2. 352 с.

Валерий ГАЛЕЧЯН, Валерий ОЛЬШАНЕЦКИЙ. СТРАНА РОБOTOB. Фант. сказка. Л.: ДЛ, 1990. 44 с. 5 т. э. (А)

Игорь ГАПОЧКА, Александр ЛОПУХИН, ЛЮБУШКА В САННИВЕЛЕ. Полит. детектив. М.: Изд-во ДОСААФ, 1989. 223 с. 100 т. э.

Сэмюэль ГЕЙ. УТРОСКЛОН. Фант. роман. Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. 256 с. 5 т. э. (А)

ГЕЯ. Альм. НФ. Сост. Н. Беркова. М.: Мысль, 1990. 429 с. 150 т. э.

Василий ГОЛОВАЧЕВ. ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. НФ роман. М.: МГ, 1990. 352 с. (БСФ). 100 т. э.

Василий ГОЛОВАЧЕВ, Геннадий ПРАШКЕВИЧ, Евгений СЫЧ. КАЛИОГА. Сб. фант. произведений. Сост. И. Игнатьева. М.: МГ, 1989. 55 с. (ШЕ). 50 т. э.; То же. М.: МГ, 1989. 190 с. (ШЕ). 2 т. э.

Анатолий ГОРЛО. СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ СВЕТА. Фант. роман, рассказы, кинокомедия. Кишинев: Гиперион, 1990. 399 с. 50 т. э.

Михаил ГРЕШНОВ. О ЧЕМ ГОВОРЯТ ТЮЛЬПАНЫ. Ф.-ка. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. 192 с. 15 т. э.

Елена ГРУШКО. КАРТИНА ОЖИДАНИЯ. Сказ.-фант. повести, рассказы. М.: МГ, 1989. 256 с. (БСФ). 100 т. э.

Николай ГУДАНЕЦ. ПОКИНУТЫЕ ВО ВСЕЛЕННОЙ. Фант. повести. Рига: Спридитис, 1990. 205 с. (ПФНУТ). 45 т. э.

Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ. ТЕНЬ ЗЕМЛИ. Повести. М.: СП, 1989. 447 с. 100 т. э.

Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ. ПЛАНЕТА ДЛЯ КОНТАКТА; Виталий ПИЩЕНКО, Михаил ШАБАЛИН. НЛО ИЗ ГРАЧЕВКИ. Фант. повести. М.: МГ, 1989. 64 с. (ШЕ). 75 т. э.; То же. М.: МГ, 1989. 270 с. (ШЕ). 1 т. э.

Георгий ГУРЕВИЧ. ИНФРА ДРАКОНА. Рассказы. Пермь: Обл. орг. Всерос. о-ва «Книга», 1990. 59 с. 100 т. э.; ОРДЕР НА МОЛОДОСТЬ. НФ повесть и рассказы. М.: ДЛ, 1990. 256 с. (БНФ). 100 т. э.

ДВЕРЬ С ТВОИ СТОРОНЫ. Сб. фант. и прикл. Сост. В. Дружинин, А. Шалимов. Л.: ДЛ, 1990. 271 с. 100 т. э.

Виктор ДЕМИН. УЩЕЛЬЕ ПЕЧАЛЬНОГО ДРАКОНА. Ф.-ка. М.: Прометей, 1989. 188 с. 3 т. э.

ДЕНЬ БЕЗ СМЕРТИ. Сб. фант. рассказов, повестей, очерков, критики. Сост. Н. Полунина. М.: МГ, 1989. 367 с. (РФ). 150 т. э.

Худайберды ДИВАНКУЛИЕВ. ЛОГОВО САТАНЫ. НФ повести. Пер. с туркм. Ашхабад: Магарыф, 1990. 202 с. 100 т. э.

ДИСПЛЕИ ФАНТАСТИКИ. Сб. рассказов. Рига: Авотс, 1990. 175 с. 100 т. э.

Андрей ДМИТРУК. СЛЕДЫ НА ТРАВЕ. Фант. повести и рассказы. М.: МГ, 1990. 253 с. (БСФ). 100 т. э.

ДОРОГА МИРОВ. Фант. повести и рассказы. В 2 т. Сост. А. Каширин. М.: МГ, 1990. 100 т. э. (ШЕ). Т. 1. 304 с.; т. 2. 304 с.

Сергей ДРУГАЛЬ. ВАСИЛИСК. Фант. рассказы и повесть. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1990. 285 с. 75 т. э.

Игорь ДРУЧИН. ХРУПКОЕ ВРЕМЯ АУЭНЫ. Сб. НФ произведений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 429 с. 15 т. э.

Феликс ДЫМОВ. БЛАГОПОЛУЧНАЯ ПЛАНЕТА. Фант. повесть и рассказы. М.: МГ, 1989. 144 с. 15 т. э.; ПОЛТОРЫ СОСУЛЬКИ. Сб. фант. Л.: СП «СМАРТ», 1989. 200 с. 100 т. э.

Алексей ЖДАНОВ. КРАСНЫЙ КЛАВИШ. Сказка про художника. М.: Прометей, 1990. 118 с. 5 т. э.

Александр ЖИТИНСКИЙ. ПОТЕРЯННЫЙ ДОМ, ИЛИ РАЗГОВОРЫ С МИЛОРДОМ. Роман. Л.: СП, 1989. 584 с. 30 т. э.; СЕДЬМОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. Рассказы, новеллы, миниатюры. Л.: СП «СМАРТ», 1990. 157 с. 60 т. э.; ХРАНИТЕЛЬ ПЛАНЕТЫ. Фант. повесть. Л.: ДЛ, 1990. 142 с. 100 т. э.

Андрей ЗАРЕЦКИЙ, Александр ТРУХАНОВ. А Я БЫЛ В КОМПЬЮТЕРНОМ ГОРОДЕ. Взаправдация сказка. М.: Прометей, 1990. 208 с. Бт.

Александр ЗАРУБИН. ВСЕОБЩИЙ ЭКВИВАЛЕНТ. Фант. рассказы. Симферополь: Таврия, 1990. 78 с. 100 т. э.

Лариса ЗАХАРОВА, Владимир СИРЕНКО. ПЛАНЕТЫ ЗВЕЗДЫ ЭПСИЛОН. Прикл. ф.-ка. М.: МГ, 1989. 270 с. (БСФ). 100 т. э.

ЗВЕЗДНЫЙ НАЕЗДНИК. Фант. рассказы и повести. Сост. В. Трапезников. М.: МГ, 1990. 63 с. (ШЕ, 8). 75 т. э.

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТРУЛЬ. Фант. рассказы. Сост. А. Малышев. Фрунзе: Адабият, 1989. 142 с. 65 т. э.

ЗВЕЗДОЧЕТЕЦ. Рус. ф.-ка XVII в. Сост. Ю. Медведев. М.: Сов. Россия, 1990. 496 с. (БРФ. Т. 2). 300 т. э.

Василий ЗВЯГИНЦЕВ. ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ. Фант. роман. Ставрополь: Кн. изд-во, 1990. 493 с. 10 т. э.

ЗЕЛЕНАЯ КНИГА ФАНТАСТИКИ. Сб. рассказов. Сост. В. Бабенко. М.: ЮЛ, 1989. 267 с. 100 т. э.

Борис ЗЕЛЕНСКИЙ. ВЕЧНЫЙ ПАСЬЯНС. Фант. повести и рассказы. М.: Про-

метей, 1990. 191 с. (Фантакрим-экстра). 50 т. э.

Александр ЗИНОВЬЕВ. ЗЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ. В 2 кн. М.: НИК, 1990. 250 т. э. Кн. 1. 316 с.; кн. 2. 316 с.

Анатолий ЗЛОБИН. ДЕМОНТАЖ. Роман. Л.: ХЛ, 1990. 430 с. 150 т. э.

Юрий ИВАНЧЕНКО. ПИК АВГУСТА. Повести. Симферополь: Таврия, 1990. 288 с. 65 т. э.

ИЗМЕРЕНИЕ «Ф». Лит.-худож. сб. фант. Сост. А. Сидорович. Л.: ХЛ, 1990. 221 с. 5030 э. (А)

ИМЯ ДЛЯ РЫЦАРЯ. Сб. НФ. Сост. И. Зуцов. М.: МГ, 1989. 496 с. 60 т. э.

ИНТЕГРАЛЬНОЕ СКЕРЦО. НФ повести и рассказы о музыке. Сост. Я. Лишавский. М.: Музыка, 1989. 318 с.; 50 т. э. То же. 1990. 200 т. э.

В. ИНЧАКОВ. ПОСЕЩЕНИЕ. Фант. повесть. М.: Прометей, 1990. 120 с. 5 т. э. (А)

ИРОНИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ. Сб. Сост. Л. Козинец. Киев: Рад. письменник, 1990. 208 с. (Б-ка журн. «Киев»). 100 т. э.

Александр КАБАКОВ. ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ ИЗМЫШЛЕНИЯ. Повести. М.: Кн. палата, 1989. 224 с. 5 т. э. (А); НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ. Повесть. Одесса: ТПО «Вариант», 1990. 45 с. 250 т. э.; НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ; ВАМ ОТКАЗАНО ОКОНЧАТЕЛЬНО. Повести. М.: МА «Диалог культур», 1990. 128 с. (Лит. прил. к журн. «Искусство кино»). 300 т. э.

Александр КАЗАНЦЕВ. ДОНКИХОТЫ ВСЕЛЕННОЙ. Два НФ романа-гипотезы. М.: МГ, 1991. 476 с. 100 т. э.

КАЛЕЙДОСКОП. НФ повести и рассказы. Сост. С. Ахметов. Алма-Ата: Жалын, 1990. 431 с. 600 т. э.

Сергей КАНТОВ. «ОУПЭННИНГ» ПРЕЗИДЕНТА. Фант. рассказы и повести. Л.: Вас. остров, 1990. 119 с. 5 т. э. (А); РАЗУМ ЗЕМЛИ. Фант. рассказы и повести. Л.: Вас. остров, 1990. 117 с. 5 т. э. (А)

КАПИТАН ЗВЕЗДНОГО ОКЕАНА. Фант. повести. Сост. Ю. Лопусов. Л.: СП «СМАРТ», 1990. 432 с. (ШЕ). 150 т. э.

Анатолий КИМ. ОТЕЦ-ЛЕС. Роман-приключения. М.: СП, 1989. 400 с. 200 т. э.

Владимир КИРШИН. МАЙЯ. Повесть. Пермь: Кн. изд-во, 1990. 63 с. 5 т. э.

Вениамин КИСИЛЕВСКИЙ. ЛАМПА А. ЛАДИНА. Повесть, сценарий. Ростов-на-Дону: Ред. журн. «Дон», 1989. 298 с. (ДПФ). 5385 э. (А)

Евгений КЛЮЕВ. МЕЖДУ ДВУХ СТУЛЕБЕВ. Повесть. М.: Педагогика, 1989. 159 с. (Позная себья). 200 т. э.

Сергей КОВЯКИН, Александр ГОЛОВКОВ, Евгений БОГДАНОВ. ПРОСТО ФАНТАСТИКА. Повести, рассказы. Кемерово: Кн. изд-во, 1990. 303 с. 10 т. э.

Людмила КОЗИНЦЕВА. РАЗОРВАННАЯ ЦЕПЬ. Фант. рассказы. Киев: Молодь, 1990. 189 с. 30 т. э.

КОНФИГУРАТОР. Сб. юмор. фант. Сост. В. Николенко. Л.: ЛКЛ, 1990. 303 с. 100 т. э.

Олег КОРАБЕЛЬНИКОВ. К ВОСТОКУ ОТ ПОЛНОЧИ. Повести. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. 352 с. 30 т. э.

Владимир КОРЧАГИН. ИМЕНЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. НФ роман. Казань: Тат. кн. изд-во, 1989. 287 с. 50 т. э.

И. КОЦ. В МАМОНТОВ. СЕМЬ СНОВ В СЕНТЯБРЕ. Соц.-фант. слав. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 264 с. 5 т. э.

Владислав КРАПИВИН. ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО. Повесть-сказка. М.: Сов. Россия, 1989. 191 с. 100 т. э.; ВОЗВРАЩЕНИЕ КЛИПЕРА «КРЕЧЕТ». Повести. М.: ДЛ, 1990. 384 с. 100 т. э.

Илья КРУПНИК. НАЧАЛО ХОРОШИХ ВРЕМЕН. Почти реалистич. повести. М.: СП, 1989. 334 с. 30 т. э.

Аркадий КРУПНЯКОВ. АМАЗОНКИ. Роман. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 317 с. 100 т. э.

Борис КРЫЛОВ. РУСАЛОЧКА. Фант. повести. Л.: ХЛ, 1990. 88 с. (Оверлайд, 1). 20 т. э.

А. КУВШИННИКОВ. ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС АСТРОНАВТА БЕЙТСА. Повесть. М.: Сов. Россия, 1990. 125 с. 100 т. э.

Борис КУДРЯВЦЕВ. СОР ИЗ ИЗБЫ.

Роман-фельетон. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. 255 с. 15 т. э.

Леонид КУДРЯВЦЕВ. ДОРОГА МИРОВОЙ. Сб. фант. рассказов. Красноярск: Альма. «Енисей», 1990. 62 с. 100 т. э.

Леонид КУЗНЕЦОВ. ТЕНИ «ПАРАДИСА». Повесть и рассказы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. 159 с. 15 т. э.

Владлен КУКСОВ. Я КАР-РЛ — ВОРОН ИЗ ТАУЭРА... Сказка для взрослых. М.: ХЛ, 1990. 182 с. 5 т. э.+15 т. э. (А)

Людия и Закир КУЛИЕВЫ. ИСТОЧНИК СЧАСТЬЯ. НФ рассказы. Баку: Язычы, 1989. 150 с. 10 т. э.; ЛЬВИНОЕ УЩЕЛЬЕ. Сб. фант. повестей и рассказов. Баку: Гянджлик, 1989. 287 с. (ДПФ). 105 т. э.

Даниил КУЛИНИЧ. СПЕКТАКЛЬ ПО РАЗОБРАННОМУ ТЕЛЕВИЗОРУ. Фант. рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990. 109 с. 5 т. э. (А)

Анатолий КУРЧАТКИН. ЗАПИСКИ ЭКСТРЕМИСТА; Александр КАБАКОВ. НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ. Повести. М.: МГ, 1990. 160 с. 100 т. э.

ЛАБИРИНТ. Фант. произведения. Сост. В. Бааль. Рига: ЛИА «Лит», 1990. 191 с. 50 т. э.

Андрей ЛАЗАРЧУК. ОПОЗДАВШИЕ К ЛЕТУ. Роман. Рига: Лат. ДФ, 1990. 275 с. (Новая Ф, IV). 45 т. э.; ТЕПЛО И СВЕТ; ЗЕРКАЛА; МОСТ ВАТЕРЛОО. Повести. М.: Орбита, 1990. 222 с. (ДФ). 100 т. э.

Ольга ЛАРИОНОВА. КЛЕТЧАТЫЙ ТАПИР; Павел АМУНУЛЬ. КАПЛИ ЗВЕЗДНОГО СВЕТА; Борис РОМАНОВСКИЙ. ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МЕДОВОМ РАЮ. Фант. повести и рассказы. Сост. Ф. Дымов. М.: МГ, 1989. 367 с. 50 т. э.

Михаил ЛАТЫШЕВ. МЫШОНОК. Сказка для взрослых. М.: СП, 1989. 117 с. 5 т. э. (А); То же. М.: СП, 1990. 127 с. 100 т. э.; ОСЕННИЕ ЛЮДИ. Повесть. М.: СП, 1989. 147 с. 5 т. э. (А)

ЛЕГЕНДА О СЕРЕБРЯНОМ ЧЕЛОВЕКЕ. Фант., прикл., пут. Сост. Г. Алексеев. М.: МГ, 1989. 64 с. (ШЕ). 75 т. э.

Александр ЛИСНЯК. САМЫЙ КОРОТКИЙ ПУТЬ. Рассказы и повесть. М.: СП, 1989. 256 с. 30 т. э.

ЛИСТЬЯ ВРЕМЕНИ. Сб. фант. Сост. Е. Дрозд. М.: МГ, Тирасполь: ВТО МФ, 1990. 479 с. 100 т. э.

Святослав ЛОГИНОВ. БЫЛ О СКАЗОЧНОМ ЗВЕРЕ. Фант. рассказы. М.: МГ, 1990. 94 с. (Б-ка журн. «ДП»). 75 т. э.; ЕСЛИ ТЫ ОДИН. Фант. повести и рассказы. Свердловск: РИО Упрполиграфиздата, 1990. 98 с. 5 т. э. (А)

Любовь и Евгений ЛУКИНЫ. КОГДА ОТСТУПАЮТ АНГЕЛЫ. Фант. рассказы и повесть. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1990. 223 с. 20 т. э.

Олег ЛУКЬЯНОВ. ПОКУШЕНИЕ НА ПЛАНЕТУ. Фант. повести и рассказы. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1989. 231 с. 15 т. э. (А)

МАГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК. Сб. фант. Сост. Ф. Дымов. М.: МГ, 1990. 448 с. (РФ, ШЕ). 50 т. э.

Борис МАЙНАЕВ. ДВА ЛИЦА ЛУНЫ. Ф.-ка. Фрунзе: Знание, 1990. 136 с. 5 т. э.

Владимир МАЛОВ. ФОРПОСТ «НАДЕЖДА». Повести и рассказы. М.: МГ, 1989. 270 с. (БСФ). 100 т. э.

Эрст МАЛЫШЕВ. ВЛАСТЕЛИНЫ ГАЛАКТИКИ. Фант. эпопея. Кн. 1. М.: Прометей, 1989. 212 с. 5 т. э. (А); То же. 1989. 222 с. 50 т. э. (А); КОСМИЧЕСКАЯ ЭРГРУМА. Фант. роман. М.: Марс, 1990. 149 с. 25 т. э. (А); ЛЮДОЕДКИ ЯРТЫ. 2 кн. эпопей. М.: Прометей, 1989. 129 с. 5 т. э. (А); МАРСИАНСКАЯ МАДОННА. Фант. рассказы и повести. М.: Прометей, 1989. 188 с. 3 т. э.+50 т. э. (А); ОХОТНИК ЗА КАЛЬМАРАМИ. Фант. рассказы. М.: Прометей, 1989. 169 с. 5 т. э. (А); ПОТОМОК ДИНОЗАВРОВ. Фант. рассказы, повесть, роман. М.: Прометей, 1989. 188 с. 5 т. э.+50 т. э. (А); ТРАГЕДИЯ АТЛАНТИДЫ. Фант. повести и рассказы. М.: Прометей, 1989. 184 с. 5 т. э. (А)

Эрст и Зинаида МАЛЫШЕВЫ. ЗАГАДКА ОРИНФЭРЫ. 3-я кн. эпопей. М.: ВОК, 1990. 207 с. 15 т. э.

МАСТЕРСКАЯ ЧЕЛОВЕКОВ. Сов. сатирич. проза 20—30-х г. Сост. И. Халим-

баджа. Пермь: Кн. изд-во, 1990. 414 с. 200 т. э.

Янис МАУЛИНЬШ. ВЕДЬМА. Роман. Пер. с лат. Рига: Лиесма, 1990. 224 с. (ПФПут.). 50 т. э.

Юрий МЕДВЕДЕВ. ПРОТЕИ; ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ. ЗАКОНЫ ЛИДЕРСТВА. Повести. М.: ХЛ, 1989. 48 с. (Роман-газета, 12). 3920 т. э.

МЕСТО ДЛЯ ЖУРАВЛЯ. Сб. рассказов. Сост. Ю. Жучков. Фрунзе: Кыргызстан, 1989. 142 с. (В мире ФП). 50 т. э.

Александр МИРЕР. У МЕНЯ ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ. Повесть. Краснодар: Кн. изд-во, 1990. 189 с. (Совр. ф-ка). 5 т. э. (А)

МИСТИФИКАЦИЯ. Сб. фант. Сост. А. Шалимов. Л.: Лениздат, 1990. 416 с. 100 т. э.

Владимир МИХАЙЛОВ. КАПИТАН УЛЬДЕМИР. Фант. дилогия. Рига: Спритис, 1990. 653 с. (ПФПут.). 45 т. э.

Анатолий МЕЛЬНИКОВ. ПРОИСШЕСТВИЕ НА ОСТРОВЕ МЭН. НФ рассказы. М.: ХЛ, 1990. 271 с. 5 т. э. (А)

Михаил МИХЕЕВ. ДАЛЕКАЯ ОТ СОЛНЦА; Спартак АХМЕТОВ. КОЛЬЦО УДАЧИ; Анатолий ШАЛИН. НА ГОТОВЕНЬКОЕ. Фант. повести и рассказы. Сост. В. Скольникий. М.: МГ, 1989. 327 с. 50 т. э.

Сергей МСТИСЛАВСКИЙ. КРЫША МИРА. Роман. М.: СП «Вся Москва», 1990. 224 с. 200 т. э.

МУЗЕЙ ЧЕЛОВЕКА. Фант. повести и рассказы. Сост. В. Бабенко, В. Гопман. М.: Всесоюз. центр кино, 1990. 350 с. 100 т. э.

НИ В СКАЗКЕ СКАЗАТЬ... Фант., прикл. Сост. Т. Алексеев. М.: МГ, 1989. 64 с. (ШЕ). 75 т. э.

Евгений НОСОВ. РОЖДЕНИЕ СФИНКСА. Фант. повести. М.: МГ, Тирасполь: ВТО МФ, 1990. 240 с. (ШЕ). 50 т. э.

Андрей НУЙКИН. ПОСВЯЩЕНИЕ В РЫЦАРИ. Сказоч. повесть. М.: Возд. транспорт, 1989. 95 с. 100 т. э.

ОГОНЬ В КОЛЫБЕЛИ. Фант. повести и рассказы. Сост. Н. Астахова. Киев: Друг читача, 1990. 304 с. 75 т. э.

ОПЕРАЦИЯ «БИОМЕН». Рассказы и повести. Сост. В. Новопрудский. Ташкент: Изд-во лит. и иск., 1990. 399 с. (ФП). 75 т. э.

Николай ОРЕХОВ, Георгий ШИШКО. БЕЛОЕ ПЯТНО НА КАРТЕ. Фант. рассказы. М.: МГ, 1989. 80 с. (Б-ка журн. «МГ»). 75 т. э.; ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Фант. повесть и рассказы. М.: Прометей, 1989. 120 с. 105 т. э.

Владимир ОРЛОВ. АПТЕКАРЬ. Роман. М.: СП, 1990. 511 с. 100 т. э.

Владимир ОСИНСКИЙ. МАЯК НА ДЕЛЬФИНИИ. Фант. рассказы и повести. М.: МГ, 1989. 255 с. (БСФ). 100 т. э.

ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ. Сб. фант. произведений. Сост. О. Линдеман. М.: МГ, 1990. 456 с. (РФ). 100 т. э.

Сергей ПАВЛОВ. НЕУЛОВИМЫЙ ПРАЙД. Фант. повесть и рассказ. М.: МГ, 1989. 111 с. 15 т. э.

Сергей ПАВЛОВ. НЕУЛОВИМЫЙ ПРАЙД; Феликс ДЫМОВ. БЛАГОПОЛУЧНАЯ ПЛАНЕТА; Александр СИЛЕЦКИЙ. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ГДЕ-ТО... Фант. повести и рассказы. Сост. И. Игнатьева. М.: МГ, 1989. 381 с. (ШЕ). 60 т. э.

Гурам ПАНДЖИКАДЗЕ. СПИРАЛЬ. Роман-фантазмагория. Пер. с груз. М.: СП, 1989. 398 с. 30 т. э.

ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ МИР. Иронич. ф-ка. Сост. М. Гуревич. М.: Наука, 1989. 352 с. (Б-ка журн. «Химия и жизнь»). 50 т. э.; То же. 1990. 100 т. э.

Юрий ПЕТУХОВ. БОЙНЯ. Фант. роман, повесть. М.: СП, 1990. 320 с. 30 т. э. (А); ЗАПАДНЯ. Повести и рассказы. М.: Металлактика, 1989. 382 с. (ПФ). 100 т. э. (А); ЗВЕЗДНАЯ МЕСТЬ. Фант.-прикл. роман. М.: СП, 1990. 377 с. (ПФ). 100 т. э. (А); ЧУДОВИЩЕ. Рассказы и повести. М.: СП, 1990. 384 с. (ПФ). 20 т. э. (А)

Игорь ПИДОРЕНКО. МУХОБОИ. Фант. рассказы и повести. Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. 223 с. 5 т. э.

Виталий ПИЩЕНКО. БАЛЛАДА О ВСТРЕЧНОМ ВЕТРЕ. Повести и рассказы. М.: МГ, 1989. 270 с. (БСФ). 100 т. э.

Сергей ПЛЕХАНОВ. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ВСАДНИК. Роман. М.: МГ, 1989. 383 с. (БСФ). 100 т. э.

Владислав ПЕБЕДНОСЦЕВ. ТУТТИ КВАНТИ. Две повести. М.: СП, 1989. 288 с. 30 т. э.

Сергей ПОДГОРНЫЙ. ВЗГЛЯД С НЕХОЖЕНОЙ ТРОНЫ. НФ книга. Киев: Веселка, 1990. 247 с. (ДФ). 115 т. э.

Роман ПОДОЛЬНЫЙ. ЛЕГКАЯ РУКА. Фант. повести и рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990. 384 с. 75 т. э.

ПОМОЧЬ МОЖНО ЖИВЫМ. Сб. фант. Сост. Л. Шувалов. М.: МГ, 1990. 480 с. (ШЕ). 250 т. э.

ПОСЕЛОК НА КРАЮ ГАЛАКТИКИ. Сб. НФ. Сост. О. Лионин. М.: Наука, 1989. 352 с. (Б-ка журн. «Химия и жизнь»). 100 т. э.; То же, доп. изд. М.: Наука, 1990. 572 с. 150 т. э.

ПОСЛЫ МЛЕЧНОГО ПУТИ. Повести и рассказы. Сост. В. Новопрудский. Ташкент: Еш гвардия, 1990. 365 с. 200 т. э.

Виктор ПОТАПОВ. ПОСЛЕДНЕЕ КОЛДОВОСТВО. Фант. рассказы. М.: Книга, 1990. 144 с. 5 т. э. (А)

Алла ПОТАНОВА. ЗУАР БЕССТРАШНЫЙ. Повесть-сказка. Киев: Молодь, 1989. 160 с. 115 т. э.

ПОКЛОНЕНИЕ ЗМЕЕ. Фант. рассказы и повести. Сост. В. Трапезников. М.: МГ, 1990. 64 с. (ШЕ, 7). 75 т. э.

Виктор ПОТИБЕСКИЙ. УТЕС БЕЛОЙ СОБЫ. Сказка-повесть. Петрозаводск: Карелия, 1989. 184 с. 5 т. э. (А); То же. М.: Известия, 1989. 199 с. 10 т. э. (А)

Александр ПОТУПА. КОНТАКТ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ И ДИАЛОГОВ. М.: Прометей, 1990. 80 с. (Фантакриммакро). 110 т. э.; ФАНТАКРИМ-XXI. Фант. повесть. М.: Прометей, 1989. 159 с. 200 т. э.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ. ФАЛЬШИВЫЙ ПОДВИГ. Записки пром. шпиона. М.: Прометей, 1990. 272 с. 15 т. э. (А)

ПРЕКРАСНЫЕ КАТАСТРОФЫ. Забытые фант. произведения 20-х г. Сост. Е. Панаско. Ставрополь: Кн. изд-во, 1990. 494 с. 50 т. э.

Юрий ПРИГОРНИЦКИЙ. ТРЕХКОЛЕСНАЯ ЛОШАДЬ. Фант. рассказы. Киев: Рад. письменник, 1989. 223 с. 30 т. э.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА. Сб. Сост. Е. Кузьмин. М.: Воениздат, 1990. 158 с. (Сокол). 100 т. э.

ПРИСТАНЬ ЖЕЛТЫХ КОРАБЛЕЙ. Ф-ка молодых авторов. Сост. И. Кузовлев. Свердловск: Уральский следопыт, 1990. 111 с. 10 т. э.-2 т. э. (А)

Михаил ПУХОВ. КОРАБЛЬ РОБОТОВ; Андрей ДМИТРУК. ВЕТВИ БОЛЬШОГО ДОМА; Евгений НОСОВ. СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР. Сб. фант. произведений. Сост. Н. Полунина. М.: МГ, 1989. 232 с. (ШЕ). 110 т. э.

Вячеслав ПЬЕЦУХ. РОММАТ. Роман-фантазия на историч. тему. М.: СП «Вся Москва», 1990. 160 с. 100 т. э.

РАЛЛИ «КОНСКАЯ ГОЛОВА». Сб. Сост. Р. Рыбкин. М.: Физк. и спорт, 1990. 496 с. 100 т. э.

Леонид РЕЗНИК. ДИКАРЬ. Фант. повесть. Волгоград: ВО СФК, 1990. 37 с. (КлФ «Ветер Времени» представляет).

10 т. э.; ДОМ В ЦЕНТРЕ. Фант. роман. Волгоград: ВО СФК, 1990. 172 с. 10 т. э.

РЕКВИЕМ МАШИНЕ ВРЕМЕНИ. Сб. фант. Сост. И. Игнатьева. М.: МГ, 1990. 511 с. (РФ). 50 т. э.

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ. ПРЫГНУТЬ ВЫШЕ СЕБЯ. Фант. повести и рассказы. М.: ДЛ, 1990. 351 с. (БПНФ). 100 т. э.

Александр РУБАН. ЧИСТАЯ ПРАВДА О ТОМ, ЧЕГО НЕ БЫЛО. Фант. повести. Томск: Кн. изд-во, 1990. 277 с. 10 т. э.

РУМБЫ ФАНТАСТИКИ, 1988. Сб. Сост. Л. Ханбеков. М.: МГ, 1989. 448 с. (ШЕ). 100 т. э.; То же, в 2-х т. М.: МГ, 1989. 100 т. э. Т. 1. 224 с.; Т. 2. 224 с.

РУССКАЯ И СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА. Повести и рассказы. Сост. В. Греков. М.: Правда, 1989. 637 с. 500 т. э.

РУССКАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА ЭПОХИ РОМАНТИЗМА (1820—1840). Сб. Сост. М. Виролайнен и др. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 668 с. 250 т. э.

Вячеслав РЫБАКОВ. ОЧАГ НА БАШНЕ. Роман. Рига: Лат. ДФ, 1990. 259 с. (Новая Ф, III). 145 т. э.; СВОЕ ОРУЖИЕ. Повести и рассказы. Л.: СП, 1990. 320 с. 30 т. э.

Владимир РЫБИН. «ЗЕЛЕНЫЙ ПРИЗРАК»; Владимир МИХАНОВСКИЙ. ОПЕРАЦИЯ «АННА АРИЯ». Повести. М.: ГПУ СА и ВМФ, 1990. 157 с. (Б-ка журн. «Сов. воин»). 75 т. э.

Юрий САВИН. У НАС В КОСМОСЕ... Повесть-сказка. Минск: Юнацтва, 1988. 72 с. 125 т. э.

Руслан САГАБАЛЯН. САМЫЙ КРАСИВЫЙ В МИРЕ ДИНОЗАВР. Фант. рассказы. Ереван: Аревик, 1990. 108 с. 20 т. э.

Григорий САЛТУП. КЛИНИКА ДОКТОРА ТРАКАРТА. Фант. рассказы и повесть. Петрозаводск: Карелия, 1990. 151 с. 5 т. э. (А)

Святослав САХАРНОВ. ЛОШАДЬ НАД ГОРОДОМ. Романы прикл. Л.: СП, 1990. 416 с. 50 т. э.

Людмила СВЕШНИКОВА. КАК ПЕРЕХИТРИТЬ БОЛЬ. Повесть, рассказы. М.: СП, 1990. 208 с. 50 т. э.; ЛИЛОВАЯ СОБАКА. Фант. рассказы. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. 221 с. 50 т. э.

Осип СЕНКОВСКИЙ. ЗАПИСКИ ДОМОВОГО. Фант. повести. М.: Правда, 1990. 414 с. 200 т. э.

Александр СИЛЕЦКИЙ. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ГДЕ-ТО... Фант. рассказы. М.: МГ, 1989. 133 с. 15 т. э.

Сергей СИНЯКИН. ТРАНСГАЛАИ. Фант. повести. Волгоград: ВО СФК, 1990. 125 с. (КлФ «Ветер Времени» представляет).

10 т. э.

СКАЗАНИЯ О ЧУДЕСАХ. Сост. Ю. Медведев. М.: Сов. Россия, 1990. 528 с. (БРФ, Т. 1). 300 т. э.

Ант. СКАЛАНДИС. НЕНОРМАЛЬНАЯ ПЛАНЕТА. Сб. фант. рассказов. М.: Мир, 1989. 139 с. (Ф-ка). 200 т. э.

Юрий СЛЕНЦОВ. НЕПОМНЯЩИЕ. Фант. комедия. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 367 с. 10 т. э. (А)

Сергей СМЕРНОВ. БЕЗ СИМПТОМОВ. Фант. повести и рассказы. М.: МГ, 1990. 287 с. (БСФ). 200 т. э.; СНЫ НАД ТАНАИСОМ. Повесть М.: Современник, 1989. 300 с. 30 т. э.

Сергей СНЕГОВ. ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ. НФ повести и рассказы. Калининград: Кн. изд-во, 1989. 415 с. 50 т. э.; ПРАВО НА ПОИСК. НФ повести. М.: ДЛ, 1989. 352 с. (БПНФ). 100 т. э.

СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА. Сост. Е. Гуляковский. М.: СП, 1990. 351 с. 100 т. э.

Владимир СОКОЛОВСКИЙ. МЕРЦАЮЩИЙ МИР. Фант. повести. Пермь: Кн. изд-во, 1989. 264 с. 15 т. э.

СОКРОВИЩЕ ГРОМОВОЙ ЛУНЫ. Фант. повести и рассказы. Сост. Л. Мангел. Новосибирск: «АСК-Интерпринт», 1990. 200 с. 50 т. э.

Юрий СТЕПАНОВ. ТАБЛЕТКИ ОТ НЕПОГОДЫ. Лит. сказки. Л.: ДЛ, 1990. 191 с. 100 т. э.

Андрей СТОЛЯРОВ. ИЗГНАНИЕ БЕСА. Рассказы, повесть. М.: Прометей, 1989. 255 с. (Новая Ф, II). 45 т. э.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ. Борис СТРУГАЦКИЙ. ВОЛНЫ ГАСЯТ ВЕТЕР. Фант. повести. Л.: СП, 1989. 656 с. 100 т. э.; ВОЛНЫ ГАСЯТ ВЕТЕР. (Трилогия). Томск: Кн. изд-во, 1989. 591 с. 100 т. э.; ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ. Фант. роман. Л.: ХЛ, 1989. 384 с. 250 т. э.; То же. М.: ДЭМ, 1990. 351 с. 500 т. э.; ИЗБРАННОЕ. В 2-х т. М.: Моск. рабочий, 1989. 100 т. э. Т. 1. 527 с.; Т. 2. 640 с.; То же. М.: СП «Вся Москва», 1989. 100 т. э.; ОТЯГОЩЕННЫЕ ЗЛОМ, ИЛИ СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ. Роман. М.: Прометей, 1989. 214 с. (Новая Ф, I). 35 т. э.; ПОСЕЩЕНИЕ. Повести. М.: ЮЛ, 1989. 255 с. (Волшебный фонарь). 100 т. э.; ПЯТЬ ЛОЖЕК ЭЛИКСИРА. Избр. сценарии. М.: Наука, 1990. 255 с. 150 т. э.; ХРОМАЯ СУДЬБА. Роман. М.: Орбита, 1989. 272 с. (Альфа фант.). 100 т. э.; То же. Фант. повести. М.: Книга, 1990. 383 с. 100 т. э.; То же. 492 с. 400 т. э.; То же. 326 с. 300 т. э.; То же. 488 с. 100 т. э.

Андрей СЪЛЫДИН. КОЕ-ЧТО О ПАРАДОКСАХ. Фант. повести и рассказы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 207 с. (Фантотека). 15 т. э.

Евгений СЫЧ. СОЛО. Сб. НФ произведений. Хабаровск: Амур, 1990. 173 с. (БФ «Дальневост. Кольцово»). 50 т. э.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО... ИЕЗУИТОВ

Слышали о таком? Нет? Не мудрено. А между тем, оно просуществовало почти сто лет...

...Вскоре после покорения Парагвая испанцами (1515 г.) в эту страну стали проникать иезуиты — и к концу XVI в. образовали там несколько десятков религиозно-хозяйственных общин, доступ в которые был открыт только для местных жителей. Эти общины, разделенные на 31 округ, состояли из поселений, построенных по одному плану: по середине городка — церковь, рядом — «коллегия отцов», магазины и мастерские; вокруг — жилые дома. Улицы тянулись параллельно, заканчиваясь часовнями; весь город представлял собою квадрат и был окружен кактусовым забором; за городом располагались поля и огороды. В конечном счете, сотня достаточно, по-видимому, ловких «отцов» безраздельно господствовала над тремястами тысячами семейств...

Во всей этой общественной организации экономические отношения были тесно переплетены с религиозными. Ежедневно перед восходом солнца дети приходили в церковь, где пели и молились; затем начиналась обедня для взрослых, причем каждый раз всех присутствующих пересчитывали. Заканчивался день тоже молитвами. В праздники устраивались торжественные богослужения. Посты и умерщвление плоти соблюдались со всей строгостью, тем более, что туземцы не выказывали сопротивления. Одни целыми часами стояли с распростертыми руками, другие надевали себе на голову терновые венки, третьи бичевали себя до крови. Придерживаясь мнения, что «веру надо вкладывать через глаза», иезуиты использовали для этого искусство. В то время как в жилищах не было никаких украшений, церкви строились и украшались весьма художественно. Воздействовали на толпу также прекрасной музыкой, даже танцы и театральные зрелища, устраиваемые в честь Богородицы и св. Игнатия (Лойолы), использовались для религиозных целей.

Необыкновенно умело иезуиты подавили в населении жажду обладания: в общинах торжествовал особый коммунизм. Все было собственностью Бога (т. е. святых отцов), люди же имели право только пользоваться ею. Если им и позволялось оставлять что-либо для себя, то это были обычно вещи для них бесполезные (так, женщины могли брать

себе во время сбора хлопок на платья, в которых они не нуждались). Каждый земледелец получал пару волов. Нередко случалось, что он приходил с известием, будто его волов съел тигр. Поскольку не было тайной, что этим тигром был он сам, то он получал плети и... новых волов: ущерб для государства был мизерным, ведь некоторые из общин имели до полумиллиона голов скота. Ремесленный труд в стране находился под наблюдением иезуитов. Торговлю вели только внешнюю (разумеется, в пользу святых отцов); внутри государства — в очень, впрочем, небольших размерах — происходил безденежный обмен продуктов.

Неразвитые индейцы не имели понятия о результатах этого мнимого коммунизма, дававшего ордену Игнатия Лойолы несметное богатство. Соответствующая дрессировка, называемая воспитанием, искусно удерживала их в этом неведении. Образование состояло в обучении религии: более способные учились читать, писать и даже немного по латыни. Вся литература состояла из нескольких религиозных книг на местном языке.

После уроков группы молодежи выходили на полевые работы. Ежедневно каждый отдел работающих получал одного святого в качестве покровителя. В одном поселении дети взбунтовались и бежали в лес, в горы, где пробыли несколько месяцев, крадя в окрестности коров. Но они и там не забыли о своих святых: выстроили им часовню и устраивали в честь их процессии...

Воспитание детей заканчивалось браком: для мальчиков в семнадцать лет, для девочек — в шестнадцать. Отношения супругов были настолько урегулированы, что даже ночью давались им звонком сигналы.

С удивительной покорностью склонялись индейцы под ярмо, целуя руки, бичевавшие их. Иезуиты не позволяли ни одному из них выйти из рабства и достичь более высокого положения; только особенно хорошо вышколенных назначали они на должность надзирателей, уступая им часть своей власти. И как это часто бывает, такие избранники превосходили своих наставников в жестокости по отношению к своему народу.

Когда Испания и Португалия заключили договор (1750 г.), разграничивающий их владения в Южной

Америке, это своеобразное государство досталось Португалии. Энергичный португальский министр Помбал, открыв это гнездо, решил его уничтожить. Иезуиты пытались бороться, но не смогли противостоять ни силе правительства, ни общественному возмущению. В один день (в 1768 г.) они были арестованы и вывезены, а их владения конфискованы; вскоре затем орден Лойолы был закрыт папою.

Столетнее существование иезуитского государства в Парагвае по своей продолжительности и прочности представляет собою исключение в истории коммунистических общин, нет-нет да и возникавших в прошлом в различных уголках планеты. Собственно говоря, это государство не было коммуной — оно являло собою теократический союз предпринимателей, которые превратили неразвитый народ в своих невольников, организовав для них «коммунизм» предметов потребления.

Казалось бы, место этому опыту — в самых дальних запасниках истории. Но... не просматриваются ли в нем — в зародыше — те отвратительные черты тоталитарного общества, которые столь прозорливо разглядел в тумане будущего наш соотечественник Евгений Замятин (роман «Мы», 1920 г.) и от полной реализации которых совсем еще недавно столь не застраховано было и наше высокоразвитое общество?

В. ИВАНОВ

К СЛАЙДУ НА ОБЛОЖКЕ

Положение фантастики в нашем издательском мире кардинально изменилось. Покончено с монополизмом «МГ» — основного поставщика НФ в прежние годы. Из многострадальной замарашки фантастика, в полном соответствии сюжету известной сказки, в одночасье превратилась в самую натуральную принцессу, которую наперобой зазывают в свои апартаменты даже безмерно — прежде — равнодушные к ней издательства. Наконец, появились у НФ и новые — свои собственные — издатели.

Спрос на НФ откладывался в нашей стране с середины 60-х, он в конце концов оказался столь чудовищно велик, что покамест с прилавков исчезнет все. Но это — пока. Насыщение спроса развернулось крайне стремительно — и уже завтра неряшливо изданная, малограмотная, тусклая продукция едва ли найдет покупателя.

Это — завтра. Ну, а сегодня... У кого из любителей НФ не дрогнет сердце, не вырвется потаенное: да где же найти этот магазин, в котором свободно, как на нашем слайде, расположилась бы продукция новых издателей — книги, журналы, газеты?!

РИ КАТТЕР

9. БУРГУС
999 ТЫСЯЧИ АЖДАХОВ

РОБЕРТ АНТ
СТАЛДЖОН

М. ЛЕЙНГ
Д. СМИТ
С. ВЕЙНГА

ВАРВАР
САЛФЕРД
САЛФОН
ВАН ВОЛТ

АМЕРИКО
ФОНТО

ВЕРМА

ЗЕМЛЕ
В

СОСЫКА

SE

МИР РЕКИ

МАРИЯ ЧЕРНОВА

История

БОИТ МАРСА

ГАВРИЛ ГАВРИЛОВ

Антология

ФРЕД САБЕРХАГЕН

МФ-10

АЛЕКСАНДР ШЕРБАКОВ

ЗМИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Р. Хайнлайн
Дверь в лето

МИР КОЛЬЦО

Золотая книга фантастики

Получи и звезды

АРТУР КЛАРК

Владислав Загоровичий

Майкл Муркок

Вячеслав Рыбаков

БРАЖАН БАДИСС LON-STOP

А. Стругацкий · Б. Стругацкий

Андрей Столяров

Фантастический альманах

ФАНТАСТИКА

ФАНТАСТИКА

ЭКСТРА

СЕРИИКА ОЗ
НОВЫЕ ВР

СБОРНИК ПОВЕСТИ
ИСТОРИИ
ГРИСАДЕЛ
БАРДАСТ

Темная охота

МАКЦИР

Обложка
Натальи Ермолаевой

Сегодня мы не вкладываем презрительный оттенок в слово «делец». Дельцы — повсюду, вокруг нас, их миллион. Новые формы экономических отношений вернули этому слову нормальное содержание, но и заставляют многих ходить по лезвию судьбы. Закон пока не в силах упорядочить новые отношения. Слишком велика разница между тем, что было, и тем, что стало: вчера была спекуляция — сегодня «договорная цена», вчера была взятка — сегодня вознаграждение за посредничество... Махинации стали сделкой. Сомнительный обмен товарами и продукцией солидно называется бартером... Мы еще долго будем привыкать к этим метаморфозам.

Люди ныряют в свежий экономический водоем вниз головой, в основном молодые люди — жаждавшие самостоятельной деятельности, нетерпеливые, обрадованные возможностью проявить инициативу и реализовать свои способности. Пришла новая формация молодых бизнесменов. Одним везет, другим — не очень. Признаем честно, все мы достаточно внимательно присматриваемся к тому, что происходит вокруг, — не слишком пока видно заботы о благосостоянии страны; частная выгода, нажива, деньги ослепляют многих представителей «юного» советского бизнеса. Молодые люди и большие деньги — это серьезная психологическая проблема сама по себе...

Среди тех, кто попал в водоворот бизнеса и предпринимательства, есть по-настоящему толковые, умные, действительно готовые принести пользу обществу. Что происходит с их начинаниями, почему они порой «сгорают», попав в мясорубку социальных проблем, — об этом речь.

Нина
ШИРОКОВА

Рисунки
Арсения Сергеева

ЗАТОР В ЗЛАТОМ УСТЬЕ

Провинциальный детектив

Вы сказали о Страшном суде... Я изведал кое-что пострашнее — суд человеческий. Для него нет смягчающих обстоятельств, даже благие намерения он вменяет в вину.

Все пакостные, а туда же, плюем на провинившихся. Кто кого переплюнет, вот и все...

Альбер КАМЮ. «Падение».

17 февраля

«Маскарад» сочинился у Паши в голове с вечера. Утром, до суда над рэкетирами, они засадили в техникум к Февралеву. В Февралеве Паша не сомневался — не одну нору взрыли вместе в угрозыске. Паша Баранов всё воедино соединил: и то, что Саня сейчас военрук, и что бывший «опер», и что когда-то институт культуры кончал. Все Санины параметры сейчас в жилу. Он ему сказал: — Ну, режиссер, самая гастрольная пора пришла!.. Дай три автомата. Вечером обратно завезем.

Саня в курсе, у него вопросов нет — надо так надо. Пугнуть всю эту публику стоит.

Паша брезгливо повертел крашенные черной краской приклады: — Уж очень они учебные... Стволы просверлены. Кто служил в армии — сразу поймет: не боевые. Как для постов пионерских, за восемнадцать рэ... Отвинтить приклады, что ли?

— А что останется, чем пугать будете? — резонно спросил Саня. — У меня есть цинк нераспечатанный, положите его для виду — полный спектакль будет. Рассыпью сколько-то бросьте еще... Только рассыпные патроны все до единого сосчитайте, чтоб ни одного не пропало. К концу дня завезете.

Сложили «арсенал» в машину, мешками, бушлатами прикрыли — чтоб и видно было, но не так явно. Подружили к гостинице,

потом к суду. «Робингуды» тусовались возле своих машин. Весь подъезд был заставлен, как на автостоянке. Паше важно было засветить «арсенал», главное — чтоб шум пошел.

— «Они» видели? — ревниво спрашивал он у каждого.

Его успокаивали:

— Прямо в нагляд смотрели.

Шум пошел. Пока Строчилин там, в суде, рэкетиров сажал, приспешники их — миасские, челябинские — ассамблею провели. Первой миасская «девятка» крутулась, остальные тоже отчалили.

Володя Тутубалин подошел:

— Они с местными совещались. Сказали: «Это ваши, златоустовские дела, сами и разбирайтесь».

— Порядок, мужики. — Паша был доволен. — Что верно, то верно — наши разборки...

Саня Февралев до пяти был в техникуме. В пять часов он закрыл «оружейку» и пошел в ясли за сыном. Вечером зашел к Паше.

— Санек, к нам «чужой» в машину подсел, побоялся при нем в техникум заезжать? — объяснил Паша.

— А патроны где?

— В машине остались. Привезем, не беспокойся.

— Завтра надо, Паша.

— Какой разговор!.. Все, сделали дело. Сейчас будут сидеть, голубчики, — ишь, жути нагнали: «Ни жены, ни ребенка, ни машины не будет!..» Чтоб бывшие опера от рэкетиров кровью умывались?!

Они еще немножко поговорили, и Саня пошел домой. По дороге какой-то гулена врубил пьяного дурака и с большой долей самокритичности зашел: «И-ну и п-у-у-сь... будет и-нелегкий мой п-пу-уть...»

«Сейчас мент услышит — выдернет тебя», — мысленно ответил ему Саня. Как хорошо, что ему сейчас до всего этого дела нет. Сколько они в милиции с этим народом обучались...

Была пятница, февральский вечер, с ветром.

Для них, для всех четверых, один Учитель был авторитетом, на всю милицейскую жизнь. Учитель напоминал им большого, чуткого и осторожного зверя. Они на него молились — если так можно сказать о здоровенных мужиках.

Сане Февралеву первое дело попало из-за чужой оплошки. Хороший парень вел, но замотка эта милицейская — она у всех в печенках сидела... Шапку дорожку у ресторанный буфетчицы цапнули; он своего агента и подставил — дескать, тот видел: пацаны стянули и удрали. Пацанячье дело заведомо отказное, несовершеннолеток можно не искать. Сошло... Только он так трижды состряпал липу. Начальник отдела глядит: один и тот же свидетель проходит по трем разным делам — шапка, мотоцикл и еще что-то там... Конечно, всыпал: «Что, с ума сошел?!» А у того еще, как на грех, заява в сейфе лежит: в тот день в ресторане и драка была зарегистрирована — не одна кража. Сане это дело и перепоручили. Он побежал по своей агентуре: «Кто тогда-то в ресторане дрался? Скажите, пусть шапку ташат!» Притащили!.. А буфетчица «терпила» в Феодосию умотала, отдохнуть. Саня мигом слетал туда, свозил шапку на опознание. На другой же день привез...

Паша, Олег Булдин и Женя Строчилин тогда уже в силе были. Учитель их здорово ценил. Это он после на Женю взъярился, когда узнал, что он у какой-то бабки при обыске подсвечник за трешку сторговал. А Пашку до конца отличал и Олега опекал: «Булдина беречь надо, он вообще никого не боится — это даже страшно».

Про дела что говорить — дела обычные, сыскные. А вот отношения интересные были... Паша по призванию и впрямь сыщик. Но уж больно многих он доминил. Поидет по коридору в управе, все двери пооткрывает: «Во, бездельник сидит — газетку читает... А этот по телефону балабонит?.. А ты что делаешь, корреспондента ждешь? Давай медальку почищу... Санек, гляди, он всех жуликов поймал — иди в подвал, они все там сидят!» Да если у человека всего на фалангу пальца достоинства, и то он обиду будет помнить.

Многолетняя его драка с прокуратурой — тут другой коленикор. У милиции с прокуратурой всегда распря, черт его знает — вроде одно дело делают... Или у милиции «вал», вот она и старается: ловит-ловит, а прокуроры — отлуп да отлуп. За всю свою не столь уж многолетнюю службу Паша Баранов сумел трех прокуроров зацепить. Одному «помог» на пенсию уйти. Другого обвинил прямо на совещании во всеуслышание в должностном подлоге, и тот ушел... выше, в областную прокуратуру. Нынешнего

«папу» они засвечивали вместе с Учителем, но доказать взятки не могли. Кому другому такое работорство не простили бы, но Паша сидел прочно. Двадцать пять поощрений всякого рода — а они не так просто даются.

Не быстро сладко служить было. Примета такая бытовала: пирожок сжевал — во, опером стал: на ходу ест. От бюрократии этой чертовой тошно. По жулью звонят — то чей-то сын, то племянник. Кто звонил, кто выгораживал — ни в жизнь не узнаешь.

Женя Строчилин прав был по большому счету: ни квартир, ни отпусков, ни путевок, ни свободного времени, женам врем — сказать-то ничего нельзя, не положено... Вот он первый и вылетел. Не только за разговорчики, конечно. Паша заступился — и следом. Учитель звал его обратно, да он не пошел. А туда, куда Паша, — туда и Булдин, у них всю жизнь двойничная судьба. Потом и Саня Февралев «запоролся» в какой-то сваре с шоферами на бензоколонке. Все пристойно вышло, не с бухты-бархаты: и Саня был навеселе, сын у кого-то тогда родился; и у Олега драку пацанячью с судимостью условной обнаружили — тут не придерешься. Но ушли они все.

Так и закончилась их милицмейская карьера — «крученым свинячим хвостиком», как говорит Булка.

18 февраля

Паша привез в техникум учебные автоматы.
— Вот, Саня. Патроны Черепанов привезет, я ему сказал: «До-ставь, и без огласки».

— Пашка, у меня же пристрелка перед соревнованиями, нужны будут! Тащите давайте...

Паша Баранов хотел быть полезным людям. В наши дни — такой пионерский анахронизм — даже смешно. Он отнесился к отживающему «гайдаровскому» виду, вот отомрет вид — где брать будем?.. В летнее училище не прошел, зрение оказалось не идеальным — пошел в пограничное; кому-то там не подчинился, вылетел — пошел в угрозыск. Для Паши, как ни странно, мерило полезности — на всю жизнь святое.

Первая крупная неудача — с «мотелем» для шоферов, который он хотел устроить на трассе, — не охладила Пашу. Они с Олегом купили дом, но дальше забуксовало. «Раз так, — решил Баранов, — надо начать с чего-нибудь попроще, собрать деньги и тогда снова взяться за серьезное». И он решил освоить черную икру. Миша Чубриков со своими казенками, пегушками и сахарной ватой прогорел: сахар пропал, и кооператив его заглох. Паша с Олегом к тому времени съездили в Москву и Свердловск — поглядели, как икра делается, уточнили икорный аппарат. Чубриков к ним и подкатил: то да се, ваши головы, моя фирма и прочее. Парни подумали: счет есть, кооператив зарегистрирован — зачем заново начинать?

И начал бывший чубриковский кооператив «Малахит», от которого всего-то имущества осталось — ящики да бачок, заниматься черной икрой. Новый кооператив поволок Паша Баранов. Чубриков при нем остался замом. Кроме них и Олега Булдина было еще трое: Игорь Черепанов — в простоте душевной Чепа, Вадик Анферов и Марат Сайтов.

Единственное неудобство: продукт требовал холода, летом производство осложнялось. Паша перебирал все свои «завиральные» идеи и остановился на детских хлопושках. «Вот мы когда росли, — рассуждал он, — кто-нибудь держал в руках хлопושку, ни в жизнь их в нашем городе никто не видел! А почему? Потому что не было Баранова...» Стали узнавать про города, где развернуто это производство — негусто насчитали. Остановились на Тернополе.

— Олег, ты поедешь, — решил Паша. — Давай-давай, Булка! Все разузнаешь...

— На свои, что ли, поеду? — не очень обрадовался Олег.

— Мы с тобой в товарняке ездили, чего разнежился? На вокзале ночуешь, мусор под голову сгребешь, газеткой прикроешься...

— Ребя-ята, нет проблем, — вклинился Чубриков. — Я финансирую командировку, поедешь, как белый человек.

Договоры Булдин привез, много полезного разведаль. Паша всех раскрутил, всех загонял. Ему все казалось: «крокодил не ловится, не растет кокос»... Чубриков на сахаре сгорел. Сам Паша уже горит с икрой, которая может жить не иначе, как в вечной мерзлоте. А хлопושки — «ежели», как говорит Баранов, до Нового года не выдать — тоже не нужны будут: товар праздничный.

Крутить-вертеть надо, и быстрее... Чубрикова в последний раз до двух часов ждали за каким-то делом. Два-три помещения уже прохлопали: договаривались, а он не приезжает, треплется только. Ладно бы нормальным языком, а то ведь сплошной мат. Ребята гоношата, но они не организаторы. Какая-то бестолковщина и маета.

— Дефицит нормальных людей хуже, чем дефицит колбасы, — решил Паша и послал за Женей Строчилиным. — Мы с Булдиным все-таки деловой опыт не ахти еще как приобрели, а Еня оборотистый, лучшего администратора не надо.

Строчилин вел дипломатические переговоры — зачем да что. Паша ответил:

— А корабль на Луну будем с тобой строить. Давай сваливай из своего видеосалона. Во-первых, хватит побрякушками заниматься, во-вторых, все равно тебя уже робингуды прижали...

Женя и свалил. Ровно неделю пооглядывался и приносил калькуляцию на хлопושки:

— Тут все: затраты, накладные расходы, сырье, транспортировка, прибыль, зарплата, отчисления... В исполкоме одна дама рассчитала.

— Кто такая? — поинтересовался Паша.

— Зампредша, за кооперативы отвечает. Экономист по образованию. Она меня в финотдел отфутболивала, но я уприсил. Сумму надо, Баранов, задаром никто не делает. Нам эта зампредша сейчас дороже мамы родной...

— Заплатим, какой разговор. Работа важная и срочная.

Чубриков тоже доброе дело сделал, свои связи подключил — свел с представителем какого-то там мощного Свердловского проектно-хозяйственного объединения — Валера Якушев зовут, он в Златоусте филиал возглавляет. Съездили они в Свердловск. Их выслушали, сделали расчеты и дали кооперативу ссуду — 10 000 рублей.

Надо было искать помещение под цех.

21 февраля.

Саня Февралев все еще ждал, когда доставят патроны. В Пашином «побрякали и отнесли» он не усомнился. Но с патронами происходила какая-то чехарда. Пашка с Олегом то и дело где-то мотались. Дома у Баранова была одна Лариса, и Саня с ней о патронах говорить не стал.

Потом появился Олег.

— Где Чепа с патронами? — спросил Саня.
— Беспредель полный!.. Они с Анферовым увезли их на ранчо, дураки... Я этого Чепу добуду, Саня.

— Так почему не сюда-то? — удивился Саня.

— Черт их знает...

Под цех хлопושек подвернулась школа-интернат, учащихся немного, площади огромные, незагруженные. Директор была не против. Тысячу рублей отдали сразу, в порядке шефской помощи — в школе всегда дыр хватает, особенно в летний ремонт. Директор оказалась очень милым человеком. Парни крутились в школе день и ночь — она когда еду оставит, когда торт, печенье к чаю принесет.

Повезло и на «маму». Строчилин был прав. Если бы у Паши было такое покровительство в исполкоме с шоферским мотелем — он сейчас фосфор для хлопושек не доставал бы, а кипятил бы чай для «водил», а его Лариска варила бы макароны...

Когда вышло указание о прогрессивном налоге, зампредша сама вызвала Женю в исполком. Он уже раскинул подходящий вариант в «грязном» варианте — «мама» предложила взять зарплату больше. Расклад был такой: в ведомости ставить большие суммы, а по джентльменскому, то есть артельному, договору получать меньше. Это был

выход; платить со ста тысяч восемьдесят не имело никакого смысла. Не один они его нашли, «мама» ставила в известность о прогрессивном налоге всех кооператоров. Кто «набирал» в ведомости побольше людей, кто завышал сумму. Паша подумал: второе пахнет фикцией меньше, и потом, со своими парнями он всегда договорится. Паше были не по душе эти игры, он не мог знать, что назавтра само государство поймет свою ошибку. Он думал об этих вынужденных махинациях примерно так: «А, печная труба прямо на голову не свалится...»

— Статья 25-я в установлениях о кооперативах говорит, что максимальный размер зарплаты не ограничивается,— объясняла Строчилину зампредша.— Размеры фонда развития устанавливает сам кооператив. Так что у вас проблем не будет...

Женя поблагодарил за консультацию и уже начал прощаться, как «мама» вдруг поинтересовалась:

— Нельзя ли купить такой же свитер, как у вас? Очень красивый... Сколько стоит?

Женя секунду посообразил и тут же наврал:

— Сто. Ладно, у меня приятель едет в Прибалтику — я покажу.

Еня купил свой свитер на «туче» в Свердловске за триста... Никакой приятель у него в Прибалтику не ехал. Но Еня умел думать по-деловому: подсказка обходного маневра чего-то стоит... И с расчетом он не затынул — быстро съездил в Свердловск и купил такой же свитер. Отвез целлофановый пакет и получил сто рублей.

Строчилин обмозговывал каждую ситуацию. У кооператива надежда только на одноразовое получение денег — когда они продадут хлопушки в Новый год. А что останется для развития? Никто не знал, чем придется заниматься и сколько потребует денег. «Значит, надо деньги придержать», — рассуждал Женя.— Спасибо «маме»: успели снять сумму с банка до введения налога в новом виде. Распорядились по уму.

Они собрали ребят на «чириканы», сказали, что пойдут большие деньги, а получать будем много меньше. Открыто сказали про ведомости — будут фиктивные, иначе можно все забрать на зарплату и не иметь фонда развития. А развиваться будем. Криминала никакого нет — все понимали, что к чему. Главное, кооператив работает, надо и дальше вкалывать, чтобы расплатиться с долгами, и думать о новом производстве.

Тернопольцы запросили 15 000 рублей с миллиона хлопушек. Много запросили, но игра стоила свеч. Люди приходили — каждого надо обучить, показать: только клея одного три вида... Вроде просто: засыпать конфетти, заклеить торцы — всего-то шесть операций; но — то разрешение надо на пиротехника, то фосфор кончился, то этикетки только на пять тысяч осталось... А в день делали по двадцать тысяч!

Женя Строчилин, как вывешенный флаг, полоскался снаружи. Все его «светские» выходы были продуктивны, но время от времени он наживал себе головную боль. Его промежуточная — между угрозыском и кооперативом — работа в видеосалоне создала ему репутацию великого знатока и спеца. Однажды «мама» сказала ему:

— Не можете ли вы мне купить по госцене видеоаппаратуру?

— Я могу продать вам свой комплект, он стоит десять тысяч.

— Нет, только по госцене.

«Где же я возьму по госцене?! Будто «видик» в универмаге продается... — закручинился Еня.— И комиссионная, и рыночная, и спекулятивная цена — десять тысяч... А она — тысячу пятьсот!..»

И все же пообещал:

— Я переговорю. Но не так скоро...

Баранову и Булдину он об этом сказал. Те поматюкались и решили, что комплект — слишком шикарно, пусть будет один телевизор.

«Папа» позвонил ему. Просил прислать мастера — те-

левизор забарахлил. Женя пообещал приехать и посмотреть, а пока предложил прокурору свой японский телевизор. Прокурор его взял. Строчилин выругал себя, потому что обратно забирать будет неудобно.

За Женей продолжал вязаться рэкетирский хвост. Время от времени он собирался в Свердловск, где ни шатко ни валко, еще с угро, продолжал учиться в юридическом институте, и каждый раз его предупреждали: «Еня, не садись ни к кому в машину!» Но рэкетирские беспокоили его гораздо меньше, чем «белые воротнички». Он понимал, что платить нынче надо за все, но парни этого понимать не хотели. Отношения с ними иной раз сильно осложнялись.

«Мама» неназойливо напоминала об обещании купить телевизор, и Женя приставал к Паше с Олегом:

— Парни, нужна сумма... Ну, служебное положение у нее такое...

— Три пятьсот дорого, Еня, просто денег жалко, — говорил Паша.

Женя вскипал:

— А почему это я у вас как английская королева? Если я что-то прошу — значит, есть резон. Ходите тогда сами в исполком, а я больше — ни ногой...

— Женя, ты не прав.

— Прав не прав, а так нынче дела делаются! Вы что думаете, мне нравится канючить? Директор универмага просит шаровые опоры для автомашины. Жуткий дефицит, и только базар!.. А не купить — она у вас хлопушки не возьмет. Это ж ее воля — брать вашу продукцию или не брать.

«Отстегнули» и для такого дела. В ответ получили бла-гожелательное: «Ваш товар нам понравился».

Договорились с несколькими десятками магазинов в других городах. Морока большая. Пришлось нанимать «КамАЗы». Четыре раза возили в Челябинск, два — в Свердловск, еще в Уфу, Магнитогорск. Идет «КамАЗ», за ним — легковушка со своими грузчиками. Машины «лэвые» — ну, и оплата соответственно...

Отдав «видик» прокурору, Женя стал подумывать о возмещении своего убытка — почему он ради общего дела должен платить один?

— «Папа» просит видеоаппаратуру, — закидывал он удочку.

— Ему вообще ничего давать не надо, — сердился Булдин. Они с Пашей еще помнили свою милицейскую от-рыжку от войны с прокурорами.

— Не будьте простодушными, — уговаривал Строчилин.— Вспомните свой мотель — много вы сдвинули тогда? И сейчас фиг бы мы встали на ноги, если бы не «мама»; и «папа» еще пригодится, вот увидите. Так что приходится, парни. Вы крутите производство, а уж «выходы» оставьте мне. За этим вы меня и позвали.

Между тем в стройном течении жизни кооператива появлялось маленькое ЧП на обочине. Кто-то выпил французские духи, предназначенные для очередного презента. Паша грешил на Марата:

— Кончай пить, посмотри: кругом твои флаконы валяются. Сказано: не пить в школе, не курить! То ты в учительской валяешься, то домой тебя отправляют... Чепа тебя пьяного давно ли с вокзала привез?

— Че пьяного... Почему я тогда назавтра работал?

— Я тебя штрафовать буду за нарушение дисциплины. — Ты сначала выплати, что обещал, потом штрафуй! — разозлился Марат Саитов.

— Саитов, мы договорились: расчет будет, когда соберутся все деньги от реализации. Получите вы свои тысячи!.. Или подождать терпелу нету?

Паша Баранов задумался. Разбалтываются парни. Анферов и Черепанов разбили машину. Чубриков, получив свои двенадцать тысяч от начальной реализации хлопушек, по сути день гуляет, два болтает — никакой деловой порядочности.

Решено было снова собрать всех. Паша Баранов начал писать на классной доске расчеты:

— Парни, нам важно выделатъ весь миллион хлопущек. У нас с вами джентльменский договор: деньги придержим, потому что впереди большие планы. Не упрекайте нас: мы вкладываем средства. Ваша забота — делать то, что сейчас, наша — создание базы для будущего производства. Планы большие...

Паша, Олег и Строчилин выходили на операцию «Квартира». Делались расчеты по паркету, начали приступать к обоям, заключили договор с типографией. Прибыль намечалась миллионная — не баран чихал... Все было подсчитано, все реально. Деньги, которые ребята недополучили по ведомостям, шли на дело.

И тут-то Чубриков сделал глупость. За его подписью в местной газете вышла крохотная заметочка. «Кооператив выходит на большой рубеж и будет иметь 400 000 рублей дохода».

И Валера, несмотря на мрачный свой прогноз, привез свердловское руководство. На озере Еланчик ловили раков. Свердловчане убедились, что вложенные ими десять тысяч пошли в дело; за пивом и раками, выслушав Пашины планы о «Квартире», заключили второй договор. 67 000 рублей перечислялись на счет златоустовцев для будущих производств паркета, обоев, мебели с условием: за полгода — пять процентов с прибыли, дальше пойдет десять. Якушеву за посредничество было обещано наличными двадцать тысяч.

Валера скрепил договор комплиментом: «Надежно, как гарантийное письмо с печатью», имея в виду обе стороны. Все было чудненько, только Паша Баранов, лоя раков в прохладной воде, слегка застудил почки.

Еня допек Баранова и Булдина с деньгами за видеопараттуру для «лапы». «Или Строчилин темнит, или «па-

Паша укорял его:

— У нас налоги на уме, долги, а ты бахвалишься... Рэкетиров, что ли, наводишь?..

И — как в воду смотрел. После заметки им и пришлось разбираться с рэкетирами и устраивать «маскарад» с учебными автоматами и настоящими патронами.

22 февраля.

Чепа доставил в техникум к Февралеву десять пачек патронов — те, которые были россыпью.

— Почему только десять? Где остальные? Где цинк?

— ...Как я тебе цинк повезу?.. У меня машина сломалась, на станции техобслуживания стоит. Пачки-то в карман взял — и на трамвае привез, а цинк — в трамвае как повезешь?!

— Тебе сказано было привезти, остальное — твои проблемы, — ничего больше не хотел слушать Саня. — Цинк — на стол! Весь ящик чтоб тут был.

— Вы себе подписали смертный приговор, — сказал по поводу хвастливой заметки Валера Якушев. Валера рэкетирскую конъюнктуру знал. Но дела в «Малахите» шли нормально: и нынешнее производство, и будущие маневры.

па» обманывает», — посомневались Паша с Олегом, но деньги дали.

«Мама» сетовала, что прошло уже три праздника, а телевизора все нет. В конце концов Еня признался:

— Ребята, ну что делать, я уже купил...

Побурчали и тут, но смирились: противно, но надо. Женя доставил к зампредисполкома японский телевизор, за который заплатил три с половиной тысячи рублей. Она ему отдала полторы — госцену, как договоривались.

— Еня, — пенял Паша Строчилину, — ежели мы будем так подкармливать «лапу» с «мамой» — не лежать тебе на шоколадном диване и никто не будет жать лапу твоей собаке...

— Зато ты хороший бизнесмен: в рваных ботинках ходишь, — отпарировал Еня.

23 февраля.

В честь Дня Советской Армии в техникуме проводились соревнования. Десяти пачек патронов, привезенных Чепой, было явно

мало. «Хватит или не хватит на стрельбу? — прикидывал Саня. — Половина, наверно, еще с насечкой...»

На его счастье, две группы студентов не явились. Все прошло гладко.

...Цинк где-то гулял.

Сайтов первый начал требовать выплаты по ведомости. Ему сказали: «Ты бестолковый, Марат». Вслед за Сайтовым возник Чепя: «Платите, или уходить буду!» Паша его выругал:

— Слушай, Игорь, ни проблем ты не решаешь, ни организуешь ничего... Машину купил, что тебе еще надо?! Работай дальше. У нас же нет другого пиротехника...

У Анферова обнаружили алименты. Судебному исполнителю он сказал, что обещали выплатить, а когда... Паша взбеленился:

— Ну и кивало ты, Вадик!.. Черт с тобой, заплатим мы твои алименты, но что ты врешь, что ничего не получил?

к 1 октября. Но Якушев вдруг заартачился и начал требовать свои двадцать тысяч. Паша напомнил ему, что был договор о выплате только после полной реализации. Нет, что-то с Якушевым происходило.

Валера пришел к управляющему банком с письменным ходатайством перекрыть финансирование из-за несостоятельности платежей предприятию-гаранту. Управляющий объяснил ему, что долги банк не возмещает — обращайтесь в арбитраж. Но задумался. Когда Строчилин явился снимать со счета 60 000 для обоев, ему отказали в деньгах. Женя быстренько поставил в известность «папу»: что предприятие-гарант у них другое, а со свердловской организацией у них договор, срок которого еще далеко, и претензии Якушева неправомерны.

Прокурор позвонил управляющему банком:

— Вы нарушаете права кооператива, они имеют право снять со счета любые деньги... И надо дать им.

Паша опять собрал народ «почиркать».

— У нас остается еще 300 000 заготовок — надо сделать хлопшки полностью. Уже производство обоев на мази — четверо наших проходят практику на машинах в типографии, опробовано уже не по кусочкам, а по метражу! А мы все с хлопшками прыгаем... Закончите миллион. Реализуем — все получат деньги, никого не обманем; сколько у кого в ведомости, тот то и получит. Ведь мы же договаривались — что происходит?! Чепя бегаёт, Марат ноет... Ну, что за работа? Сто тридцать восемь тысяч с хлопшек реальные — что вы суетитесь?..

Обои потребовали около пятидесяти тысяч, паркет вернули — тоже много средств вбухивалось. Расчеты по ведомостям откладывались лишь до окончания финансового года: когда поступят последние деньги в банк — будет ясна картина. Хлопшки только успевали возить...

Расчеты со свердловчанами должны быть произведены

— Да-да, конечно... — согласился управляющий. — Просто в банке было трудно с деньгами. Разумеется, при первой возможности выдадим.

Паша поговорил с Якушевым:

— Валера, если мы обманем вас — мы обманем себя. Выгодно нам себя обманывать? Выплата по договору только через полгода, что ты возникаешь?

Якушев стал откровеннее:

— Я вам кредит сделал? Меня не интересует ваш долг. Меня интересуют мои наличные...

— Прекрати, Валера. Не раскачивай лодку... — заключил Паша. — Мы со свердловчанами говорили мирно; мы им верим, они — нам. Не пугайся между нами. Для делового человека это грубо и безнравственно.

— Ладно, парни, извините...

«Что заворачивается? — ломал голову Паша. — Все враз захотели денег...»

«Извинившись», Якушев сходил в райисполком, в финотдел — намякнул, что кооператив не платит долги, что его деятельность под угрозой. Двести тысяч хлопушек он и не думал вывозить в Свердловск. Самостоятельно нарушил договоренность о части выручки за счет обещанной реализации в Свердловске. «Боссам» в Свердловске он сказал, что кооператив разваливается.

Паша опять стал думать.

— Он нас прессует не из-за долга, а из-за своей выгоды. Ну, что ж... поставить синяк на морде — и дело с концом.

— Влипнуть можно, должностное лицо как-никак... — встрял Булка.

— Должностное?! Раков жрать, врать про нас — это, что ли, его должностные обязанности?

Строчилин тоже согласился, что надо вразумить. И даже взялся договориться с одним каратэистом.

Тот поинтересовался:

— Что за человек?

— Начальник один тут... Да не очень большой начальник, не переживай... Скорее, деньги вымывает и палки в колеса ставит.

— Может, лучше поговорить?

— Не получается.

Вечером, у своего подъезда, Валера Якушев увидел незнакомого парня в спортивной шапочке; тот прыгал, будто делал зарядку. Когда Якушев проходил мимо, парень замахнулся — удар пришелся вскользь, по плечу. У Якушева слетела шапка, он спросил: «Ты че, парень?!» А на втором замахе схватил руку незнакомца; они покатались в голый кустарник, и Якушев оцарапал себе лицо о ветки.

Строчилин поинтересовался, чем закончилась потасовка, и услышал в ответ:

— Ничего не получилось, Женя, я поскользнулся.

Якушев в милицию не заявил — он должен быть в тени; да к тому же там связи с прокурором — себе дорожке. Сами «сгорят».

Строчилин, рассказав о потасовке ребятам, заодно попросил:

— «Папа» просит проучить одного человека... На станции техобслуживания работает, жалобами его замучил. Пятый раз в прокуратуру пишет...

— Это не кооперативные дела, — отрезал Паша. — Ты чего это развоевался, Женя?

Женя обиделся:

— Что Тутубалину стоит?..

— Даже не трогай, Вова! — рявкнул Олег. — Никакого отношения этот человек к нам не имеет, пусть «папа» с ним сам разбирается!

— О-о-ой... Пансион для благородных девиц, — скривился Строчилин. — Если бы «папа» не позвонил в банк насчет денег, что бы вы сейчас делали с обоями? Кооператив сгорел бы вместе с долгами...

Строчилин сам уговорил Володю Тутубалина. Тот взял с собой товарища. Товарищ остался внизу, в подъезде, Вова пошел наверх. На втором лестничном марше он ударил «жалобщика»; тот бросил авоську и перекинул Вову через перила. Внизу он тряс их обоих, пока не вырвались. Оба потом долго ругали Строчилина: «Хоть бы предупредил, что — боксер, что в отцы нам годится...»

5 марта.

Чепа волынил и на работу не приходил. Баранову удалось выловить «шестерку» Черепанова на улице Тургенева. Паша начал спокойно:

— Машину купил, и на все наплевать? Где ящик с патронами?..

— Да некогда все... — мямлил Чепа. — На ранчо он...

— Ты знаешь, сколько там народу шастает? Что вы его с Анферовым таскаете по ранчо и гаражам? И вообще, своим ли голосом поешь, Чепа, сорвать не боишься? — у Паши заходили желваки. — Мы с Булдиным уезжаем в командировку. Тебя вылавливать больше никто не будет. Чтобы цинк был в технике — ты все понял?

На другой день Черепанова встретил Саитов.

— Ну, что, выплатили тебе разницу?

— Да я не в претензии... Вроде как уже не в кооперативе... Я машину купил и особо не интересуюсь.

— Ты получишь свои деньги, только через милицию.

— Как... Как, через милицию?

— Как, как... Пока ты какал, кооператив сгорел. Так что требуй свое.

И Игорь Черепанов подумал: «А что, и вправду деньги не лишние!»

Чепа, Чепа... Долго Паша не верил, что ты пустой человек, вступался за тебя, выгораживал. Долго ты будешь Пашу вспоминать, Игорь Черепанов, ведь из-за тебя он сядет! Если бы не патроны — были бы у него эти двое суток... С суда, который и с твоего благословения состоится, Чепа, Паша уйдет с чистой совестью — не совершал он преступлений. Глупостей наделал — это да; перехитрить хотел тех, кто хитрее его оказался... Но преступлений он не совершал и с вами не подличал — вы сами не дали ему слово сдержат. Двое суток ему не хватило до поступления денег в банк. Так что суд его когда-нибудь будет позади, и он еще хорошие дела сделает, если со слепу душевного не с такими, как вы, начнет, а с честными, надежными, головастыми парнями, которые ни за полушку, ни за «кусочек» не променяют дело... Паша не сгинет. В Паше вера есть, он просто так жить не умеет.

3 апреля.

Черепанов заявил в милицию о патронах. Он привел милиционеров на ранчо, где лежал цинк. Цинк был запечатан и не тронут, вскрывал его сам Черепанов консервным ножом. Понятых, когда считали патроны, не пригласили. Спустил десять дней был составлен протокол об изъятии, по которому в цинке находилось 2916 патронов. 334 патрона не хватало. Удавка на шею кооператива была накинута.

...На суде Игоря Черепанова спросят:

— Кто имел доступ к патронам, кроме вас?

— Никто, — ответит он.

— Почему вы за полтора месяца не привезли патроны в техникум?

И Чепа скажет:

— Не могу объяснить...

Марат Сантов отнес в милицию заявление, в котором рассказал о фиктивных ведомостях и потребовал взыскать с Баранова, Строчилина и Булдина 61 000 рублей, «использованных ими в корыстных целях».

Удавка затянулась.

...Один Тутубалин продолжал работать, не подозревая, что кооператив разгромлен.

САНЯ

16 апреля арестовали Саню Февралева. В половине восьмого утра раздался звонок.

— К тебе пришли, — сказал отец.

В дверях стоял бывший сослуживец Миша Шушунов. Если бы Саня в эти дни был в городе, он бы узнал, что два дня милицмейские машины «пасли» его квартиру на Грибоедова, и очень бы удивился: «Они, что, думают, что я отстреливаться буду?! Что у меня дома пулемет и два мешка золота?»

— В чем дело? — спросил Саня.

— Дело серьезное. Против тебя возбуждено уголовное дело.

— По какой статье?

— По 218-й, за оружие и боеприпасы.

— Ладно, поедем, — совершенно спокойно ответил Саня.

В семь вечера Саня заявил протест и объявил голодовку за содержание в камере с ранее судимыми. Через двое суток ему предъявили санкцию на арест и увезли в тюрьму. Когда его освободили под расписку, он наотрез отказался до суда и утверждения приговора выложить партбилет.

...Никогда еще Саню Февралева не было так тяжело, как в эти дни. В школе, едва выйдя из младших классов, он играл со взрослыми в оркестре: что-то они там получали, какие-то деньги, на поминках и свадьбах, — но ему было важно одно: он, мальчик, играет со взрослыми музыкантами!.. Из-за кларнетов этих и саксофонов он и пошел в институт культуры. Работал по распределению в Казахстане — не во Дворце, в Доме культуры. Насмот-

релся на закулисную жизнь сполна и почувствовал отвращение. Что это за культура, когда ДК нищенский, когда режиссер ставит мизансцену не по замыслу, а чтобы дыр на платьях актеров не было видно... Домой уехал с радостью.

В угрозыске Саня оказался самый «зеленый». Знакомством с Пашей Барановым и его друзьями был счастлив. Он сразу увидел за Пашиной эксцентричностью ум и профессионализм; его буйная энергия — «не хрен сидеть, надо бегать и вертеться!» — его заразила. Саше нравилось, что Паша всегда чувствует себя неуязвимым.

Саня не любил драк. Но трижды в угрозыске ему пришлось драться. Все они дрались, когда ничего другого не оставалось; и их тоже били — всех, кроме Булки. В третий раз ужас был. Сосед у них жил, Юрка, четырежды судимый. И как-то Февралев-старший увидел, что Юрка клумбу обрывает. А цветы всем двором выращивали — детям, к 1 сентября. Отец с балкона крикнул, потом вышел. Тот гад что только с ним ни делал — свалил, бил по голове, пинал ногами... У отца потом сплошная гематома на лице была. Саня выскочил, Юрка и его уложил. Дважды он их с отцом укладывал. Саня не успокоился, пока не нашел гада — он же скрылся! Как суд начался, оказалось: у супружницы этого Юрки один из родственников — влиятельное лицо... Тут Саня действовал, как Пашка, — ни за что не отступил. Посадили гада еще раз. А Саня до сих пор помнит: отец в крови лежит, а к Юрке спешит «скорая» — родня вызвала...

Недавно рядом с его домом заваруха была. Целая ята пьяных подростков разметала милицейский наряд. Второй вызвали — то же самое... На третий раз только справились. Учитель орал в угро: «Что за милиция, которую пацаны бьют!..»

Не-е-т, нас били, но мы не ударили... Почему же такая ерунда вышла с этими патронами?! Пашка завертелся, и все равно — как же так получилось? Да все он понимает: боеприпасы есть боеприпасы. Но он же не какому-то Федьке с улицы дал, а товарищу, с которым вместе боролся с преступностью. И предостергли они преступление — резня была бы у здания суда не дай бог...

Вернулся бы тот февральский день, и Паша опять попросил бы — дал бы он патроны? Дал бы. Ни в чем он не виновен.

ОЛЕГ

Иришка отправила трехлетнюю дочку в другую комнату, чтобы не мешала папе спать.

Трудная у Олега с Пашей жизнь. Ира всегда дивилась этой упряжке — вечно проблемы, идеи, «беспредел» или «полный беспредел». Спят иной раз по полтора часа... Ире на всю жизнь хватило бы одной фразы Олега: «Знаешь, я так себя люблю, так уважаю — за то, что нашел тебя!» Но боялась она за него всегда. Они оба с Пашкой бойцы. Баранов еще осматрится, прежде чем в драку лезть, а Булдина лучше не цеплять — хоть гора против него стой, хоть вдвое выше, сильнее... Если он прав, он на черта полезет. И мало кто знает, что есть другой Олег: тот, «другой», умеет стать Санта-Клаусом, устраивать сюрпризы, зажигать свечи, дарить подарки...

Олег в соседней комнате не спал. Мысли у него ворочались тяжелые. Пашка о нем говорит: «Если Булдин что-то чувствует, то неспроста». Олег чувствовал, что в коллективе становится сложно. Но ведь во всех кооперативах так — откуда тревога? Сайтов возникает — ну и что? Сайтов под себя гребет; ему всякие несбалансированные социальные условия — сегодня так, а завтра этак — по фигу. Подарки прокурору и исполкомовской даме? Мягко сказано — дань... Жулики жало высунули? Но вроде не так круто, как в феврале, когда звонили, пугали жен. Он даже представить не мог, чтобы что-то угрожало Ире с дочкой; он сказал тогда: «Уезжайте на время, мы тут сами разберемся... Прямо завтра же, чтобы не испытывать судьбу».

Судь-ба... Сегодня так, завтра этак — а человек один. И сегодня, и завтра... И судьба у него одна. Одна-единственная жизнь.

Звонок прояснил его невнятную дремоту. Он встал, вышел. Увидел Шушунова. Ира слышала тихий разговор, голос Олега: «Ну, ладно...» — будто ни о чем. Обычно Шушунов проходит, они пьют чай. Тут Олег оделся и пошел следом, только посмотрел как-то особенно... Ира проводила их. И вдруг спокойно, без паники словила себя на очень ясной мысли: «Если что — я, конечно, буду ждать. Другого такого нет».

...Когда закончился суд, Олег Булдин скажет: «Никто меня не убедил, что я виновен».

ПАША БАРАНОВ

Дома стряпали пельмени. Паша от пельменей отлынивал — не любил стряпать, говорил, что у него аллергия на муку. Он подсел, когда тарелка стояла на столе. Отец выпил. Паша пить не любил:

— Не, лучше компотику или молочка.

На «или молочка» в семье была своя реакция. Когда Пашу на гражданку «выдавило», он устроился на молокозавод каким-то замом. С работы приходил и просил молока. Вся семья смеялась: «Пашка, ты же с молокозавода, какое молоко?!»

Ничего у него там не вышло. Шоферов начал прижимать с приписками, несунув — чтобы не воровали. Хотел «образцовое» предприятие сделать. На заводе саботаж начался. А когда работяги при нем стали говорить «ментозавод», Паша вовсе пригорюнился: «Надо сваливать отсюда. Посадят прежде, чем воровать...» Отец его на свой завод категорически отказался устраивать. «Ты, — говорит, — со своими закидонами только позорить меня будешь».

Но Паша добро и зло умеет отличать, оттого к нему люди тянутся. Он и в милиции, бывало, работягу не засадит — он и в воре человека выдит; а вот на мерзавцев, взяточников разных нюх у него отменный был. Недаром Учитель его ценил, обратно звал. Но Паша не то чтобы обиделся, Паша его за бога почитал, на самый высокий пьедестал ставил... Только Учитель тоже был человек, а не бог. И видел Паша Баранов, как он бился, «копал», а потом вся работа уходила насмарку; вроде дело уже в кармане — нет, какой-то шлюз откроется, и опять ушла рыбка...

Дружба у него с милицией не кончилась. То Паша в управе толчется, то к нему опера звонят и идут. Сидят, балакают.

— Паша, ты уже не в угрозыске, что ты скачешь? — скажет Лариса.

— Нужен, выходит, — он ей рожницу состроит и добавит, уже серьезно: — Я, Лариска, люблю, когда в дверь звонят, это хорошо!

Про кооперативы Паша сказал: «Это даже не передовая, это — разведка, это ж то, что надо!.. Барабан на шею, и вперед!» — и тут же втянул Булдина. Продал телевизор, у матери тысячу с книжки взял, с уговором по двадцать «рр» с зарплаты; Олег стенку, свадебный подарок, продал, его домашние запилили... И купили они дом за четыре тысячи плюс последующая доплата. Хотел Паша Баранов кампинг для шоферов сделать, рядом с трактом. С женами договорились горячую еду готовить, да не как-нибудь, а по-домашнему. Паша за макаронами тонкими в Свердловск съездил, тогда они еще были. Термоса военные закупили. Баньку славную отгрохали сами... На трассе шоферов выспрашивали о ценах — не накладно ли покажется, и вообще, что нужно. Целую дачу шоферскую планировали: люди отдыхают, а у них машины вымыты, осмотрены. Даже о бензозаправке подумывали. Кооператив «Урал» уже был зарегистрирован. Но...

Пошли инспекции, комиссии.. Грибок обнаружили. Не такой уж он грибок — дом ядерный, надолго хватило бы.

Ничего и не вышло. Паша еще тогда подумал: «В грибок ли дело?» Когда, потом, в новом кооперативе, буксовало, он понял: палки в колеса будут ставить — это система. Строчилин прав: горисполкомовские колючки и шлагбаумы надо уметь обходить. Сложностей и без того полно — стоит ли из-за мелочи тормозить дело? Есть Система, и надо умудриться при ней быть родными детьми, а не пацанками. Зато какие перспективы, какие возможности!.. Обои впереди, которых днем с огнем не сыщешь!.. Сложно, мужики, но интересно!

«...Я люблю, когда звонят в дверь». На этот раз тоже свой пришел — Миша Шушунов.

— Ну, что, Евгений Павлович, часика через два вернусь, — сказал Паша Баранов сыну Женке. У них в роду все мужчины с именными перевертышами: дед — Павел Евгеньевич, отец — Евгений Павлович, сын — Павел Евгеньевич, внук — опять Евгений Павлович.

Лариса немножко надулась: опять какие-то Пашины бредни. Подошла к окну, и сердце у нее екнуло... Из-за дома вывернула машина, и Паша вдруг пошел, как под конвоем, руки за спину.

...На суде Паша Баранов скажет:

— Не знаю, какой рэкет подключился раньше — «беловоротничковый», чиновничий, или черный, уголовный; но он обступил нас со всех сторон. Мы вынуждены были подлаживаться к одному и защищаться от других. Кооператив никого не обманывал. Он сам оказался в тисках целой социальной системы.

ЖЕНЯ

Строчилин уже знал, что парни арестованы за патроны. Он ругал Пашу за то, что тот нажил себе так много врагов и выпустил ситуацию с боеприпасами из рук. Но делать было нечего, сейчас важно другое — надо спасать кооператив, надо позаботиться о семьях. Надо брать воз на себя, пока с ребятами разберутся, и двигать дальше. Он никогда не переставал думать о деле, даже тогда, когда рэкетеры загибали «дворники» у его машины и грозили расправой. О них он вообще сейчас не думал: сидят и пусть сидят.

Женя Строчилин был и остался деловым человеком. К выпуску паркета они практически готовы. Машины в типографии уже работают на обои. Сейчас ему нужен вагон обойной бумаги; он перевернул весь Свердловск и, наконец, договорился о закупе в Челябинске. За вагон просили 91 000, плата один к трем как за дефицитный фонд. Вот-вот поступят в банк деньги от реализации — он уже представлял всю эту финансовую картину.

Женя поехал в Челябинск, но не доехал — его «жигуля» стукнул «КамАЗ»; и Еня очутился в областной больнице с пробитой височной артерией и сотрясением мозга. Дня через два его попросили к телефону. Он дошел, держась за стенку. Звонила жена, Ирина:

— Шушунов был. Требовал документы по кооперативу. Я сказала, что без тебя нечего не дам.

— Он предъявил тебе ордер на обыск?.. Малышка, ничего не давай, пошли его к чертовой матери! Я приеду...

Он все еще не верил, что что-то может угрожать кооперативу. Срок выплаты долгов не подошел, средства вкладываются в развитие, шансы хорошие. Но когда он появился, с еще забинтованной головой, дома, ему предъявили ордер на изъятие... И Женя, отдав пачку документов, поехал в Москву — искать адвокатов.

Возвратился 4 мая.

— Я ни с чем приехал, — сказал жене. — Адвокаты дико дорогие — а вдруг зря... Ничего же не ясно: что предъявляют, в чем вина?

— У тебя сегодня встреча с Шушуновым. Не получишь ли...

— Не бойся. Это просто разговор, ничего такого нет.

Женя взял такси и поехал. Встреча была назначена на кромке лесного массива. Только дверцу открыл — Шу-

шунов предъявил ему ордер на арест... В лесу полно машин. Несколько десятков милиционеров патрулируют окрест. Повыгоняли всех, кто отдыхал или устроил пикник. Недоуменным прохожим отвечали: «Мафию ловят...»

...В последнем слове Строчилин скажет:

— Рэкет сначала организуют местные власти. Откажи мы в первой же просьбе — этой ситуации не было бы. Но и кооператива не было бы. Я все понимал, но не видел выхода. Преступником себя не считаю.

Учитель, получив патроны и заявление о фиктивных ведомостях, проводил «разработку» дальше. Выдернув на крючок, как карася из пруда, Пашу Баранова, он ставил сети на большую рыбу, рассчитывал с помощью парней «почистить» в самом верху. К кооперативам Учитель относился негативно, но и профессионально: новые хлопоты. Уход в кооператив Баранова и друзей принял как личное оскорбление. Но сейчас у парней были в руках козыри против высокопоставленных взяточников; на сей раз улики и факты были бесспорными, ставка на разоблачение должностных преступников казалась беспроигрышной.

Будто вернулись старые времена, когда Учитель и Паша работали вместе: Паша снова стал соратником, и цель у них снова была одна. Учителю легко было убедить Пашу. Временами он притягивался к умным Пашкиным глазам, нечаянно удивлялся, что тот не в форме, и тут же спохватывался: Паша сейчас перед ним в другом качестве. Все-таки эти парни были настоящие розыскники, и надо было им связываться с этим кооперативом...

По просьбе Учителя Паша Баранов написал о негативных явлениях в высших эшелонах власти.

...И что мы всех судим и садим? Садим и судим? В каждом городе — по несколько районных судов, в каждом суде — несколько залов судебных заседаний, и в каждом по очереди целыми днями кого-то судят... Идет какой-то всеобщий судебный процесс!

Судья Мягков, Александр Борисович, слывет человеком независимым. Он сам водит машину — «жигули»-шестерку, и с этим громоздким делом он выехал, как на перекресток, где не существует правил движения: новые законы не придуманы, а в старые ситуация плохо укладывается. Мягков понимал, что оценки и подходы к кооперативу должны быть как к артельному предприятию, и все-таки судил по законам предприятия государственного. Ему хотелось временами поменять ролями пострадавших и преступников, но он скрупулезно следовал словарю следствия. Он догадывался, что сдача патронов была подлостью, но магическое слово «боеприпасы» торчало из закона, которому он единственно подчинялся. Он понимал, что требование долга до срока неправомечно, но не решился передать дело в его финансовой части в арбитраж. Он понимал, что в жизни лучше всего рассчитаться с негодями собственноручно, но тогда останется «безработной» соответствующая уголовная статья...

Слуга несовершеннолетнего закона. Тяжеловесного, неповоротливого, стоящего как застывшая глыба, как омертвевший монумент... Все статьи — в затылок, и ни одна не выгнет, чтобы посмотреть в лицо человеку, в его душу, да и просто вокруг — может, там что-то происходит?

Все наши деяния подходят под статьи уголовного кодекса — вот в чем Истина, которую ищут следствие и суд. Тогда где же статьи, которые так же карали бы социальную нестабильность, житейскую нашу неустроенность, сегодняшнюю кооперативную круговерть? Идет распределение кары по статейному стандарту: виноват всегда Человек, и никогда — Общество.

...Даже в самый тяжелый момент жизни человек остается самим собой. «Вы же будущий юрист, — мягко упрекает судья Строчилина. — Вы же студент юридического института...» На что Женя реагирует с улыбкой: «Я не

студент, я двоечник». Нормально, Женя, с юмором у тебя по-прежнему все в порядке...

У Строчилина глаза живут сами по себе — будто морская волна плещется; прямая линия бровей это море отделяет, как кромка прибрежная, а дальше — пляж на добрую половину головы. У Паши на лице его вечная, какая-то дурашливая улыбка — кончики губ кверху; но вдруг сдвинется подбородок в одну сторону, а глаза вскинутся обязательно в другую — и сразу видно, хоть он и смеется: какой же это серьезный умница. Бывает ум мрачный, гобсековский, а у Паши он сияет, как нимб. У Олега улыбка не каждую минуту на лицо выбежит; набычится, глаза в одну точку уставит — ну, мрачный тип... А через секунду — совершенно другой человек, и ничего не изменилось — просто Олег улыбнулся, да так искренне, лучезарно, светло, как улыбаются только дети.

Это — зрелище, когда они, все трое, улыбаются... Сани Февралева за барьерчиком нет — он в зале и на улыбку не так-то прост. У Сани масочка. У Сани тяжелая ноша: он один останется на свободе и будет биться за них за всех.

...Строчилину — 9 лет лишения свободы.

Баранову — 9 лет лишения свободы.

Булдину — 8 лет лишения свободы.

Февралеву — 3 года, с направлением на стройки народного хозяйства.

...Учитель ловил на живца и просчитался. Рыба оказалась скользкая и, едва дав поддержать себя в руках, ушла. Не оправдали парни его надежд — не смогли раскрутить взятки. Их повинная оказалась бесполезной. Как квалифицированно они прищучили рэкетиров, а тут что-то не сработало... Учитель не видел изъянов профессиональных — тогда почему?! В который раз он думал с горечью: человек волчком крутится на одном и том же месте и понять не может: где выход? А ему бы давно понять: крутится и бюрократическая машина, и крутится как раз для того, чтобы выхода у человека не было. И ловко получается!.. Жаловаться некуда, не на что и кому...

Учитель не был на суде, но он следил за ним. Он знал, как день за днем доказывают вину его бывших подопечных. Ему и в голову не приходило спросить: а где вина Общества за ту неразбериху, в которую попали эти парни? Это они-то опасны?! А разве социальная опасность Общества не создает личную опасность для каждого его гражданина — это какой закон учтет?.. Закон, на страже которого стоит и он, Учитель, с преступной легкостью переступает через людей. Он дает не искупление, а озлобление, искалеченную жизнь и загубленную судьбу.

Знал Учитель: взять большую рыбу трудно. Но все-таки рассчитывал на своих бывших оперов. И когда увидел, что их переселили, — понял, что погубил их. Недооценил он «ту» силу. В этой борьбе добра и зла, благородства и низости, праведности и беззакония, в этой возне ведомственных интриг и самолюбий Паша Баранов оказался уязвимее. Удал больно, а удалым зубы часто выбивают...

Его бывшие опера сядут. Сайтов, Черепанов и прочая прокрутятся на жареной сковородке «потерпевшими». Прокурора Мунтяна снимут с работы за «неблаговидные знакомства». Раиса Павловна Варганова уйдет из горисполкома без его усилий. И частное определение в адрес Якушева без следа исчезнет...

Когда ему придут отказные материалы на прокурора и зампредисполкома, он вздохнет и положит их в ящик стола.

Вольному — воля, спасенному — рай.

На трассе Уфа — Челябинск все же появился мотель для шоферов, как задумывал Паша Баранов, — с горячей пищей, с посильным техобслуживанием. Организовал его

кооператив «Уреньга». На этом участке дороги нет ни воды, ни электроэнергии... Отопление — на дровах и угле. На всем протяжении трассы — ни одной столовой, ни одного места отдыха; так что можно понять благодарности шоферов, которых круглосуточно ждут горячие блюда. В товарооборот Златоуста кооператив дает четверть миллиона рублей.

И вот — заметка в газете «Златоустовский рабочий».

«Нам непонятна позиция городских властей, которые, кажется, предприняли все возможное, чтобы кооператив распался. Дав согласие на его создание, администрация города в то же время запретила нам закуп продуктов; в государственных магазинах нам разрешено приобретать только соль, сухарь панировочный и сухой квас.

За год нашей работы у нас побывало 15 контролирующих и инспектирующих комиссий: райфинотдел — два раза, госторгинспекция — 1 раз, народный контроль 2 раза, прокуратура — 1 раз, Госкомцен — 1, пожарная инспекция — 2, санэпидстанция — 6 раз. Не слишком ли мощный пресс на единственный в городе пищевой кооператив из двенадцати человек?!

Нужны ли мы своему городу, если делается все, что сократит наше существование?»

...Кооператив «Малахит» при Паше Баранове существовал шесть месяцев. На пустом месте, без начальных средств, без опыта он сумел освоить несколько разных производств и успел дать государству 80 000 рублей чистой прибыли.

Следствие шло семь месяцев — ровно на месяц больше, чем существовал кооператив. За это время, старательно подводя под букву закона каждую житейскую ситуацию, следствие произвело многоотное дело, где далеко не все увязывается одно с другим.

Суд выдал свою продукцию: 27 искалеченных судеб. Из-за того, что обвиняемые попали в мясорубку социальных проблем, десяток их самых цветущих лет вырваны из жизни.

Их малолетние дети вырастут без отцов. В школе их уже попрекают: «Твой папа в тюрьме, ты молчи».

Их молодые жены — что с ними будет через девять лет?!

Их стареющие родители могут не дождаться сыновей. Увидит ли своего Пашку бывший танкист, честный труженик Евгений Павлович Баранов?..*

СУД и СУДЬБА. Какие разные слова... А корень — один.

* Е. П. Баранов умер в первый год заключения Паши. Спасибо ему за его честную жизнь; спасибо ему и за его неугомонного, хоть и не очень счастливого сына.

Юрий АЛАН

ПОД ЗНАКОМ МАРСА

О том, как начиналась атомная физика, написано много. О начале атомной биологии, или, точнее, радиобиологии, рассказов гораздо меньше. Истоки отечественной радиобиологии... Их было несколько. К одному из них, уральскому, мы и пойдём.

Жизнь их была необычной. Наука, которую они делали, стала откликом на злобу дня — понадобилось срочно выяснить биологическое действие радиоактивных веществ. Биологи сороковых годов оказались в эпицентре атомного века. Они не отставали от главных событий, были наравне со временем, были в полном смысле современными людьми. А с другой стороны, их как бы вынули из конкретных исторических обстоятельств. Им была предоставлена возможность труда, освобожденного от многих обычных препятствий. Им не мешали научные противники, не втягивали в дискуссии, которые не всегда обогащают открытыми истинами, а иногда и опустошают спорящих. Они работали в зоне недоступности для тогдашних сомнительных авангардистов от биологии. Им не нужно было защищать свою убежденность в том, что гены существуют, что они и только они материальные носители наследственности и что опаснее всего воздействие радиации на хромосомные клетки. Так пострадают потомки тех, кто впервые расщепил атом, кто пустил атомные электростанции. Энергия расщепленного атома расщепляет гены — вот что тревожило ученых. Наследуемые мутации! Искусственный мутагенез! Прямое воздействие радиации на гены! После взрыва атомной бомбы над Хиросимой и Нагасаки действие радиации на человека выявилось с ужасающей достоверностью.

Главные события атомной эры: взрыв первой атомной бомбы над Хиросимой — 6 августа 1945 года, первый атомный реактор в нашей стране пущен в 1946 году, первые в мире испытания ядерного оружия — осень 1953 года, первая в мире атомная электростанция пущена в Обнинске в 1954 году. И в общем-то, это действительно пророческие слова, которые сказал в 1948 году видный наш

Рисунок
Эдуарда Бубенщикова

генетик Н. П. Дубинин: «50 лет,— воскликнул я в ответ,— да вы что! Годы, считанные годы остались для их жизни. Разве в атомных взрывах перед вами не встает новая: радиационная генетика?» Действительно, высвобождение атомных сил стало причиной появления и радиобиологии, и радиационной генетики. В пятьдесят шестом году тот же Н. П. Дубинин стал изучать в Институте биофизики АН СССР влияние радиоактивных излучений на наследственность, тогда, когда за рубежом эти проблемы уже всесторонне рассматривались. Сначала облучали дрозофил. Потом мышей. И вдруг обнаружилось, что мыши в двадцать раз чувствительнее дрозофил к радиации. А человек? Были поставлены в пятьдесят восьмом году опыты на обезьянах. Обезьяны оказались чувствительнее мышей к радиации в два раза! Дубинин доказал, что не 150 рад, а всего лишь десять ломают хромосомы. Это было установлено довольно точно, потому что в семидесятые годы Академия наук США установила, что у человека удваивается естественная частота мутации при 20 радах. Близкие величины — 10 и 20 рад. Уже много в мире людей живет на фоне скрытой трагедии — на фоне удвоенной дозы радиации. Вторгаясь в атом, мы генетически рискуем.

Великий биолог мира Джон Холдейн считал, что печальные последствия от повышения фона радиации на земле больше всего ударят по четвертому-пятому поколению людей атомной эры. Человек не должен забывать, что он не муха и у него гораздо больше генов, а значит, он радиочувствительнее. В 1955 году Холдейн пишет полемическую статью: «Генетический эффект атомных взрывов». К голосу воинствующего гуманиста прислушались во всем мире. Жители Африки особенно уязвимы, говорил ученый. В своих тонкостенных хижинах они беззащитны перед радиоактивными осадками. Это все равно что от дождя скрываться под рыбацкой сетью.

Нужен мониторинг, чтобы представлять радиационную обстановку на Земле. Этого требует гигиена атомного века. Нужны надежные лекарства от радиации. Появились десятки протекторов, защищающих от атомных излучений. Цистамин, глутатион, тиомочевина, глицерол. Но когда лучше действуют эти препараты — до, или после, или в момент облучения? Хорошо бы давать населению радиоактивных районов витамины от радиации, пищевые добавки, снимающие «усталость» от облучения. Было создано международное агентство по атомной энергии. Его задача — не тормозить атомный прогресс, а сделать его гуманным. Но радиация становится будничностью. В этом ее главная опасность. Радиация опасна именно тем, что она не воспринимается всеми как великая беда. Ибо она не улавливается ни одним из наших органов чувств. Меньше страшит то, что мы не видим, не слышим, никак не ощущаем! К концу века около половины электроэнергии на Земном шаре будет получено за счет ядерной реакции. И надо чтобы не усиливался на земле добавочный фон радиации — слабел.

В последние годы своей жизни И. В. Курчатов высказывал парадокс: будущее физики — биология. Атомщик размышлял о воздействии радиации на живое, о способах ослабления этого воздействия, о большом будущем биологической науки.

Как начиналась атомная эра?

Весна атомной физики — весна 1896 года, когда Анри Беккерель обнаружил, что кристаллики урановой соли засветили фотопластинки в ящике его письменного стола. Впервые вещество без помощи солнца совершило такое. Это была не фосфоресценция, а невидимое излучение. Урановые лучи были открыты в один год с лучами Рентгена.

3 июня 1901 года мир узнал о биологическом действии радиации...

Анри Беккерель решил на научной конференции продемонстрировать радиоактивность наглядным способом. Он весь день носил в кармане жилета трубочку с ра-

дием. Вечером была конференция и состоялся доклад Беккереля. Экран эффективно светился даже тогда, когда исследователь поворачивался к нему спиной, то есть лучи радия, испускаемые трубочкой в кармане жилета, проходили сквозь тело ученого...

Через десять дней на коже, на том месте, где карман жилета, Беккерель обнаружил красное пятно, превратившееся вскоре в язву... И Пьер Кюри испытал радий. Он прикладывал ампулу с радием к руке и получил ожог, превратившийся в рану.

Ассистент Беккереля Луи Мату радиоактивным излучением ускорил прорастание семян. Вскоре были обнаружены целительные свойства радия при раке, впрочем, и то, что сама радиация вызывает рак...

Эйнштейн считал, что открытие огня и радиоактивности — одинаково крупные вехи в человеческой истории.

Увы, история цивилизации — это история совершенствования не орудий труда, а оружия, и встряхнул биологию боевой атом.

Уральский исток отечественной радиобиологии... Прошло четверть века. Ученые много помнят и рассказывают не о том, что трудно вспомнить, а о том, что нельзя забыть...

Страшились ли радиации первые радиобиологи?

Уже много позже, как известный генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский начал на Урале радиобиологические исследования, уже в конце пятидесятых годов, на биологической станции в Миассово, которая относилась к нынешнему Институту экологии растений и животных Уральского отделения АН СССР, случаи бестрепетного обращения с опасными изотопами были. Смешные и печальные истории.

Мне рассказывала о них Капитолина Андреевна Царапкина, работающая теперь в институте медицинской радиологии в Обнинске, человек деятельный, кипучий.

Она жила в Миассово «ежелетично». В пятьдесят седьмом году уже всю работала с дрозофилами, привезенными из Франции. Облучали мух, и с упоением наблюдали явный генетический эффект Тимофеев-Ресовский, шеф К. А. Царапкиной. Результат удачного опыта, когда наследуемость хромосомных поломок была особенно удачной, обсуждали все вместе. Весь день около пробирок счастливица толклись и восхищались научные сотрудники биостанции: «Кроссинговер! Какой красивый кроссинговер!»

Облучали горох. Первый ход: облучить, а затем замочить горох в растворе с различными химическими веществами. Второй ход: замочить, а потом облучить подопытный горошек. И конечно, и тот, и другой горох надо посеять и посмотреть, каким он вырастет. С этим растением работали охотно потому, что у него немного хромосом (семь пар). Всякие изменения тут виднее. Много было поставлено опытов, чтобы выяснить, где и как хранить облученный горох. И кстати, длительное хранение горошин принесло крупную удачу. Лев Царапкин (муж Капитолины Андреевны) лет через пять решил посмотреть мешочки с горохом. Посеял эти семена, вырастил урожай. Так обнаружилось: за эти годы поражение гороха ослабло. Значит, нужно искать закономерности, как меняется от времени и дозы эффект защиты от радиации, значит, есть основания для оптимизма — радиацию можно научить ослаблять.

Лев Царапкин безусловно воспринял от отца, крупного биолога, работавшего в двадцатые годы с Н. К. Кольцовым, эту способность: в скромном, невзрачном факте видеть глубокие тайны природы.

Капитолина Андреевна окончила Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта и должна была ехать работать начальником станции, и отец ее был рад, что у дочери будет такая серьезная служба, но она стала лаборанткой, чтобы быть вместе с мужем.

С утра Капитолина обходила со счетчиком радиоактивности «Карагач» рабочие места научных сотрудников. Однажды обнаружила «пятно» на веранде. Оказывается, один научный сотрудник (это была женщина) что-то выпаривала со фтором и пролила раствор. Пол веранды мыли — все равно «светит». Скоблили, скоблили — «светится». Пришлось доски вырвать и сжечь. Из соседней деревни приходила мыть полы и белье стирать одна женщина. Как ей ни объясняли, что пол на веранде грязный не потому, что земли ботинками натащили, а грязный он невидимо, — она не поняла, рассердилась даже — дурачат. Так же она не могла смириться с тем, что чистые полотенца и рубахи сжигают. Совсем, видать, уж с ума посходили, а люди грамотные и культурные. Она умоляла: «Люди добрые, дайте мне полотенца, я их прокипячу, и они еще чище станут, коли вы говорите, что они грязные». Ей снова объясняли: грязь — это радиоактивность, а ее не видно, и она не пахнет, и ее никак не почувствуешь, а только прибором и можно поймать эту грязь. Деревенская женщина выслушала и опять просила: «Дайте я прокипячу, не выбрасывайте еще годные полотенцы, не гневите господ бога!»

И некоторые научные сотрудники психологически были ненамного лучше подготовлены к работе с радиоактивными веществами, чем неученая женщина.

Разводили дистиллированной водой раствор с радиоактивными изотопами и не очень-то при этом береглись. Вытягивали шприцем из ампул изотопы и выливали в колбу. Все это проделывали спокойно. Не боялись схватить зное число рад, опасное для будущего здоровья...

Был случай... Один исследователь пошел в хранилище за ампулой с изотопами. И уронил там ее на цементный пол. Она разбилась. Он решил почистить пол и вылил на радиоактивное пятно кислоту. Дескать, кислота все выест. И никому не рассказал о своем приключении. Весь день люди ходили в хранилище за ампулами и наступали на пятно и растаскивали по всем комнатам коварную грязь. Капитолина Царапкина обнаружила это пятно на цементном полу только утром другого дня. Пришлось тем, кто ходил по грязи, сжечь обувь. И ходили, как пилигримы, босиком, пока не купили новые ботинки да туфли.

«Сам шеф был труден для дозиметрического контроля, — рассказывала Капитолина Андреевна. — Сделаешь ему замечание, что босиком ходить опасно, но в ответ буркнет: «Ерунда!» Найдешь пятно на рубахе, потребуешь ее не носить, в ответ: «Чушь!» И ходил он все лето, как портовый грузчик, — рубаха, шаровары, босиком».

Разумеется, в те годы уже умели и защищаться от радиации. Носили фартуки, свинцовые. Пробы считали в особых камерах. Скажем, пробы высушенных растений и частей животных. Попыты были такие. В аквариуме со стронцием держали карпа. Потом его вынимали и обмывали и пускали в аквариум с чистой водой. Затем потрошили рыбину. Сушили в муфельной печи. Сжигали. И считали радиоактивность: сколько на единицу веса золы изотопов.

Строили систему прудов. Этим занимался сам Тимофеев-Ресовский. В верхнем прудике заражали воду и наблюдали, как она, проходя через остальные пруды, очищается. Ясно, что понять, как самоочищается вода от радиоактивности, нужно было для того, чтобы дать рекомендации атомным электростанциям. Рисковал ли Ресовский, бродя вокруг своих прудов? Он считал — нет. И похоже, был прав. Прошло много лет, и ничего такого с его здоровьем не произошло... Доза облучения была мизерной.

О молодости советской радиобиологии мы говорили с ленинградским профессором Самуилом Наумовичем Александровым. Он в пятидесятые годы приехал на Урал, в Миассово, на «трепы», организованные Тимофеевым-Ресовским. Он ветеран своего рентгено-радиологического института в Ленинграде, в который пришел в сорок четвертом году. Да, молодость не убоялась лучевого по-

ражения. Фронтвики иронизировали над опасениями: пуля казалась им страшнее невидимых лучей, пуля была реальной опасностью, а излучение, дескать, — химера.

Но были и факты лучевого поражения... Жена Александрова поправляла шток кобальтовой пушки, из которой обстреливают опухоль, и обожгла палец. Образовалась язвочка.

Палату не сделаешь размером с самолетный ангар, а лучшая защита от облучения — расстояние. Стекланные капилляры с радиоактивным радоном вводились в район опухоли. Конечно, слабо, едва уловимо, но больные взаимно облучали друг друга в обыкновенной палате, где койки рядом.

Иногда врачи теряли капилляры с радоном. Тогда включали свет и видели, как в темноте ампула светилась зеленоватым светом. Близорукие защищались очками, когда, наклонившись, искали эти потерянные ампулы. А те, кто не носил очков?

В несгораемом шкафу хранили ампулы с солями радия. И вот их брали оттуда пинцетом и выливали соли в раствор белка. Как при этом оберегались от поражения? Старались делать все быстро. Наивная, конечно, как мы теперь знаем, мера предосторожности!

Было развлечение... Ветку нераспустившейся сирени ставили в толстый свинцовый футляр с источником гамма-излучения. Подсвеченная сирень быстро расцветала.

Профессор Александров вспоминает об одном своем коллеге, написавшем сразу после войны в институтскую стенгазету заметку о том, что радиация опаснее всего на свете, что радиобиологи беспечны. Его прозвали перестраховщиком. Зачем вспоминать о былых опасностях? Время устанавливает истины. Беседы с ветеранами отечественной радиобиологии говорят: не было в сороковые — пятидесятые годы трагедий, не было и высшей разумности в опытах с радиоактивными веществами. Сами радиобиологи не считают, что они рисковали, геройствовали во имя движения своей науки вперед. И все же они рисковали, потому что тридцать пять лет назад они сами не знали всех тонкостей воздействия излучения на человека, а никто иной, естественно, проникнуть в эти тайны не мог — только они сами. Только рискуя, можно устранить риск. Рискуют первопроходцы. О них и рассказ.

На берегу одного уральского озера сразу после войны возник этот городок, такой, какие много позже станут называть научными городками. Здесь исследователи и жили, и работали. Они выполняли правительственное задание. Суть всех работ — выяснить биологическое действие атомных излучений. Коллектив был неслыханно разноворожен: молодые и маститые ученые, вчерашние фронтвики и реабилитированные, иностранные специалисты...

Это была наука под знаком атомного Марса.

Вспоминают ветераны радиобиологии...

Елизавета Николаевна Сакурова:

— Я приехала туда выпускницей Московского университета. Меня увлекла микробиология, но пришлось работать с доктором Вольфгангом Менке, который облучал споры папоротника рентгеновскими лучами. Это был удручающе аккуратный экспериментатор. И наверно, оттого, что меня не заиграла работа с растениями, аккуратность Менке тяготила. И я попросила разрешения заниматься бактериями по вечерам. Тимофеев-Ресовский позволил и подписал вечерний пропуск. И когда я установила, что излучатели действуют стимулирующе на азотфиксирующие бактерии, и рассказала об этом Тимофееву-Ресовскому, он похвалил, и для меня это имело стимулирующее действие... Облучение подстегивает, буквально взрывает жизнь на микроуровне. Прирост бактерий возрос в триста раз! В этом я убедилась, ставя опыты. Это теперь во всем мире изучают феномен радиостимуляции, а тогда... Я увидела также, что разные бактерии по-разному реагируют на облучение. В чем тут тайна? Никто

этого не знал. Это была глубокая тайна. Тем она больше волновала.

Позднее я работала с австрийским химиком доктором Пани. Это был добродушный человек, отец пяти дочек. Но однажды он в булочной «законфликтывал». Было так. Пани попросил продавца:

— Дайте мне печенку с коровой.

— Это не здесь, товарищ,— пояснила продавщица.— Печенку вы можете купить в другом отделе.

— Нет, печенка с коровой здесь,— улыбался Пани.

— Я вам повторяю, что коровья печенка в мясном отделе.

— Нет, печенка с коровой здесь! — покраснел Пани.

— Ну, хорошо, тогда покажите мне, где она лежит,— попросила продавщица.

Доктор Пани показал на пачку сливочного печенья с коровой, нарисованной на обертке.

После этого случая доктор Пани сказал мне: «Лиза, давай я вам — немецкий язык, вы мне — русский».

Еще вспоминаю комический случай с Пани. Вбегает он в мою лабораторную комнату и просит дать ему скорее кусок беляя. Я ничего понять не могла. Только когда он сказал возбужденно: «Фойер, фойер!», догадалась, что у него там что-то горит. Побежала — точно, маленький пожар, и доктор Пани просил у меня тряпку сбить пламя.

Вспоминаю еще одного иностранного специалиста — Рила. Всегда курил сигары и пил крепкий кофе. Носил клетчатый пиджак. Словом, выглядел, как бизнесмен, какими их рисуют обычно наши художники. Риль с одинаковой серьезностью мог доставать тряпку для уборщицы и дорогой научный прибор для Тимофеева-Ресовского.

Некоторые ребята, дети иностранных специалистов, вступали в пионеры и ходили в школу под нашими уральскими соснами с красными галстуками на груди. Говорят, что через много лет, уже став взрослыми, там, за границей, они и работу себе выбрали такую, где нужны знания русского языка... Детство не забывается!

Вячеслав Степанович Перов:

— Меня до сих пор поражает, какой «юшкой» был наш коллектив. Юшкой мы называли тогда нерасщепленный атом, осколки, которые хранились в специальных баках и шли на опыты. Например, в юшке замачивали семена растений. Что было общего между мной, фронтовиком, воевавшим против фашистов, и Циммером, известным ученым, немцем... Вначале я никак не мог совладать с эмоциями. Я и Циммер! И похоже, мы не очень-то любили друг друга. Иногда мне казалось, что при виде меня у Циммера белеет кончик носа. Но он был предельно вежлив и с особой аккуратностью выполнял все мои просьбы, не позволял небрежности по отношению ко мне. Шли первые послевоенные годы. После такой страшной войны было стыдно от мысли, что ты конфликтуеть с тем, с кем делаешь одно дело. Почему я так обостренно реагировал — понятно. Воевал на Невской Дубраве, под Ленинградом. Был ранен, видел блокаду. Это трагедия всех времен, и, думаю, не каждый имеет моральное право писать о жизни блокадного Ленинграда. Однажды человек, переживший блокаду, рассказывал, как умирала мать его школьного товарища, рассказывал и плакал. А некто говорит: «Фронтовик, а плачете, да ведь к тому же и не ваша мама умирала, а вашего товарища». Этот человек никогда не поймет, что такое блокада Ленинграда!..

И вот как-то случилось со мной такое — допустил я служебную оплошность. Циммер мне и говорит, что начальству о моем промахе докладывать не станет, чтобы у меня не было неприятностей. И у нас состоялся такой диалог.

— Успокойтесь, я не стану докладывать,— сказал Циммер.

— Я хочу, чтобы вы доложили,— говорю я.

— Нет, я не пойду,— проявлял великодушие Циммер.

— Пойдемте вместе,— говорю я.

— И вместе с вами не пойду, вам грозят неприятности...

— Тогда я один пойду! — говорю.

— Не ходите, вам будет плохо.

Я пошел, разумеется, и рассказал о своем проступке полковнику Уралцу. И попросил его обяснить Циммеру, что я — офицер, фронтовик, и не могу себе позволить принимать покровительство от него, Циммера, и хочу надеяться, что никогда он не оскорбит меня подобным предложением...

С волнением вспоминаю те годы. Мы прошли великолепную школу жизни. Бывало трудно. В скважине, на глубине тридцати метров, была у нас кобальтовая пушка. Там, под землей, мы ею обстреливали всевозможные мишени. Иногда пушка ломалась. Ее надо было поднять. Но как к ней подступиться, чтобы не облучила? Рыли извилистую траншею и окоп, из которого дотягивались до пушки; подняв над головой руки в свинцовых перчатках. В такой ситуации нужен робот, коему не страшна радиация, но их, кажется, и сейчас мало, подобных роботов, а тогда и подавно...

Много шутили... Была в городке детский врач Ангелина Пименовна. Пошла она гулять к озеру, поскользнулась и упала. То скользкое место с тех пор стали звать Мысом Падения Ангелины. Зимой озеро становилось катком, надо было только счищать снег на льду у берега, где мы и катались. Директором катка обычно был тот, кто в чем-то провинился и наказан, и потому обязан был чистить каток или организовывать на этот подвиг других. На берегу этого чистого озера и в отношениях между людьми была удивительная ясность...

Николай Викторович Лучник, профессор, заведующий отделом биофизики Института медицинской радиологии Министерства здравоохранения СССР:

— Большинство там, на уральском озере, были не классики науки, а молодежь. Однако влияние тех лет в отечественной радиобиологии чувствуется до сих пор. Вовремя возник тот коллектив — в самом начале атомного века, после взрыва атомной бомбы. И вовремя коллектив распался, сделав главные работы. Феномен прост: нам не мешали работать и было удобно жить, даже женщины работали, не ощущая тягот быта. Были ясли, в которых дети почему-то не болели. Мой сын, Андрей, приезжал в ясли в коляске, то есть совершенно малюткой, но Ангелина Пименовна уберегла от простуд и такую кроху. И мужчины работали, как черти. Сейчас об эмансипации говорят снайперски точно: она одним концом бьет по женщине, другим по мужику...

На озере не было суеты, лишних людей, соблазнов, всякого сора в отношениях между людьми. Во всем надежная простота. В еде, например. Какие были в магазине продукты — скромный выбор. Только что война кончилась.

Под окнами росла земляника. На озере ловили сига. О цивилизации забывали. Развлекали себя. Была художественная самодеятельность. Хор. Плавали на лодках под парусом. А люди были крайне разными. Циммер, например, запомнился мне тем, что был пессимистом по убеждению. Однажды он говорил мне такое... Я не поверил ушам: он говорил, что из-за войны потерял свою могилу. Получалось странно. Если он умер, то почему жив? Оказалось все просто: я забыл об обычаях немцев покупать загодя себе место на кладбище. Циммер купил место для своей будущей могилы, но теперь эти земли отошли Чехословакии. Детей этот человек не имел по убеждению. Зачем множить на земле несчастных, потому что жизнь — несчастье. А для науки этот пессимист сделал больше многих оптимистов, это был крупный ученый.

Я попал на озеро необычным путем. Шла война, я работал в военном строительном отряде. Мне было двадцать лет, до войны я успел закончить два курса биофизика МГУ очно и два курса мехмата заочно. Вечерами в казарме я работал как ученый, теоретизировал. Не много и не мало. Разработал новую теорию строения атомного ядра! Пророчил в своей работе также возможность термоядерного

синтеза. Мою дерзкую работу прочитал командир, и он немедленно передал мою тетрадь по инстанции, видимо, остерегался, что его обвинят в сокрытии такого таланта. Так тетрадоочка поднималась, поднималась по ступеням иерархии, и вдруг меня вызывают к начальству и говорят: поедешь в другой город, где тебе приказано защищать свои идеи перед экспертами. И вот я, худой, со стриженной головой, совсем еще зеленый исследователь, предстал перед столом, за которым сидят генерал и люди академической внешности в штатском. Ну, думаю, крышка. Сейчас завалят, и за то, что морочил голову важным людям, по условиям военного времени мне будет серьезное наказание.

И действительно, со мной стали спорить и разрушать все мои построения. Я умолк. И слышу: «Что же, научной работой может заниматься...»

Так меня направили на Озеро. И еще долго, до пятидесяти девятого года, у меня не было времени заняться своим образованием. А в пятьдесят девятом году я подготовил кандидатскую работу, это было уже в Свердловске, и академик Станислав Семенович Шварц (покойный ныне) запросил Москву, можно ли мне защищать диссертацию без университетского диплома. Ответили: по возрасту — нельзя, пусть сначала пройдет пятилетний курс учебы в университете, а потом защищает диссертацию. Я за год закончил биофак Уральского университета, в котором уже к тому времени сам читал студентам лекции... И после этого сразу же защитился.

Все мои нынешние идеи — отсюда, с Озера, из молодости... Вот подаю заявку на открытие. В чем суть идеи? Раковые клетки можно убивать ложными мутагенами. Американцы уже даже нащупали лечебный метод, отгалкиваясь от этой идеи, и опередили всех в мире. У нас есть теория этого дела, а вот до клиники нам еще далеко. Никто не думал в этом направлении. В присутствии некоторых веществ поврежденные хромосомы не восстанавливаются. Значит, так можно подтолкнуть к распаду раковые клетки, в которых всегда есть нарушения. Значит, здоровые клетки не будут повреждаться от этих веществ. О ложном мутагенезе я делал доклад на международном конгрессе.

Восстановление поврежденных хромосом... Ранее считали, что хромосома никогда не восстанавливается, если ее повредила радиация. И это была страшная догадка, самая страшная, быть может, догадка нашего века. Что ждало бы тогда человечество? Распад генов — распад человечества... Затем появились доказательства: хромосомы восстанавливаемы. Как кость, перебитая пулей, срастается, так хромосома, поврежденная лучами, восстанавливается...

Нина Александровна Васильева, инженер:

— Я закончила школу в сорок восьмом году. На Озере жила у своего дяди Анатолия Алексеевича Горюнова, радиохимика. Мечтала быть либо штурманом дальнего плавания, либо биологом. После неудачного поступления в университет я вернулась на Озеро и стала пионервожатой. Я была тогда невозможно подвижной и принципиальной. Если жена полковника Уральца приходила в школу, мне казалось, что она пришла, конечно же, вмешиваться в дела педагогов, и я насккивала на нее. А самого полковника обходила стороной. Он был высокий, статный, с усами. Энергичный, он притягивал к себе людей. Мне хотелось поговорить с ним о нашей школе, но я сердилась на него — дескать, дает волю жене.

Скоро я стала работать в биологическом отделе Тимофеева-Ресовского. Он часто встречал меня в городке: то бегу в клуб, то в школу, то на спортплощадку. «А-а, — сказал он однажды, — легкая кавалерия! Будешь работать биологом?» Так мне пришлось сдружить свою подвижность с усидчивостью. Вера Николаевна Стрельцова была предельно требовательным исследователем.

А вот недавно у меня случилось такое... В мою лабораторию пришел новый человек — ветеринарный врач. Он решил стать научным сотрудником. И тут, через несколь-

ко дней, вдруг объявляют, что к нам в лабораторные комнаты придет санитарный инспектор. Меня в институте не было, болела. Когда пришла, поразилась: нигде нет моих образцов, добытых таким тяжелым трудом. Кому они могли понадобиться? И мне подсказали: а не выкинул ли их новичок? Так и оказалось — выкинул. Пришлось идти на свалку и спасать образцы, по крайней мере, год работы пропал бы, приди машина за мусорным контейнером на час раньше меня... Не могу понять, как он мог с чужого стола сгрести склянки только потому, что они стояли, с его точки зрения, бесхозно, портили интерьер... Вспоминая: на Озере я опасалась даже тронуть пальцем без разрешения лабораторную посуду, у Стрельцовой был строгий порядок, а с точки зрения гостя, быть может, порядок и не был строгим, точнее сказать, у каждого исследователя на рабочем месте свой порядок. Не могу забыть случай, когда около кресла, в которое обычно Вера Николаевна забиралась с ногами и или читала, или писала, дозиметристы обнаружили радиопятно. Я уж думала: не винить ли мне себя, не я ли пролила?.. Помыли пятно. Пятно светится. Поскребли пятно — светится. Не сразу догадались, что источник излучения — этажом ниже. В шкафу стояла забытая проба, она и лучила прямо в потолок...

Когда полковник Уралец уезжал с Озера, на прощальном вечере подошел ко мне с рюмкой в руке: «Ну, а ты, колючка, за что на меня сердилась?» — «Вы волю же давали!» — выпалила я. Уралец от души рассмеялся. И мне стало легко, и я тоже смеялась.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, доктор биологических наук:

— Боевой атом тогда, в послевоенные годы, называли Марсом. Все мы, радиобиологи, были под знаком нового Марса. Разумеется, самое массовое поражение людей атомным излучением возможно лишь во время войны, и биологическое действие излучения надо было изучать. Это фундаментальная задача. Изучение того, как действует радиация на все живое, не закончится ни в этом веке, ни в следующем. Так сложна картина этого взаимодействия. Больше двух десятков работ сделал наш коллектив на Озере, все они опубликованы в трудах нынешнего Института экологии растений и животных Уральского научного центра.

У меня на Озере были экспериментальные пруды для биологической очистки пораженной радиацией воды. В прудах были посажены водные растения, запущены караси. На подпорках стоял бак с юшкой, она текла в верхний пруд. Из этого пруда был сток в трубу, начиненную почвой. Так мы ловили, где и как собираются изотопы. Сколько их поглощает пруд, сколько фильтр с почвой, сколько их проходит через фильтр. Была вырыта и цепочка прудов. Юшка проходила через них. Вернадский в Петергофе еще в двадцатые годы измерял естественное содержание изотопов в воде и в планктоне. Заметил: в планктоне изотопов больше. Я давно обратил внимание на эту работу Вернадского о накоплении рассеянных элементов животными организмами.

Были у меня на Озере грядки. Выявляли разницу между почвой и растениями, их способности накапливать радиоактивные вещества. Иные люди чрезмерно тревожатся, когда пишут о вредном действии радиоактивности. По моему, дым от заводских труб вреднее. Защита от радиации ныне могучая, гораздо хуже мы защищаемся от химических ядов, которые падают к нам в тарелки, в стаканы с молоком. Удобрения сыпать, конечно, проще, а вот автоматического уборщика навоза с ферм инженеры до сих пор не придумали. И навоз выходит из моды, безвредный навоз... И летают всюду частицы минеральных удобрений, рассыпанных в громадных количествах... Нет, радиация ныне неопасна, а вот будущее человечества — поистине атомная эра, когда на планете построят тысячи атомных электростанций, — будущее может быть опасным, если голос радиобиолога не будет услышан...

Свердловск — Обнинск,
1978 г.

Леонид Федорович Смелков (1942 г.) живет и работает в городе Глазове Удмуртской АССР.

Первые попытки творческого приобщения к поэзии сделаны им в ранней юности, сразу после потери зрения.

Осмелюсь высказать предположение, что люди, объединенные страшным несчастьем слепоты, в своей незрячести не видят все-таки по-разному. Одни из них находятся дальше от света, другие — ближе к нему. Он по летучему солнечному зайчику, по звенящему струной лучику добывается из беспрестанных усилий души, направленных на добро. И стихи — еще один рывок Леонида Смелкова к свету.

Еще один... еще...

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
народный поэт Удмуртии

Леонид СМЕЛКОВ

* * *

От перрона обычный... нескорый
Скоро тронется в гулкую даль.
Привези ты мне камушек с моря,
Чтоб тебя вспоминать мне всегда.

Пусть другие сулят милым горы —
Веет стынью с холодных вершин.
Привези ты мне камушек с моря,
Человек беспокойной души.

В нем, вобравшем и штили,
и штормы,
Все непросто, как в женской судьбе.
Привези ты мне камушек с моря —
Море можешь оставить себе.

* * *

Сходились, как пешки,
в безумной игре
И вновь расходились,
себе ненавистны.
Весной на простуженном
черном дворе
Горят твои письма.

Их блики толпою бегут вдоль стены,
А пламя за ними крадется по-лиси.
Гляжу от своей половинной вины:
Горят твои письма.

Не мы ли, как звери
в пожаре лесном,

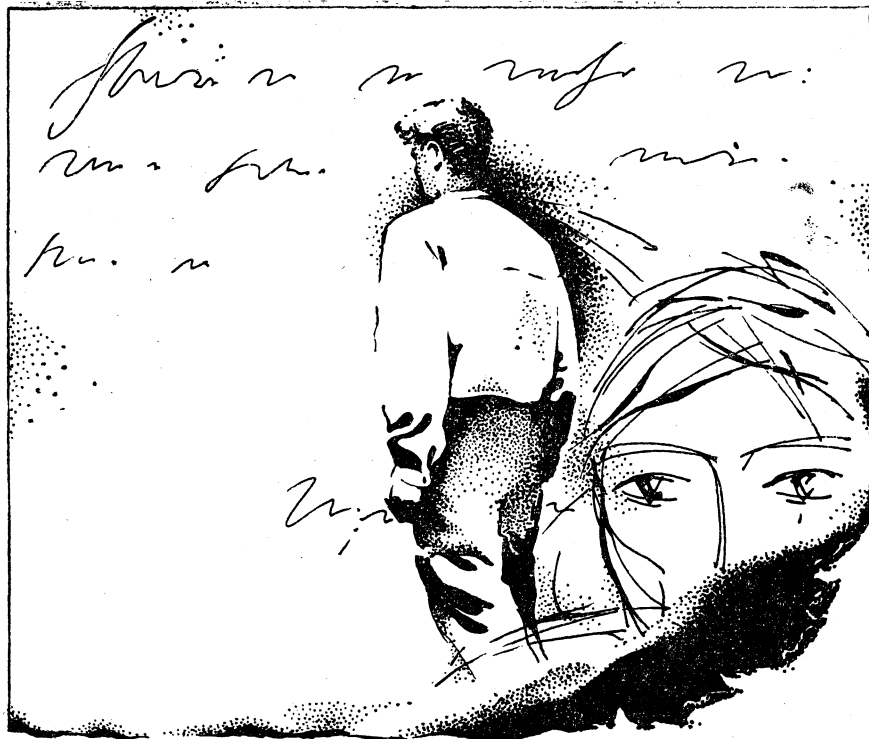

Рисунок Эдуарда Бубенщикова

Метались, искали от встреч наших
смысла!
Но, милая, вот нас куда занесло:
Горят твои письма.

Все кончено — можно теперь
о другом,
И звезды прощальным салютом
повисли.
Они полыхают зеленым огнем —
Горят твои письма.

Ищи, если хочешь, истоки причин:
Сплошь в пепле, от них мы уже
не зависим.
На черном дворе и высоко в ночи
Горят твои письма.

* * *

Если хочешь женщину понять,
Сыном любящим взгляни на мать;
На жену и дочь, коль есть они,
Мужем верным и отцом взгляни.

На сестру по-братски посмотри,
На невесту — как на свет зари;
Глянь, как внук, на бабушкину боль
И, как дед, на внучкину любовь.

Среди бела дня или в ночи
Не спеши судьей быть — помолчи;
Помолчи, хоть не привык молчать,
Если хочешь женщину понять.

* * *

Ничего мы не знаем о зле,
Нарождаясь — чтоб жить — на земле.
А меж тем непутевая злость
Вечно грызлась за каждую кость.

Годы мчатся —
И ты все больней
В жизни хочешь добра для людей,
Но и тут мы до крайней поры
Даже с злостью бываем добры.

Битва с нею, увы, нелегка:
Так и сяк —
Не сдастся никак!
Ведь и нынче, как прежде велось,
Злость грызется за каждую кость.

...В две горчайших морщинки у рта
Обошлась мне моя доброта.

Виталий РЫСЕВ

ВИКИНГ

Рассказ

Подмосковье пронизано, словно древесный лист, прожилками железных дорог. И где бы ты ни был — загораешь ли на гудящей шмелями поляне, плывешь ли по неглубокой реке мимо резных скамеечек, заботливо поставленных здесь, и тихих пьяниц, пугливых, словно лани, — всегда и всюду слышен гул электрички.

Уже три лета бродил он по этим местам, по этой исконной Руси, начинающейся сразу за очерченной державным циркулем кольцевой дорогой. Голубоглазый викинг, покрытый медовым загаром, со схваченными тесьмой волосами, вьющимися на ветру неким стягом древних времен. Недоучившийся студент архивного института, в стенах которого красавец ректор, язвительный, как Савонарола, клеймит погрязшее во грехах общество.

Года три назад Викинг, или Тарзан, как еще его называли в некоторых кругах, почувствовал в себе буйную кровь варягов, быть может действительно в немалой степени растворенную в нас. Перед глазами вместо конспектов и книг носились видения диких набегов, победных костров, плечи белокурых дев. Обычный московский полусирота — родители полжизни находились за границей, — он смог незаметно оставить институт; единственной обязанностью осталось присматривать за пустующей квартирой и взимать деньги с жильцов, которым он ее тайно сдавал.

Возможно, это было началом безумия. Но сомнения прошли, и стало хорошо.

Он выбрал себе летнюю страну, о которой раньше не знал и которая понравилась ему. Этой страной стало Подмосковье. Его волновала тайна станций: Малиновка, Морозки, Сосновый Бор, Снегири, — что скрывалось за ними? Он отправлялся до станции с понравившимся названием, сходил на асфальтовый перрон, как на причал неизвестного порта, и начинал исследования. Это был край обывательских фавел и бывших государственных дач. Удивляло количество пивных и пионерских лагерей. Радовало отсутствие людей с измученными глазами, с плохими магазинными продуктами в сумках и рюкзаках.

Он устроил себе гнездо в мансарде одной из дач кооператива под странным названием «За здоровый быт!». Хозяевами были беспомощные старики, чья жизнь проходила в постоянной борьбе с печкой, которая не хотела растапливаться, с сорняками, душистыми робкие садовые насаждения, и с мужчинами без определенных занятий, которые в изобилии бродили вокруг, просовывали сквозь ветхий забор медные морды, требуя стакан или редиски на закуску. Старики знали, что в случае визита нежданных гостей помощи ждать неоткуда, и поэтому почти смирились с тем, что Викинг, или Тарзан, как они его называли, живет в их мансарде, забираясь туда по веткам дерева, чтобы не беспокоить хозяев.

В один из спокойных дней, когда к Викингу возвращались дар речи и способность интересоваться себе подобными, он побеседовал с престарелыми дачевладельцами и с изумлением узнал, что этот сидящий против него в плетеном кресле старец когда-то командовал легионами людей, которым мы обязаны появлению канала Москва — Волга и трех прекрасных подмосковных водохранилищ.

— Да, юноша! Создавали рукотворные моря, — говорит он, хитренько улыбаясь и подливая Викингу чай с мятой. — И уж поверьте, лучше из идейных соображений рыть котлованы, чем по идейным соображениям лежать вверх животом на пляже!

А напротив, за забором, шло строительство. Вздыхалась стропилами, словно шпангоутами пиратского брига, красавица дачка. На стройку обычно приезжали трое: обезьяноподобный мужчина, весь в какой-то подростковой одежде — цветастые распашонки, штанишки с накладными кармашками, игривые жокейские шапочки, и вместе с ним два амбала со скучными лицами профессиональных спортсменов. Викинг про себя окрестил их Тяжелоатлетом и Легкоатлетом. Легкоатлет находился в постоянном движении: сжимал в руках кистевой экспандер, постукивал ребром ладони по деревянным предметам и все время пританцовывал, попрыгивал. Тяжелоатлет, напротив, был мечтателем, как многие толстяки, походил на снежного человека — йетти, которого так безуспешно ищут вдали от Москвы.

Бывший прораб сталинскихстроек называл соседей почему-то «деловыми» и «честными кооператорами». Отрешившийся несколько лет назад от мира, Викинг не понимал, что такое — «кооператоры». Колхозники? Но на колхозников соседи походили мало.

Видно было, что одуванчиковый старичок пылал ненавистью к нуворишам, как он их в сердцах называл. Он плевал в их сторону, а однажды на рассвете Викинг видел, как старик подкрался в кустах смородины к забору, разделяющему владения, и вылил на вражескую территорию свой ночной горшок.

— Доски первосортные ташут, финские обои... А я крышу второй год починить не могу! — жаловался Викингу. — Но — не ропщу! — он гордо встряхивал головой. — Сменилась власть — сменились и лучшие люди. При НЕМ-то, — зашептал старик доверительно, почему-то оглядываясь, — при НЕМ эту шушеру и на пушечный выстрел к «Здоровому быту» не подпускали. Тут другая публика отдыхала! ОН — порядок любил. Любил, значит, чтобы все было хорошо... И на кого променяли? Ну скажи, что лучше после себя оставить — моря, каналы... или шашлык из собачатины?! — он передернулся от отвращения.

Рукотворные моря были прекрасны... Их берега являли собой прежние лесные поляны, опушки и не походили на покрытые камышами побережья обычных озер. Они были покрыты веселой английской травкой и окаймлены мелким речным песком.

Солнечная дорожка тянулась по синеватой глади Клязьминского водохранилища, увозя прямо к Шереметьевскому аэропорту, с которого неторопливо снимались солидные «боинги», беря курс на Запад. Было приятно идти по мелкому песку после купания. Казалось, он может ступить на солнечную дорожку и ощутить ту легкость, которую испытал Иисус, идя по водной глади. Хотя в его пантеоне главным был другой бог, бог войны Один. К Нему приходил воин, если умирал не в постели, а в бою, с оружием в руках, к Его белокурой девам, в леса Его чудесных охот.

По своей натуре Викинг был очень спокоен, хотя иногда в нем пробуждалась кровь скандинавских воинов, рвавших на себе одежды в бою, чьи силы только удаивались от рухившихся на голое тело ударов. Став на некоторое время одержимым — берсерком, он был в состоянии рассеять небольшую толпу.

Берега подмосковных морей привлекали его и своими пляжами — особенно в будние дни, когда меньше отдыхало людей взрослых, и почти каждая поляна, каждый ивовый куст являли собой приют хорошеньких школьниц с распущенными волосами магдалин.

В выходные дни пляжи были менее привлекательны. Над людскими лежбищами вился терпкий дух вина, сигарет и разврата. Викинг научился выделять людей, похожих на соседей по даче. Они были разряжены в пестрые шутовские одежды с наклейками инофирм на самых неожиданных местах. Люди эти бродили, разглядывая женщин с видом покупателей на невольничьих рынках, предпочитая, вероятно, пляж ресторану, поскольку здесь можно видеть товар не только лицом. Они «снимали», или «выписывали», — ухо Викинга чутко улавливало новые слова, — и если женщина, по их мнению, «пишет», присаживались возле на корточки, зазывали, а иногда и торговались. Викинг так не мог, с женщинами он знакомился лишь тогда, когда казалось, что они его зовут. В московском «Рекламном приложении» он аккуратно подчеркивал телефоны рядом с малопонятной непосвященным формулировкой: «Требуется помощник по хозяйству». И звонил, упорно добываясь встречи. Иногда его гнали. Чаше — оставляли ночевать.

Гласность делала новые шаги. К «Рекламному приложению» прибавились кооперативные «Клип», «Фортуна», и вместо сухого требования помощника несчастные женщины могли блеснуть поэтическим да-

ром: «Кто поверить может в сказку, тот пускай позвонит мне. Золушка». Викинг звонил и Золушкам, и дамам средних лет, ласковым и жизнерадостным. Легко было дарить им свою бурную ласку, ибо они звали, ждали его. Но немисливо было подойти к ним на улице. Тут он был застенчивей мусульманской девочки.

Лишь только раз он изменил своим привычкам и смог подойти первым. Он плыл на лодке, и вдоль покрытых приятной тенью лесных берегов горели костры — это школьники, студенты прощались с прежней жизнью, справляли выпускной бал. Слышались смех, хмельные голоса, но не грубые, почти детские. Звенели гитары, и юные девушки купались в горячей от знойного дня воде. Вот одна из них — в почти незаметном купальнике — побежала вдаль по бесконечному пляжу, по золотеющему последнему лучу. Длинноногая белокурая Лорелея.

Он сильными толчками подогнал лодку к берегу, встал на ее пути. Спутники Лорелеи пели и смеялись за мысом. На вечернем пляже не было никого. Девушка остановилась, глядя на него, но не испугалась, подошла ближе. Осторожно, словно слепая, потрогала его обнаженные плечи, грудь. Он молча обнял ее и понес в лодку. Он повез Лорелею к чей-то каютной яхте, стоявшей невдалеке от берега, взломал дверь.

— Ты сумасшедший? — спросила она, когда проснулась от движения длинных ресниц Викинга, — словно крылышки ночного мотылька, они шекотали ее плечо. В иллюминаторе яхты была видна луна, красным бакемом висевшая над водой.

— Да, сумасшедший, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал Викинг. — Но мне надо отвезти тебя к вашим ребятам. Они могут подумать, что ты утонула, бросятся искать, и кто-нибудь в самом деле утонет.

— Я оставлю тебе телефон.

— Не на чем записать... Запиши его на том месте, где мы встретились, на речном песке. Утром я приплыву туда и прочту.

На рассвете он покинул яхту, не желая встречаться с ее хозяевами. Подплыл к берегу и прочитал выведенное прутником: «Все равно люблю тебя, Викинг» и даже две начальные цифры телефона — остальные слизала вода, разбуженная утренним ветерком. А машина, принадлежавшая Лорелее и ее друзьям, уехала.

Он развернулся и стал грести на станцию «Рыболов-спортсмен». Ее работники, бывшие всегда чуть-чуть навеселе от непрерывных угощений рыболовов, неплохо относились к Викингу — на Руси любят юродивых.

На причале, в белесом тумане, стоял бессонный лодочник — respectable старик в очках, с трубкой. Он приветливо кивнул Викингу. Викинг подумал, что скоро вернутся родители и, узнав все, может быть, выгонят его из квартиры. А потом он состарится, и его перестанут принимать даже пятидесятилетние Золушки. Тогда он устроится на этой станции лодочником.

Мысль о возможности лишиться с возвращением родителей свободы и жилья стала беспокоить его, выводить из счастливого забвения. Он постарался понравиться старенькому дачевладельцу: после встре-

чи с Лорелеей у него появился вкус к дому, желание иметь постоянное гнездо, хотя бы мансарду.

Он стал истово помогать старикам и вскоре получил приглашение провести на даче зиму в качестве сторожа. Вопрос, чем заниматься всю долгую зиму, Викинга не беспокоил. Старик указал ему на штабеля журналов и газет — каждый день почтальон приносил новую внушительную пачку. Викинга соблазнила мысль прочитать за зиму все, что уже несколько лет вождельенно читают его сограждане.

Он приглядывался к старикам. Это была на редкость полярная пара. Старик поднимался чуть свет — весь день копошился в саду, по хозяйству. Старушка просыпалась к одиннадцати — делала дыхательную

вяться. Вряд ли согражданам так уж необходимы брелоки с изображением полуголых девиц, которые продают здоровые мордovorоты в переходе Ярославского вокзала, а также японские и вавилонские гороскопы, что предлагает мужчина с лицом хроника у метро «Комсомольская».

Любившая поспорить хозяйка возражала: обогащаться нынче не зазорно. Викинг сказал, что в этом действительно греха нет, но он, очевидно, из-за отшельничества своего не заметил обогащения учителей, инженеров, шахтеров или колхозников. Присутствовавший при разговоре старик проворчал, что, вероятно, допущена очередная ошибка.

— Если это ошибка, то, пожалуй, того же мас-

гимнастику йогов, пила кофе, читала, лежа в шезлонге. Вечером оба смотрели телевизор и упоенно спорили. На письменном столе старика стоял бюст И. В. Сталина. Хозяйка повесила над изголовьем портрет Коротича. Однако создавалось впечатление, что старик боится хозяйку не менее, чем в прежние времена Хозяина. Показывали семейные фотографии: старик в гимнастерке с ромбом — белозубо улыбается, и хозяйка — в соломенной шляпке, очень красивая. Он кончал рабфак, она — гимназию.

Викинг пытался выяснить у хозяйки: кто же такие кооператоры? И понял из ее восторженных рассказов, что это инициативные люди, которые в поте лица своего производят нужные народу вещи и услуги, которые государство пока еще не в состоянии предложить. Доверчивый Викинг принял эту версию, но, читая про них в журналах, начал робко сомне-

штаба, что и строительство морей силами заключенных, — возразил Викинг. — Во всяком случае, и та, и другая «ошибки» вознесли на вершину успеха значительные группы людей, оставив остальных почтиительно взирать на них и утешаться тем, что грех считать деньги и власть в чужом кармане. «Ошибки» рано или поздно признаются, но награбленного еще никто не отбирал.

Старик и старуха посмотрели на него с раздражением.

— Вечно вы, молодежь, занимаете какую-то... третью позицию.

Вечером соседи приехали пьяные — позже, возбужденно ругаясь, поехали «добавлять» или «вычислять» кого-то.

Ночью Викинг проснулся у себя в мансарде от пряной восточной музыки. В нагретом летнем возду-

хе уханье соседской магнитолы разносилось по всему дачному поселку. Через ставни их уже отстроенной дачки лился липкий желтый свет. Сквозь крики звучащей на английском песни пробивалось еще что-то. Викинг прислушался: может, секс-музыка? Есть такая, когда на песню фоном записаны вздохи и стоны. Нет, не похоже. Стоны, если и есть, то вполне натуральные и далеко не любовные.

Он прыжками — с дерева на дерево — перелетел через забор, повис на ветке, под кровлей дачи, здесь часть окна была не закрыта ставней. При свете желтого ночника он увидел обезьянью, волосатую спину хозяйина, а рядом Тяжелоатлета. Оба были голые. Дальше, на кровати, белокурые распушенные воло-

им укусом впилась сталь. Значит, в комнате был еще и третий. «Беги, Лорелея», — и, поняв, что ослабевшая девушка не может передвигаться, потащил ее к окну. Перед ним замелькали голые тела, цепкие руки. Закричав, как берсерк, чуя льющуюся по спине кровь, он провел перед собою рукой, — нож со свистом рассек воздух. «Беги!» — он легко перебрал девушку через подоконник. Она упала, ломая хрупкие садовые цветы. Сумела быстро подняться, побежала к калитке. В луче света мелькнула прекрасная голая спина, золотые волосы. Он стоял и, расставив руки, заслонял собой открытое окно, сквозь которое пытались пробраться потные, пьяные люди. Потом он вновь почувствовал в теле короткий уку-

сы, голая женская спина. Честное слово, на любом пляже он бы узнал эту спину. Он заметил, что женщина ремнями привязана к кровати, как бы распята на ней. Платок, закрывавший рот, не давал ей кричать.

Викинг сорвал дубовую ставню и прыгнул в комнату. Не обращая внимания на присевших в испуге голых дачников, он подбежал к кровати, стал распушивать ремни. Оправившийся хозяин быстро полез в стол, вынул нож. «Это мне и надо», — подумал Викинг и вырвал нож, едва не сломав обезьянью ручонку хозяйина. Молча он продолжал резать ремни, стараясь все же держать дачников в поле зрения. Женщина привстала на четвереньки, трянула белокурыми волосами.

— Беги, Лорелея! — сказал он, подталкивая ее к открытому окну. Тут же в спину острым волчь-

стали. Раз, другой и третий. Железные оси терзали спину. Все замерцало, как в теряющем энергию телевизоре, он увидел в своей руке нож — изображение было уже черно-белым — и обрадовался, он умирает с оружием в руке, как воин! Бог Один примет его! Он улыбнулся и упал на нежные дачные настурции. И через мгновение уже шагал по зеленым полянам дивных лесов Одина. Как хорошо, как свежо было здесь! Скоро, скоро придет к нему белокурая Лорелея. О, она не заставит себя ждать!

Рисунки
Николая Мооса

ОГОРОД

«УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

Еще несколько лет назад рассказ о малораспространенных пищевых растениях имел бы, пожалуй, лишь познавательное значение. Увы, события последнего времени изменили ситуацию. Со всей серьезностью встала перед многими проблема обеспечения себя самыми насущными продуктами. И без юмора воспринимаем мы статьи под рубрикой «Школа выживания» или заметки о том, как самому сшить брюки или приготовить лекарство в домашних условиях.

Вот и «Уральский следопыт» по совету читателей решил вспомнить изрядно позабытые овощные культуры и дикорастущие пищевые растения, вернуться к народным рецептам и кулинарным секретам. Вы узнаете, как применять «вершки и корешки» тех трав, которыми раньше пренебрегали, считая их не пригодными для приготовления, скажем, вкусного супа или салата.

Надеемся, что читатели и сами поделятся с нами своим опытом, напишут о «секретах» приготовления питательных блюд из дикорастущих трав и деревьев, а также из всем известных, но незаслуженно обойденных вниманием огородных культур. Ваши рассказы, наблюдения, советы по возможности будут использованы в «Огороде «Уральского следопыта».

ЦИКОРИЙ

Многие почему-то считают его жителем юга. Когда в магазине можно было купить различные сорта кофе, он — вы помните? — иногда продавался в смеси с цикорием. Вероятно, такое соседство с уроженцем тропической Африки и вызывало ассоциации с теплолюбивыми заморскими экзотами. Что же, тем приятнее будет узнать, что цикорий — наш земляк.

На исходе июня, когда солнце застывает в зените, к многоцветной благодати лета добавляет голубизны зацветающий цикорий. Не поленитесь встать пораньше: между 4 и 5 часами утра, опережая рассвет, раскрываются его бутоны...

Разводить и использовать цикорий как пищевое растение в России стали в начале прошлого века. Среди крестьян он прослыл как «золотой корень». Собирали впрок, хранили на «черный день» петровы батоги (растение зацветало накануне или вскоре после Петрова дня). И даже дарили в качестве... приданого невесте. Высушив и поджарив желтоватые корни, формой похожие на морковку, можно было, затем приготовить полезный и бодрящий напиток. (Идея получения цикорного кофе предложена в конце XVIII столетия немецким садовником Тимме.)

Так же, как цикорный кофе, настои и отвары корней растения обладают лекарственным действием. Препараты из «золотого корня» улучшают деятельность желудка и кишечника, возбуждают аппетит, лечат раны и кожные болезни, оказывают успокаивающее действие. Ими пользуются при заболеваниях печени и почек, при нарушении обмена веществ и сахарном диабете. Для лечения 1—2 чайные ложки высушенных и измельченных корней заливают стаканом кипятка и пьют перед едой 3 раза в день по 1/3 стакана.

Для лечебных целей больше подходят корни молодых (однолетних) растений. Выкапывать их следует в конце сентября — начале октября. Собранные корни (корнеплоды) зимой используют по назначению или хранят, прикопав в прохладном месте (например, в подвале). Весной их можно посадить снова. Причем перед посадкой корень разрезают на несколько частей (2—3 см в длину) — каждая из них даст молодые побеги, а осенью — желанный корень.

Зимой же можно сделать и салат из листьев цикория. Тем более что получение его урожая не составит трудно-

Рисунок
Андрея Пулатова

сти даже для начинающего растениевода-любителя. Предназначенные для выгонки корнеплоды сажают в широкие неглубокие ящики почти вплотную друг к другу, помещают в более теплое помещение (подвал, кладовку), где поддерживается температура воздуха +12°C или выше, и начинают поливать теплой водой. У дикорастущего цикория из корнеплода развивается несколько рыхло расположенных листьев. У его культурных сортов образуются сочные широкие листья, собранные в прикорневой розетке (сорт «Листовой улучшенный»), либо они плотно охватывают друг друга и создают подобие капустных кочанчиков (сорт «Витлуф»). Собирать урожай листьев можно уже через 30—40 дней.

Ботаник Г. М. Свиридонов, большой знаток дикорастущих пищевых растений, предлагает такие блюда из цикория.

САЛАТ. 200 г молодых побегов и листьев цикория промывают, нарезают на мелкие части, добавляют 10 г маргарина, соль по вкусу. Все это тушится на слабом огне минут 20, а перед подачей на стол посыпается петрушкой.

СУПОВАЯ ЗАПРАВКА ИЗ ЛИСТЬЕВ. Промытые листья размалывают в мясорубке, добавляют соль и приправляют из расчета 1 столовая ложка на 1 порцию супа...

Цикорий в переводе с греческого означает «растущий на полях», «заходящий на поля». Увы, реальному положению вещей чаще соответствует лишь второй вариант перевода: петровы батоги появляются на полях как нежелательные сорные растения. Плантации цикория созданы лишь в Белоруссии, на Украине, в республиках Прибалтики, а в России — в Ярославской области. Почти не возделывают его на Урале. А между тем это растение можно разводить едва ли не на всей территории нашей страны. Особенно ценно то, что годится оно для зимней выгонки, когда в пищевом рационе явно ощущается дефицит овощей.

Майя
БЫКОВА

Красноглазый, леший, русалки...

Рисунок
Натали Петровой

Заранее следует оговорить: не все, что я сейчас расскажу, следует воспринимать в лоб, напрямую. Надо иметь в виду, что и фантазия, и тяга к творчеству внесли свою долю в каждое повествование. Не все можно строго разложить по полочкам. Я передаю вам три истории. События в них развиваются в районах старых выработанных шахт. Хочу обратить внимание на это, потому что, думаю, среди читателей журнала найдутся и такие, которым есть что сообщить, если не о событиях сегодняшнего дня, то по крайней мере произошедших с нашими бабушками и дедушками. Выработанные шахты и брошенные рудники действительно таинственны. Недаром П. Бажов написал столько о Хозяйке Медной горы.

В ноябре 1989 года я получила письмо как отклик на мою журнальную публикацию от жительницы Нижнего Тагила А. С. Азисовой. Она вспоминает о событиях 1936 года, когда вместе с отцом ездил через Уральский хребет (район географической границы между Европой и Азией) из села Елизаветинское к ручью Смородинка. Примерно в трехстах метрах от него была заброшенная графитная шахта. На месте выработки образовалось неширокое озеро, берега которого уже заросли кустарником и деревьями. И вот там-то они увидели то, что отец собирался показать своей дочери — что в народе называется русалками. Они долго наблюдали за этими человекоподобными существами, появляющимися из воды и взбирающимися на дерево, с которого то и дело прыгали в воду. При этом с их стороны доносилось мелодичное «пение» без слов. Это были не какие-нибудь мифические существа с рыбьими хвостами и чешуей. У них были руки

и ноги. Воспоминание о поющих русалках Александра Степановна принесла через всю жизнь. И только сожалела, что не может ни с кем поделиться виденным. В самом деле, попробуй кому-нибудь всерьез рассказать. Она и сейчас не против съездить в те же места, чтобы проверить впечатления детства.

А вот шахтер из Донбасса В. Е. Ананик рассказывает, что дважды в жизни испытал сильное ощущение от встречи с неведомым существом. Развивались события в г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. В зиму 1942—1943 года он лежал со scarлатиной в одноэтажной больнице. Однажды глубокой ночью он смотрел в окно, перед которым вдруг предстало неведомое — «оно» было похожим на человека, лохматым, с круглыми светящимися глазами, наводящими цепенящий ужас. «Мы смотрели через окно друг другу в глаза на расстоянии менее метра. Он ни разу за это время не моргнул. Теперь только я понимаю, что он шел мимо окон, заглядывая в них. Ночь я, конечно, провел с няньками, моющими полы».

В таких ситуациях, когда ребенок болен, тем более scarлатиной, что предполагает высокую температуру, обычное успокоение — показалось, чего с температуры не бывает. Но жизнь сама реабилитировала этот случай. Уже юношей, спустя ровно десять лет после события, Ананику вновь довелось встретиться с этим непонятным: «Возвращаясь поздним вечером (вторая смена) с занятий из города в совхоз. Шел уже по окраине, кстати, в районе той же больницы. Погода стояла тихая, шел большой снег. Чтобы выйти на дорогу наверняка, я свернул в ближайший узкий проулок (со Стелпой на Томскую). Мне пришлось сделать ранее крюк, так как заходил к дяде. Прой-

дя метров пятьдесят по проулку, я увидел фигуру идущего мне навстречу. Было желание побежать назад, но не побежал, а продолжал продвигаться вперед, наверное, от отчаяния, разминуться же возможности не было. Коренастая, сразу показавшаяся знакомой, фигура приближалась. Левая рука его была за спиной. Из-за валившего валом снега, покрывавшего все вокруг и меня, и его, я не мог разглядеть шерсть. Сблизившись со мной, правой рукой он схватил меня за грудки, и мы вперили взгляд друг в друга. Его глаза, небольшие, круглые, светящиеся, были те же самые, которые я видел в детстве. На меня нахлынул тот же ужас. Я первым как бы пришел в себя. Приподнял школьную сумку и сказал: «Иду со школы». После небольшой паузы, буркнув что-то невнятное, совсем не похожее на слова, он резко отстранил меня в сторону и пошел своей дорогой. Я тоже двинулся, уговаривая себя не оглядываться и не бежать».

В те годы, которые я описываю, сразу за городом, именно там, куда и откуда я ходил не раз, вдоль реки Иня разрослись непроходимые чащи, по-сибирски — согры. Даже летом мальчишки не заглядывали туда. Прекрасные тихие места, где можно найти приют любому, чтобы оставаться незамеченным. Интересно, в поисках чего он ходил по этой окраине зимой?»

В 1979 году Алису Николаевну Королькову, учительницу математики средней школы города К., что на Донбассе, обязали работать воспитателем в пионерском лагере, километрах в тринадцати от города. Там была безлюдная степь, отличающаяся неудобьями, прорезанная частыми балками с кое-где оставшимися язвами выработок. Рассказывали, правда, что бывали в эту сторону

побеги из далеко расположенной тюрьмы. Поэтому лагерь наивно был обнесен деревянным забором, лишь в одном месте прохудившимся — где-то между кухней и чанами с пищевыми отходами.

Однажды обратили внимание, что содержимое этих емкостей было как бы перебрано... И вот в «тихий час» Алиса Николаевна искала здесь в траве вещь, утерянную одной пионервожатой. В какой-то миг наступил момент, когда она почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. За забором тихо стоял «человек». Он оказался совсем без одежды, полностью покрытым волосами, даже лицо. Оглядев его, она подумала: «Дезертир!» (Тогда только прокатилась в прессе волна рассказов о японцах, обнаруженных на чужих островах еще со времен второй мировой войны и даже не подозревавших, что она кончилась.) Страх не было. Она ведь не знала, что ни в каких экстремальных условиях человек не может полностью обрести волосы от ступней до затылка. Все испортила заурчавшая невдалеке автомашина. «Человек» скосил в ту сторону глаза — и Алиса Николаевна тут же ощутила невероятный страх. Она увидела, что белков у него нет совсем. Эта часть глаза была алой-алой. Сразу мелькнула мысль: «Не человек — зверь!» Воспользовавшись тем, что все же он отвлекся, она с трудом повернулась на негнущихся ногах. И, уже убегая, оглянулась, чтобы убедиться еще раз, что ей «он» не приснился. Он, очевидно, тоже сразу пришел к мысли о побеге. Она увидела его фигуру в профиль, слегка согнутую. Руки свисали ниже колен.

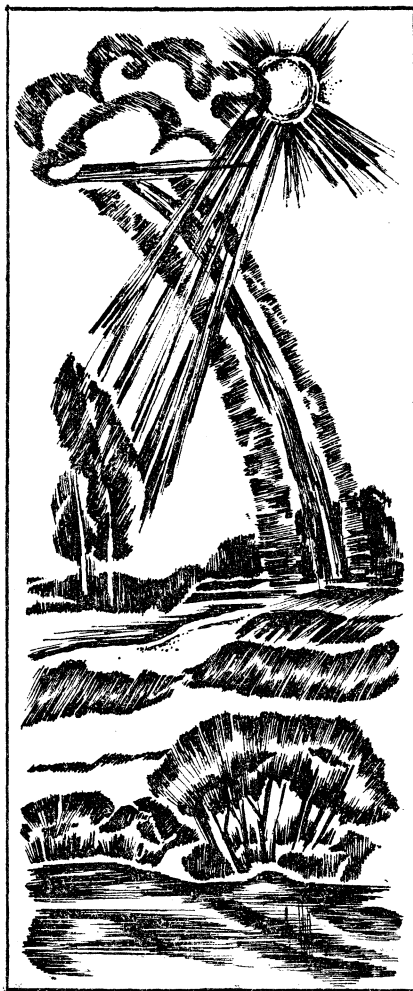
Прибыв в палату, она созвала всех сотрудников. Видя ее невероятную взволнованность, обеспокоенные все время повторяемыми словами: «Он может прийти сюда и напугать детей!» — все направились к месту происшествия. За тропинкой, на хорошо взрыхленном участке кукурузы, остались четкие следы больших босых человеческих ног. Все поняли реальность происшедшего: «Мы тебе верим, Алиса, но постарайся забыть!»

Здесь же той же осенью ученик той же школы, будучи на запретной рыбалке в дождливую погоду (водоем охраняется как источник питьевой воды), оглянувшись на едва уловимые звуки чье-то передвижения за его спиной. И увидел подпрыгивающего в такт капли «человека». Без одежды, с ног до головы покрытого волосами.

А еще служитель водоема ночью услышал и ощутил, как кто-то подошел к нему сзади, на двух конечностях, и дышал ему в затылок. Он не поддался испугу. Существо постояло-постояло и пошло в камыши. Жители ближайшего селения тоже встречали человекоподобного...

НАРОДНОЕ ПОГОДОВЕДЕНИЕ

Георгий
РЫЖЕНКОВ

РАДУГА — НЕБЕСНЫЙ ПОЯС

Видна вся дуга радуги — к дождю. Высокая и круглая радуга — к вёдру, полая и низкая — к ненастью.

Если во время дождя появится радуга — дождь скоро перестанет.

Если в радуге преобладает красный цвет, то погода прояснится, а если синий — будет ненастье.

Если видна только одна сторона радуги (отрезок) и низко — к ясной погоде.

Если к вечеру появилась крутая радуга, будет такой же ясный день, а если полая — жди дождя с ночи.

Если при дожде появится радуга и голубой цвет в ней не густ, а желтоватый ярк — это лучший признак хорошей погоды.

Если радуга появляется до дождя — дождь прекратится, а если после — дождь будет продолжаться.

Если радуга появляется при хорошей погоде — наступит ненастье, а если при плохой, то будет вёдро.

Если радуга появляется утром — будет дождь, вечером — к хорошей погоде.

Если туча летом пересечется радугой — дождя не будет.

Зеленая радуга к дождю, желтая к хорошей погоде, красная к жаре и ветру.

Когда идет дождь и появится тройная радуга (три радуги) — целую неделю будет дождь.

Появление радуги на большой высоте предвещает бурю.

Радуга — знак скорого вёдра.

Радуга зимой — к морозу.

Радуга концами пьет воду из рек и озер и поднимает ее на небо для дождя.

Радуга на западе — будет дождь, на востоке — хорошая погода.

Радуга с наветренной стороны — день будет дождливый, радуга с подветренной стороны — день прояснится.

Радуга — труба, которой пророк Илья берет воду из рек и озер.

Радуга стоит с севера на юг — к дождю, с востока на запад — к хорошей погоде.

СБЕЖАЛИСЬ ТУЧКИ...

Бродячие облака воды не несут. Кучевые облака с севера — к вёдру, с запада — к ненастью.

Облака идут быстро, плывут высоко — к хорошей погоде.

Облака редкие — будет ясно и холодно.

Появляются облака комками — дождь долго не продлится; облака кажутся плоскими — дождь затянется надолго.

Если при заходе солнца небо затягивает с севера — к ветру.

Светлое облако перед восходом солнца — к хорошему, а темноватое — к пасмурному или дождливому дню.

Продолжение. Начало в № 4—6, 1991 г.

«Чудная сия птица по наружному своему виду то же между пернатыми, что верблюд между четвероногими», — так образно обрисовал фламинго русский натуралист и путешественник Г. С. Карелин, руководивший в прошлом веке исследованиями Каспийского моря, обитателей его вод и берегов.

Кроме юго-восточного берега Каспия, краснокрылы — так называется живущий у нас в стране вид фламинго — водятся также лишь на некоторых крупных озерах Казахстана. Словом, эта экзотическая птица гнездится, как правило, колониями только в теплых краях. Однако в последнее время участились случаи появления «пернатого верблюда» в... далекой Якутии. Причем его встречают там даже в октябре, когда морозы к концу месяца достигают 25—30 градусов.

К примеру, 29 октября 1989 года местный житель С. Белолюбский обнаружил в окрестностях села Намцы (что в ста километрах севернее Якутска) живого фламинго. Узнав об этом, орнитолог Александр Тимофеевич Антонов сразу выехал на место, поймал птицу и привез ее в столицу республики. Ученый бережно ухаживал за своей невольной гостьей, но полученная ранее простуда не дала выжить редкой птице.

Опытные таксидермисты сделали из него чучело, и «пернатый верблюд» стал уникальным экспонатом Якутского краеведческого музея.

А. СЛАВИН

Немалый ущерб нанесли энергетическим компаниям США обычные белки. Нередко они забирают для хранения своих запасов трансформаторные коробки, установленные на линиях электропередачи. Соприкасаясь с оголенными проводами, белки погибают сами и вызывают замыкания в электросети.

Выход из создавшегося положения все же был найден. Около пятидесяти пластиковых сов, очень похожих на живых и даже с двигающимися глазами, были посажены на верхушки столбов электросети Тихоокеанской компании газа и электроэнергии в Калифорнии. Поскольку белки панически боятся сов, сразу же резко уменьшилось количество аварий в сетях. В результате сэкономлены многие тысячи дол-

ларов, ранее затрачиваемых на восстановление подачи электроэнергии, а главное — сохранена жизнь множеству белок.

Следующая задача компании — отучить от посягательства на деревянные опоры электросетей дятлов, которые пробивают в них довольно большие дыры.

Е. СОЛДАТКИН

Робин Гуд, благородный разбойник, широко известен и за пределами Великобритании. Его имя привлекает тысячи туристов в Шервуд и Ноттингем, легенда о нем живет. Но жил ли он сам в действительности? Профессору Хоулту из Кембриджа два десятка лет не давал покоя вопрос о происхождении мифа. В результате возникла книга по истории средневековой Англии.

Что касается Робина Гуда, то исследования Хоулта подтвердили, что уже около 1200 года в Йоркшире поселились несколько семей Гуд. Судя по всему, прототипом легендарного Робина был реальный человек. Но надежных документов, подтверждающих это, пока не найдено.

Зато существуют три «могилы Робина Гуда», а в Шервудском лесу можно сфотографироваться рядом с 500-летним дубом, под которым укрывались Робин Гуд и его друзья.

Б. ПИНАЕВ

Как известно, картофель появился в нашей стране только в XVII веке, а завезли его в Россию из Голландии. За три столетия съедено его — прорва, и казалось бы, нет секретов, в каком виде подавать его на стол. Так, во всяком случае, до последнего времени считал и я. Но увиденный по телевизору сюжет расширил мои представления о картофельной рецептуре. Собкор ЦТ Кипрас Мажейка рассказал об уборке, хранении картофеля в стране, ставшей родительницей не только тюльпанов, но и российского овоща. Поражало трепетно бережное отношение к выращенному урожаю, когда он используется на все сто процентов. В дело идут картофелины величиной с горошину. И не куда-нибудь. Как деликатес их подают в рестораны, естественно, за повышенную плату.

Тогда собкор ЦТ дал и рецепт приготовления экзотического блюда. Он прост. Попробовав сию новинку, рискну предложить всем желающим.

Итак, не сетуйте на судьбу, если картошка на вашем огороде не совсем уродилась. Соберите

весь «горох», тщательно промойте его, но так, чтобы не повредить нежную кожицу, не счищать ее. Удалите кончиком ножа червоточинки: занятие хоть и не быстрое, но, как говорится, искусство требует жертв. Первая операция закончена. Теперь ставьте сковороду на плиту, растопите маргарин, или жир, или сало, можно сливочное масло, если удалось отovarить талоны, или растительное используйте — дело вкуса и наличия необходимого. Посолите, а когда соль растворится, засыпайте картофель. Закройте крышкой, и минут через 10—15 на слабом огне экзотическое блюдо будет готово. Степень поджаристости — тоже дело вкуса. Маленький совет: подберите картофельки примерно одного размера и засыпьте их на сковороду в один слой. Просто и вкусно.

Н. КУЛЕШОВ

На необитаемом острове, расположенном к северу от побережья кубинской провинции Пинар-дель-Рио, в наши дни живет настоящий современный Робинзон. Его зовут Висенте Эрнандес.

Более 50 лет назад нужда забросила Эрнандеса на этот отдаленный клочок земли, где в то время несколькими неимущим крестьянским семьям выделили земельные участки. Но вскоре люди не выдержали примитивной, полной лишений жизни на оторванном от мира острове и стали покидать эти места. Покинули все, кроме Эрнандеса. Огромное трудолюбие и упорство помогли ему расширить свою ферму. Он выращивал свиней, овец, птиц. На небольшом поле росли рис и фасоль. Гордостью островитянина стал сад с апельсиновыми деревьями.

Время от времени жена и дети отшельника посещали его, привозили кое-что из утвари, соль, спички, а возвращались с запасами провизии. После победы революции на Кубе они не раз упрашивали Висенте вернуться домой. Но никакие уговоры не действовали — современный Робинзон не желал расставаться с островной жизнью в одиночестве. И все же недавно 80-летний старец посетил «Большую землю» — его глаза нуждались в серьезном лечении.

Погостив у детей и внуков, осмотревшись вокруг и увидев все «преlestи» цивилизации, Висенте Эрнандес заявил, что возвращается на остров и там встретит свою кончину. «Как можно сравнить тишину, покой, чистый воздух моего острова с кромешным адом, что царит тут у вас!..»

В. РОЩАХОВСКИЙ

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН,
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в доставочные предприятия
связи по месту жительства, в отделения
предприятия «Союзпечати».
Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 06.08.91.
Подписано к печати 26.09.91.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага газетная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 14,10.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 405 000.
(2-й завод: 200 001—405 000).
Заказ № 357.
Цена 80 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

© «Уральский следопыт». 1991.

80

Царевна-лягушка из торфяного болота

См. слайды на 3-й стр. обложки

Человек издавна связывал свою жизнь с лесом. Из корня по-валеного дерева, из сучковатой ветки мастерил оберёги для жилища, поклонялся могучему дереву, а корням приписывал целебные свойства. Недаром в старину заколдованным местом считалась поляна с вывороченными из земли разлапистыми корнями. Возможно, тогда и зародились сказочные сюжеты о бабеге, кикиморе, леших. Эти фольклорные образы живут в квартире обойщика И. Красноперова.

Игорь Михайлович увлечен корневая пластикой. Так называется он поделки из корней и веток, заполнившие шкаф, полки серванта, подоконник и все углы в комнате.

Подельный материал отыскивает на высохших старых болотах, в заброшенных торфяных выработках — там, где под толщей воды и трясины без доступа воздуха десятилетиями гомилась остатками погибших деревьев. Немало таких заветных мест знает мастер вокруг Свердловска.

Впрочем, удачные находки случаются и в городе. Например, заготовка для большой декоративной вазы из бородавчатого наплыва снята с кленового комля на улице Пушкина. Удалил попорченные места, срезал все лишнее, а в отверстия вставил заглушки из здорового дерева. Однако они выглядели унылыми заплатками на поверхности вазы. И возникла идея: высверлить отверстия поменьше и снова забить пробку, и опять высверлить и забить — так до самого маленького глазка. Пришлось сделать более тысячи таких операций. А в результате после полировки поверхность оказалась украшенной узорами, напоминающими разводы почковатого малахита.

Не вдруг пришло к нему мастерство. Еще в юности сестра попросила сделать модные в те годы бусы и серьги из дерева. Нарезал пластинок из веток желтой акации, подбрал по рисунку, отшлифовал и покрыл слоем прозрачного лака. Изделие пришлось по душе, а работа захватила его, начал делать кулоны, броши, кольца. Эти поделки молодого рабочего на первой областной выставке самодельных мастеров декоративно-прикладного искусства были отмечены почетной грамотой.

На выставке познакомился с мастерами, стал учиться у них премудростям корневая пластики, но не мог принять устоявшегося правила, согласно которому ценится сама находка, а не то, что создал из нее мастер. У Красноперова свой подход: он сначала создает эскиз будущей работы, в деталях продумывает ее пластику и каждую лесную находку рассматривает затем как возможный фрагмент задуманного образа. Может быть, поэтому его произведения всегда ясны и лаконичны, понятны зрителям любого возраста. На материале пятидесяти лесных скульптур по сценарию Красноперова был создан цветной слайд-фильм «Сказка о царевне-лягушке» и показан по Свердловскому телевидению.

Секретами готов мастер делиться с новичками. На собраниях любительского объединения резчиков по дереву в доме культуры им. Я. М. Свердлова он показывает приемы сращивания корней и веток, учит, как восстановить подгнившую древесину, как «притушить» лак, чтобы избежать дешевого блеска, дает свои рецепты шпаклевки, морилки, прозрачных покрытий, выявляющих красивую текстуру дерева. Ему нравятся дарить собственные поделки. Однажды всю свою выставку подарил Малоисточинскому детскому дому, еще два десятка скульптур — выставочному фонду клуба.

Е. ДЕВИКОВ,
председатель любительского
объединения резчиков
по дереву.

На 3-й и 4-й стр. обложки
фото Игоря Красноперова

